

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»**

На правах рукописи

ШАПОВАЛЕНКО Евгений Владимирович

**ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРЕПОЗИТИВНЫХ
КОМПОНЕНТОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

5.9.5. — Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук, доцент
Т.М. Шкапенко

Калининград

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ	14
§ 1. Словообразование как раздел языкознания	14
1.1. Единицы словообразовательного анализа.....	14
1.2. Эволюция подходов к изучению словообразования	20
1.2.1. Синхрония и диахрония в словообразовании	20
1.2.2. Основные направления дериватологических исследований	25
1.3. Изучение словообразовательных процессов в русском языке новейшего периода	31
1.3.1. Основные тенденции развития словообразовательной системы	31
1.3.2. Аспекты теоретического описания новых деривационных явлений....	34
1.3.3. Проблема определения морфологического статуса заимствованных компонентов.....	39
§ 2. Префиксация в системе словообразования	53
2.1. Префикс как морфемная единица.....	53
2.2. Префиксальное словообразование в русском языке	60
2.2.1. Глагольная префиксация в русском языке	60
2.2.2. Именная префиксация в русском языке	64
2.3. Префиксальное словообразование в языке-доноре глобализационных процессов	68
ВЫВОДЫ	74
ГЛАВА II. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕПОЗИТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОСТАВЕ ИМЕННЫХ ДЕРИВАТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	77
§ 1. Препозитивные компоненты <i>супер-</i>, <i>мега-</i>, <i>экстра-</i>	77
1.1. Препозитивный компонент <i>супер-</i>	77
1.2. Препозитивный компонент <i>мега-</i>	88
1.3. Препозитивный компонент <i>экстра-</i>	97
§ 2. Препозитивные компоненты <i>мон-</i>, <i>ВИП-</i> / <i>VIP-</i>	103

2.1. Препозитивный компонент <i>top-</i>	103
2.2. Препозитивный компонент <i>ВИП- / VIP-</i>	110
§ 3. Препозитивные компоненты <i>интер-, кросс-, транс-</i>	115
3.1. Препозитивный компонент <i>интер-</i>	115
3.2. Препозитивный компонент <i>кросс-</i>	119
3.3. Препозитивный компонент <i>транс-</i>	123
§ 4. Препозитивные компоненты <i>моно-, поли-, мульти-, гомо-, гетеро-</i> ..	131
4.1. Препозитивные компоненты <i>моно-, поли-, мульти-</i>	131
4.2. Препозитивные компоненты <i>гомо-, гетеро-</i>	139
§ 5. Препозитивные компоненты <i>нео-, ре-, пост-</i>	148
5.1. Препозитивный компонент <i>нео-</i>	148
5.2. Препозитивный компонент <i>ре-</i>	152
5.3. Препозитивный компонент <i>пост-</i>	155
ВЫВОДЫ	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
БИБЛИОГРАФИЯ	169
1. Теоретическая литература.....	169
2. Словари и энциклопедические издания.....	194
3. Источники.....	199

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию семантических и прагматических функций, выполняемых препозитивными компонентами иноязычного происхождения в составе именных дериватов в современном русском языке.

Выбор темы обусловлен рядом причин.

Рубеж XX — XXI вв. ознаменовался крупными преобразованиями экономического и социокультурного характера, нашедшими свое отражение в изменениях на различных уровнях языковой системы. Г.Г. Ивлева отмечает, что «нарастание темпов развития человеческого общества, многовариантность бытия, плюрализм человеческой природы, многообразие культур требуют углубленного изучения новых явлений в процессах развития словарного состава» [Ивлева 1994: 29]. На масштабность произошедших перемен на словообразовательном уровне и необходимость их научно-теоретического осмысления указывают многие российские лингвисты-дериватологи. По словам Е.И. Коряковцевой, «расширение международных связей, медиатизация и технократизация общества оказывают постоянное и интенсивное давление на язык <...>, что приводит к возникновению как новых семантико-словообразовательных отношений, так и структурных элементов переходного типа, используемых в новых словообразовательных процессах» [Коряковцева 2012: 191].

Префиксальный способ словообразования, представляющий собой ранее исключительно типологическое свойство русской глагольной системы, под англоглобализационным воздействием стремительно активизировался в области именной префиксации. Наряду с уже освоенными русским языком препозитивными компонентами латинского и греческого происхождения, используемыми в предыдущие исторические периоды в качестве терминоэлементов в научном дискурсе, в состав именных префиксов вошли новые препозитивные компоненты англо-американского происхождения. Как отмечает Л.В. Рацибурская, «в современную эпоху „амероглобализации“, которая сменила

трехсотлетнюю эпоху европейской глобализации, в разных языках наряду с латинско-греческими элементами активно функционируют слова и морфемы английского происхождения» [Рацибурская 2015: 238].

Данные компоненты, получившие новую семантико-прагматическую интерпретацию в американском варианте английского языка рубежа XX — XXI столетий, транслируют ее в языковую картину мира множества принимающих языков. Их внедрение в русскую лингвокультуру происходит в различных дискурсивных областях, среди которых выделяются бизнес и коммерция, интернет-технологии, научный и научно-популярный дискурс, дискурс шоу-бизнеса, моды и развлечений. Препозитивные компоненты становятся своего рода трансляторами западной экономической и социокультурной системы, «проводниками номинаций новых реалий и новых интерпретаций» [Петрухина 2017: 179]. Активное участие многих из иноязычных элементов в речевых практиках носителей современного русского языка в условиях неформального общения свидетельствует о максимально полном охвате препозитивными элементами всей принимающей языковой среды и, как следствие, об их важнейшей роли в реконцептуализации языковой картины мира.

Массированное участие препозитивных компонентов как в составе композитов, так и в составе префиксальных производных, оказывает типологическое воздействие на систему русского словообразования. Предрасположенность английского языка в силу своего аналитического (отсутствие флексий) и изолирующего характера (1 морфема: 1 слово) к препозитивному маркированию именных основ (существительных и прилагательных) входит в определенное противоречие с синтетическим характером русского языка. Результатом данного взаимодействия становится неустойчивый морфологический статус множества заимствованных элементов. Не случайно проблема его установления активным образом обсуждается во множестве лингвистических работ [Шанский 1968; Русакова 2013; Левашов 2008; Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2014b;

Петрухина 2019; Плещинская 2005; Снегова 2017; Waszakowa 2005; Ochmann 2004 и др.].

Активные словообразовательные процессы, в том числе так называемый «префиксальный бум» в современном русском языке, находятся в фокусе внимания многих современных российских лингвистов [Дьяков 2001; Клобуков, Гудилова 2001, Николина 2001, 2005, 2013; Плещинская 2005; Петрухина 2008, 2010, 2017, 2019; Коряковцева 2009, 2021; Русакова 2010, 2011, 2013; Рацибурская, Тимофеева 2010; Жданова 2010; Субботина 2011; Попова, Перовская 2012; Рацибурская 2014а, 2014б, 2015, 2019; Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2014а, 2014б; Жданова, Рацибурская 2015; Радбиль, Рацибурская 2017; Злотникова, Гапонова 2017; Снегова 2017; Николина, Рацибурская, Фатхутдинова 2020; Коряковцева 2009, 2012, 2018; Радбиль, Рацибурская, Ясаи, Палоши 2022 и др.]. Различные аспекты функционирования словообразовательных элементов иноязычного происхождения чаще всего изучаются на материале конкретных префиксальных элементов, рассматриваемых в плоскости отдельных коммуникативно-языковых фрагментов, в первую очередь, на материале языка СМИ [Авакова 2007; Гончарова 2007; Страмной 2007; Шишикина 2010; Рацибурская 2014а; 2014б; Жданова, Рацибурская 2015; и др.], также в терминологическом дискурсе [Новодранова 1990; Бесекирска 1997; Щеколдина 2006; Гарифуллина 2009], в сфере литературной критики [Гугунава 2003], на материале интернет-ресурсов [Белькова 2018].

Цель данной диссертационной работы: выявление системно значимых семантико-прагматических, лингвокультурных и морфологических функций, выполняемых препозитивными компонентами иноязычного происхождения в именной деривации современного русского языка.

Объект изучения составили: дериваты (имена существительные и прилагательные), образованные с помощью препозитивных словообразовательных компонентов иноязычного происхождения в современном русском языке с конца

90-х гг. и до настоящего времени. Количество проанализированных препозитивных формантов составило 16 единиц:

- компоненты *супер-*, *мега-*, *экстра-*;
- компоненты *тон-/top-*, *ВИП-/VIP-*;
- компоненты *интер-*, *кросс-*, *транс-*;
- компоненты *моно-*, *поли-*, *мульти-*, *гомо-*, *гетеро-*;
- компоненты *нео-*, *ре-*, *пост-*.

Объединение нескольких префиксов в рамках отдельных параграфов обусловлено сходством их прототипического значения в языке-доноре, а также близостью прагмасемантических и лингвокультурных функций, выполняемых в современном русском языке.

Принимая во внимание определяющее воздействие английского языка на анализируемые языковые явления, в **материал исследования** вошли не только источники, относящиеся к русскому языку, но и к английскому языку. Количество используемых основных словарей в русском языке составляет 32, основным источником языкового материала послужили примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и открытых ресурсов Рунета. Лингвостатистические данные о росте словообразовательной продуктивности префиксов составлялись на основе информации в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ], в неологических словарях русского языка «Новые слова и значения» 60 — 90-х гг. XX в. [НСЗ], а также в отдельных случаях на основе поисковых запросов в системе электронной научной библиотеки e-library РИНЦ.

Предмет исследования: семантические, прагматические, морфологические и лингвокультурные функции, выполняемые препозитивными компонентами иноязычного происхождения в составе префиксальных именных дериватов в русском языке периода новейшего времени.

Постановка данной цели предусматривает выполнение следующих **задач**:

- дать систематическое представление об основных направлениях развития научной мысли в области изучения словообразовательных процессов;

— охарактеризовать основные единицы, входящие в категориально-понятийный аппарат словообразования;

— охарактеризовать префиксы / приставки как единицу морфологической системы;

— изучить особенности префиксального способа словообразования в русском языке в синхронно-диахронической перспективе;

— изучить типологию препозитивных компонентов в генетическом аспекте (язык происхождения) и в их диахроническом развитии (язык-донор глобализационных процессов);

— выявить лингвокогнитивные основания процессов прагмасемантической трансформации префиксов в английском языке как доноре изменений, происходящих в префиксальной системе русского языка;

— собрать репрезентативный языковой материал из различных источников в языке-доноре и в русском языке на основе использования корпусов и открытых интернет-ресурсов;

— выявить и описать основные лингвокультурные функции, выполняемые препозитивными компонентами иноязычного происхождения в современном русском языке;

— определить особенности функционирования препозитивных компонентов иноязычного происхождения в русском языке с точки зрения выполняемых ими морфологических функций.

Актуальность данной работы определяется необходимостью научно-теоретического осмысления системных изменений, произошедших с конца 90-х гг. в именной префиксации современного русского языка. Специфический характер наблюдаемых перемен, связанных с англоглобализационным воздействием, обуславливает важность решения задач морфологической типологизации и установления лингвокультурного функционала заимствуемых формантов и словообразовательных моделей.

Научная новизна выполненного исследования заключается в том, что в нем впервые представлено комплексное описание семантических, прагматических, лингвокультурных и морфологических функций, выполняемых отдельными группами препозитивных компонентов иноязычного происхождения в составе именных дериватов в русском языке новейшего времени. В отличие от уже существующих работ в области данной проблематики, выявление общего лингвокогнитивного вектора прагмасемантического развития изучаемых словообразовательных формантов осуществляется в работе в синхронно-диахронической перспективе, с учетом данных языка происхождения и одновременно данных английского языка, выступающего в качестве непосредственного донора изменений в области префиксального словообразования русского языка. В качестве языкового материала впервые используется не ограниченный фрагмент современных речевых практик, а все дискурсивные области, в которых наблюдается словообразовательная активность исследуемых префиксальных единиц.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней установлено, что активность префиксальных формантов переносится из традиционной для русского языка области глагольного образования в область именного образования (имени существительного и прилагательного). На основе наблюдений за функционированием формантов в исчерпывающей синхронно-диахронической перспективе, с учетом данных английского языка, выявлена зависимость прагмасемантических трансформаций компонентов от их прототипической семантики, с одной стороны, и от экстралингвистических факторов, с другой. Осуществлена систематизация различных теоретических подходов к определению морфологического статуса препозитивных компонентов и предложен дифференцированный подход к морфологической типологизации в зависимости от деривационных моделей, по которым образованы конкретные производные. Тем самым результаты, полученные в ходе выполнения работы, вносят определенный вклад в дериватологию, неологию и прагмалингвистику.

Методы исследования. Ведущим методом, в соответствии с выдвинутыми в работе задачами, является системно-функциональный анализ. В ходе исследования использовались также методы лингвокогнитивного, дефиниционного, этимологического, словообразовательного и лингвостатистического анализа, применяемые в синхронно-диахронической и сравнительно-сопоставительной перспективе.

Теоретико-методологической базой осуществленного анализа послужили работы российских и зарубежных учёных в области теоретического словообразования (Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Е.С. Кубрякова, Е.А. Земская, В.В. Лопатин, Е. Курилович, А. Богуславский, М. Докулил и др.) и в области изучения тенденций развития словообразовательных систем славянских языков (Л.В. Рацибурская, Т.Б. Радбиль М.В. Субботина, О.П. Сологуб, Е.В. Петрухина, Е.И. Коряковцева, К. Вашакова и др.).

Ведущей концепцией, использованной в исследовании процессов именной префиксации в русском языке новейшего периода явилось их комплексное описание на морфологической, лингвокогнитивной, лингвопрагматической и лингвокультурологической основе, необходимость и эффективность которого была обоснована и продемонстрирована в трудах современных российских ученых-дериватологов [Вендина 1998, 1999; Кубрякова 2004; Петрухина 2010; Куликова, Светличная 2015; Радбиль, Рацибурская, 2017; Радбиль, Рацибурская и др. 2018, Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. 2005; Николина, Рацибурская, Фатхутдинова, 2020; Коряковцева 2018, 2021].

Практическая значимость работы состоит в том, что собранный и подвергнутый в ней комплексному анализу языковой материал может использоваться при чтении спецкурсов по словообразованию современного русского языка, контактной лингвистике и теории заимствований.

Апробация работы. Основные результаты настоящего диссертационного исследования были представлены на XVIII международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и

практики» (Тольятти, Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2021 г.); на международной научной конференции «Модальность. Коммуникация. Текст» (Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2020 г.); на международной научной конференции «Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное» (Нижний Новгород, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 2020 г.); на научно-практических конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Дни науки в институте гуманитарных наук — 2020» и «Дни науки в институте гуманитарных наук — 2021» (Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2020 г., 2021 г.); на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2019» (Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2019 г.), а также отражены в десяти публикациях.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Область действия префиксальной деривации, свойственная ранее в русском языке преимущественно глагольному образованию, под влиянием англоглобализационных процессов переносится в плоскость именной деривации. Основными морфемными средствами в области префиксальной деривации существительных и прилагательных являются препозитивные компоненты иноязычного (латинского, греческого и англо-американского) происхождения.

2. Инвариантным значением препозитивных компонентов иноязычного происхождения является модификация значения производящей именной основы. В новейших производных препозитивный формант выполняет функцию дифференцирующего (видового) определителя или прагматического интенсификатора.

3. Направление прагмасемантического развития префиксов предопределяется характером их прототипического значения. Локативная семантика «большого размера», «верха» или «выхода за пределы» предопределяет направление

метафорического переноса в сторону положительной оценочности. В результате прагматикализации префиксы *мега-*, *супер-*, *экстра-* выполняют функции прагматической аттракции в коммерческом и рекламном дискурсе и экспрессивной эвалюации в неформальном общении.

4. Активизация *интер-*, *кросс-*, *транс-* с прототипическим значением «между, через, сквозь» в экономическом дискурсе связана с усилением процессов и форм мобильности человечества. Продуктивность префикса *транс-* в гендерном и культурологическом дискурсе отражает стремление человека к выходу из биологически и онтологически заданных рамок существования.

5. Препозитивные компоненты англо-американского происхождения *топ-* и *ВИП-/VIP-* выполняют моделирующую роль в процессе социопрагматической стратификации российского общества. Префикс *топ-* используется в качестве способа ранжирования различных объектов в рекламном дискурсе, префикс *ВИП-* маркирует границы социально-экономического разделения общества.

6. Активизация префиксов с семантикой множественности и неоднородности (*мульти-*, *поли-*, *гетеро-*) или обновления (*нео-*) обусловлена ростом многовариантности форм бытия и смешением кодовых систем репрезентации информации в условиях опосредованного компьютером общения. Частотное использование префикса *пост-* в характеристике различных феноменов культурологического характера свидетельствует об исчерпанности истории культуры, а также о склонности номинатора к осмыслению текущего состояния именуемого объекта как стадии его разрушения.

7. На почве русского языка препозитивные компоненты развивают собственную деривационную активность, образуя суффиксальные производные, в которых бывший префикс подвергается радикации. Вершиной морфосемантического развития препозитивных компонентов является их лексикализация — переход в существительное, наречие, междометие. Морфологический статус препозитивных компонентов в современном русском языке может быть

дифференцирован в зависимости от типа словообразовательной модели, лежащей в основе конкретных производных.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 1. Словообразование как раздел языкознания

1.1. Единицы словообразовательного анализа

Термин «словообразование» употребляется в двух основных значениях — как сам процесс создания слов, и как раздел языкознания, изучающий различные аспекты словообразования [Мусатов 2010: 176]. Их разграничение более очевидным образом проявляется в использовании терминов латинского происхождения: дериватология (как раздел языкознания) и деривация (как процесс создания языковых единиц) [ЛЭС].

Под словообразованием (дериватологией) принято понимать «раздел языкознания, который изучает строение и семантику производных слов, способы их образования, а также словообразовательную систему языка в целом» [Мусатов 2010: 176]. Е.С. Кубрякова определяет дериватологию как «раздел языкознания, изучающий все аспекты создания, функционирования, строения и классификации производных и сложных слов» [ЛЭС].

Основным объектом изучения словообразования, его главной категориальной единицей, является «производное слово». С точки зрения составляющих формальных элементов в производном слове выделяется мотивирующая (общая) часть и часть отличная, то есть словообразовательное средство — формант. К формантам, как правило, относят «аффиксы и все морфонологические средства (чередования гласных и согласных фонем, перемещение ударения, усеменение производящей основы, наращение основ, наложение морфем и т.п.) — участвующие в образовании слова» [Тихонов 1985: 26].

Кроме минимальной единицы словообразовательного анализа, различные учёные предлагают выделять более сложные единицы, к числу которых

относятся: словообразовательная пара, словообразовательная цепь, словообразовательная парадигма и словообразовательное гнездо.

Производящие и производные слова объединяются в более сложную единицу словообразовательной системы — словообразовательную пару [Попова, Стернин 2007: 267]. Именно в пределах словообразовательной пары мы можем наблюдать основные словообразовательные процессы и обнаружить как производное, так и производящее слово, средство и способ словообразования, а также словообразовательное значение.

Термин «словообразовательное значение» был введен в терминологический оборот А.А. Реформатским в 1955 году [Реформатский 1955]. Различные виды этого значения, устанавливаемого путем соотношения значений производящего и производного слова, были определены чешским исследователем, М. Докулилом, выделившим три типа словообразовательных значений: транспозиционные, модификационные и мутационные [Dokulil 1962: 191–219]. Под модификацией М. Докулил предлагает понимать частичное изменение или уточнение значения исходного слова. Если речь идёт о категориальном аспекте, то следует отметить, что слова с модификационным значением всегда относятся к одной и той же части речи (*дом* → *домик*).

Именно на основании этого критерия чешский исследователь противопоставляет модификации транспозицию, то есть переход из одной части речи в другую без изменения лексического значения этого слова (*наглый* → *наглость*). Транспозиции также противопоставляется мутация, которая основана на возникновении совершенно нового лексического значения на базе старого (*nomina agentis*, *nomina loci*, *nomina instrumenti* и т.д.). Предложенная М. Докулилом классификация остается востребованной и в современном словообразовании, хотя в нее также предлагается вносить определенные уточнения [Кубрякова 1981: 147].

Подобные уточнения в понятие транспозиции в истолковании М. Докулила наблюдаем у Ш. Балли, указывающего на разноплановый характер

транспозиции, которая может быть основана как на изменении исходной синтаксической функции знака без изменения его лексического значения (фр. *glace* «лед» → *la periode glaciaire* «ледниковый период» — функциональная транспозиция), так и на изменении синтаксической функции знака с сопутствующими семантическими преобразованиями (фр. *glace* «лёд» → *un froid glacial* «леденящий холод» — семантическая транспозиция) [Балли 1955: 143]. В данном подходе Ш. Балли, безусловно, предвосхищает предложенную позднее польским исследователем Е. Куриловичем концепцию лексической и синтаксической деривации [Курилович 1962: 57–70].

В основе концепции Е. Куриловича лежит противопоставление двух типов деривации. При синтаксической деривации лексическое значение производных слов идентично значению производящих слов, различие их заключается лишь в синтаксической функции, т.е. в частеречной принадлежности (*жёлтый* → *желтизна*). Лексическая деривация, по Е. Куриловичу, основана на лексической нетождественности производного и производящего слов (*жёлтый* → *желток*), единицы различаются не только своей синтаксической функцией, но и лексическим значением.

Отдельного внимания заслуживают также производные, у которых производящая база состоит из нескольких основ — это могут быть сложные слова,ращения, аббревиатуры. Такой тип словообразовательного значения В.В. Лопатин предложил определить как синтагматический [Лопатин 1977: 54–55], в котором реализуется «соединение» простых основ в составе сложной (*рыболов, конокрад, европарламент*).

Таким образом, в рамках анализа словообразовательных отношений можно выделить несколько типов деривации: синтаксическую деривацию (основанную на транспозиции), лексическую деривацию модификационного или мутационного типа, а также синтагматическую деривацию.

Более сложной, по сравнению со словообразовательной парой, комплексной единицей синхронного словообразования является словообразовательная цепь.

Согласно А.Н. Тихонову, она представляет собой «ряд однокоренных слов, связанных между собой отношениями последовательной производности. Исходное слово цепи (оно же и исходное слово гнезда) является неприменимым и выполняет функцию производящего» [Тихонов 1985: 41.]. В словообразовательной цепи между элементами обнаруживаются синтагматические отношения: *грамота* → *грамот-н-ый* → *грамотн-ость* → *не-грамотность* [Мусатов 2010: 224].

Однако однокоренные слова могут рассматриваться не только горизонтально (в рамках словообразовательной цепи), но и вертикально, то есть в рамках парадигматических отношений. Следует отметить, что ранее термин «словообразовательная парадигма», введённый в исследовательскую практику Р.С. Манучаряном и А.Н. Тихоновым, использовался как синонимичный по отношению к термину «словообразовательное гнездо» [Томчани 2016: 1716–1719]. Однако в настоящее время за ним закрепилось значение, впервые, как указывают исследователи [Мусатов 2010: 226], описанное Е.А. Земской, которая определяет словообразовательную парадигму как «совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени словопроизводства» [Земская 2011: 334].

Такое же определение словообразовательной парадигме даёт Г.А. Николаев, указывающий на свойственную её элементам общность производящей основы и ступени деривации [Николаев 2009: 91].

<i>снег</i> →	<i>снеж-инк-а</i> <i>снеж-н-ый</i> <i>снег-ов-ой</i> <i>снеж-ок</i>	<i>тигр</i> →	<i>тигр-иц-а</i> <i>тигр-ёнок</i> <i>тигр-ин-ый</i> <i>тигр-ов-ый</i> [Мусатов 2010: 227].
---------------	--	---------------	---

В свою очередь, словообразовательные цепи и парадигмы объединяются в сложнейшую комплексную единицу словообразовательной системы — словообразовательное гнездо, которое определяется как «иерархически

организованная, упорядоченная совокупность всех производных базового слова» [Земская 2011: 357], вершиной (исходным словом) в котором выступает немотивированное слово [РГ-80: 133]. Каждый член словообразовательного гнезда может иметь свою собственную словообразовательную цепь и словообразовательную парадигму. Так, мы можем привести пример словообразовательной цепи (*враг* → *вражеский* → *по-вражески*) и словообразовательной парадигмы (*враг* → *вражий* / *вражеский* / *враждовать*), которые объединяются в общее словообразовательное гнездо:

враг → *враж-ий*

→ *враж-еск-ий* → *по-вражеск-и*

→ *вражд-ова-ть* → *вражд-а* → *вражд-ебн-ый* и т.д. [Мусатов 2010: 228].

Необходимо отметить, что словообразовательные гнезда рассматриваются в качестве наиболее продуктивного объекта изучения в рамках когнитивной парадигмы. Е.А. Земская описывает их как комплексные единицы, способные отражать действительность через взаимодействие мотивировочных признаков, и таким образом выявлять когнитивные механизмы словообразования [Земская 2004: 6]. Кроме указанных лингвистом свойств, для словообразовательных гнезд также характерны комплексность, полнота представленных деривационных связей и моделей, что обуславливает их активное использование в когнитивном словообразовании как базового объекта исследования. Неслучайно в теоретико-методологической литературе говорится о так называемом «гнездовом буме» в начале XXI века [Евсеева 2012: 3].

С точки зрения организационной и системообразующей роли словообразовательное гнездо — это иерархическое объединение производной лексики, которое наделено внутрисловными и межсловными структурными и семантическими отношениями и дает их наиболее полную картину. По мнению М.Ю. Казак, словообразовательное гнездо — одна из самых сложных и многогранных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; двусторонняя единица словообразования, имеющая формальную и смысловую структуру; одна

из высших форм организации и обобщения производной лексики [Казак 2004: 14].

Центральное место в словообразовательной системе занимает понятие «словообразовательного типа», который представляет собой совокупность производных слов, характеризуемых общностью трёх элементов: «тождеством части речи, к которой они принадлежат, и части речи их производящих, единством словообразовательного средства (форманта) и словообразовательного значения» [Моисеев 1987: 29]. К примеру, слова *доброта*, *дурнота*, *чернота* относятся к одному словообразовательному типу, так как, во-первых, все образованы от одной части речи (прилагательные *добрый*, *дурной*, *черный*), во-вторых, имеют одно словообразовательное значение отвлеченности признака и, в-третьих, образованы при участии одного форманта (суффикс *-от-*).

В свою очередь, в рамках того или иного словообразовательного типа могут находиться слова, образованные с сопутствующими различными морфонологическими явлениями, которые принято называть словообразовательными (морфонологическими) моделями [Немченко 1984: 227]. Так, к примеру, слова, принадлежащие к одному словообразовательному типу и образованные с помощью суффикса *-ск-* *Калининград* → *калининград-ск-ий*, *Владивосток* → *владивосток-ск-ий*, *Оренбург* → *оренбург-ск-ий* относятся к различным словообразовательным моделям: первые два образованы без каких-либо чередований, в то время как последнее образовано с качественным чередованием заднеязычного согласного.

Наконец, комплекс синонимических словообразовательных типов может объединяться в словообразовательную категорию, которая, по определению Е.А. Земской, «формируется совокупностью словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения <...> выделяется на основании единства словообразовательного значения, в то время как средства выражения этого значения могут быть различными» [Земская 2011: 333]. К примеру, слова *води-*

тель, сортировщик, бегун, продавец относятся к одной словообразовательной категории *nomina agentis* и в то же время относятся к различным словообразовательным типам. Данная единица описания словообразовательной системы лежит в основе ономаσιологической концепции М. Докулила, представленной в его монографии, посвященной изучению именной деривации в чешском языке. [Dokulil 1962]. «Русское словообразование исчерпывающим образом описано как система словообразовательных типов, способов словообразования и словообразовательных гнезд в работах Е. А. Земской, В. В. Лопатина, А. Н. Тихонова, И. С. Улуханова и др., в академических грамматиках и в словообразовательных словарях русского языка» [Петрухина 2017: 7], в то время как исследования словообразовательной категории на материале русского языка не столь многочисленны [см. Коряковцева 1999; Петрухина, 2001].

1.2. Эволюция подходов к изучению словообразования

1.2.1. Синхрония и диахрония в словообразовании

В течение значительного исторического периода времени введенная Ф. де Соссюром дихотомия «между синхронией и диахронией» воспринималась как абсолютная и не подлежащая критике. Логика преимущества синхронного подхода к изучению языковой материи перед подходом диахроническим наглядно демонстрировалась Соссюром в его знаменитом примере с шахматной партией, на анализ актуальной ситуации которой не влияет знание хода предшествующего ее развития [Соссюр 1977: 122]. Основоположник структурализма апеллировал также непосредственно к интроспекции по отношению к наблюдениям за языковыми фактами в их непосредственной данности. «Первое, что поражает, когда приступаешь к изучению языка, — это то, что для говорящего не существует последовательности фактов во времени: ему непосредственно дано только их состояние. Поэтому и лингвист, желающий понять это состояние, должен закрыть глаза на то, как оно получилось, и пренебречь

диахронией. Только отбросив прошлое, он может проникнуть в сознание говорящих. Вторжение истории может только сбить его с толку» [Там же].

Категоричность данного утверждения, а также призыв отказаться от исторической перспективы анализа в пользу анализа синхронного в течение долгого времени составлял одно из ведущих теоретико-методологических положений лингвистики. Отечественные ученые определяли языковую синхронию как «состояние языка в определённую эпоху» [Будагов 1965: 151], или как «состояние языка на определённом этапе исторического развития в качестве цельной системы лексических, грамматических и фонетических элементов как предметов лингвистического изучения» [Розенталь, Теленкова 1976: 355].

Разграничение исторического (диахронического) и современного (статического) подхода к изучению языка получило в словообразовании своеобразное преломление. Случаи несоответствия актуальной и исторической производности отдельных слов, действительно, создавали основания для постулатов о необходимости раздельного изучения словообразовательных элементов в их актуальном состоянии и в их историческом развитии. Так, Е.А. Земская разъясняла, что в рамках цельной языковой системы понятие производящего слова обязательно является более простым по форме и смыслу, нежели понятие производного слова — именно такой алгоритм взаимоотношений устанавливается при синхронном подходе [Земская 2011: 6–7]. При диахроническом подходе производность понимается не функционально, а процессуально — так, этимологическая рефлексия позволяет обнаруживать словообразовательные связи между такими словами как *быть* и *забыть*, в то время как в рамках синхронного подхода эти слова словообразовательно несоотносимы.

Соответственно, синхронное словообразование имело своей целью изучение отношений сосуществующих в актуальном языковом срезе словообразовательных единиц, диахроническое — изучение процессов превращения одних единиц в другие [Там же: 6]. Иначе говоря, «синхронное словообразование изучает систему словообразовательных средств, присущих языку на данном этапе его

развития, в то время как диахроническое обращает внимание на исторические (этимологические) аспекты словоизменения» [Лопатин, Улуханов 1979: 303].

На необходимость принципиального разграничения синхронного и диахронического подходов в словообразовании указывал Г.О. Винокур, подчеркивающий, что «значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» [Винокур 1959: 421]. Такой же позиции придерживался А.И. Смирницкий, обосновывая это тем, что в языке имеются слова, которые в синхроническом срезе должны интерпретироваться как производные, поскольку имеют более сложное строение по сравнению с производящим, однако исторически являются непроизводными. На этом основании ученый делал вывод о существовании асимметрии между словообразовательными отношениями и словообразовательными процессами [Смирницкий 1956: 235].

Данное понимание нашло свое отражение в дифференциации терминов: для обозначения отношений в области диахронического словообразования было предложено пользоваться терминами «производящий, производный и производность», для синхронического описания вводились термины «мотивирующий, мотивированный и мотивированность» [РГ-80: 135]. Против подобного способа терминологизации выдвигались аргументы, поскольку мотивированность предполагала «излишнюю семантизацию» единиц словообразовательного анализа. Острота полемики по данному вопросу была во многом снята И.А. Ширшовым, установившим, что в целом «типы словообразовательной мотивированности коррелируют с типами производности» [Ширшов 2004: 9]. Корреляция между ними нашла свое отражение в изданном этим ученым в 2004 году словообразовательном словаре русского языка, в котором сведения о представленной в гнездовом виде синхронной словообразовательной структуре объединены с их словообразовательной историей.

С другой стороны, еще И.А. Бодуэн де Куртене придерживался противоположной точки зрения на природу языка в его текущем состоянии и историческом развитии. Он подвергал сомнению саму возможность диагностирования актуального состояния языка как статичного и застывшего: «Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся, это частный случай движения при условии минимальных изменений» [Бодуэн де Куртене 1963: 349]. Декларируя принцип «генетической объективности» в процессе анализа, ученый указывал, что «механизм языка, его строй и состав в данное время представляет результаты всей предшествующей ему истории, всего предшествовавшего развития, и наоборот, этим механизмом в известное время обуславливается дальнейшее развитие языка [Там же: 67-68]. Следовательно, исчерпывающее исследование объяснительного характера невозможно без объединения данных текущего момента и предшествующих периодов языкового развития. Данное понимание особенно важно для изучения словообразования, которое «в своей сущности исторично... и имплицитно представляет представление о процессе» [Трубачев 1994: 17].

Невозможность отграничения двух подходов при описании словообразовательных процессов находит все большее понимание среди отечественных ученых. Этому, на наш взгляд, во многом способствует и современное состояние деривационной системы русского языка, с присущими ей активными словообразовательными процессами. Если мы обратим внимание на то, что «диахроническое словообразование определялось как развитие словообразовательной системы, словообразовательного строя, словообразовательных единиц» [Немченко 2008: 19] и соотнесем это понимание с происходящим на наших глазах бурным развитием словообразовательной системы русского языка, то приходим к естественному выводу, что настоящее состояние системы есть одновременно ее динамическое состояние.

Отсюда появление в рамках деривационной терминологии таких ранее не допустимых сочетаний, как «синхроническая диахрония», «синхронно-диахронический подход», или предложенный М. Кронгаузом термин «бисинхронный

подход» [Кронгауз 2006: 3]. Как указывает Е.И. Коряковцева, «всякая синхрония в языке существует только как условно ограниченный момент развития, вследствие чего должна рассматриваться как синхрония динамическая» [Коряковцева 2018: 63].

Л.В. Рацибурская подчеркивает, что «при синхронно-диахроническом описании словообразовательной системы каждая синхроническая связь получает диахроническую интерпретацию» [Рацибурская 2019: 279]. Н.Д. Голев также придерживается мнения, что синхронный подход не учитывает процессуальной природы словообразования и что описательная направленность синхронной дериватологии не дает ответов на вопрос о том, «где находятся движущие силы процесса лексической деривации — в самой словообразовательной системе или вне ее, в когнитивной или коммуникативной функции языка» [Голев 2010: 28].

Утверждение принципов синхронно-диахронного анализа в словообразовании привело к постановке вопроса о тех единицах, которые должны составить предмет такого описания. К ним были отнесены, в первую очередь, комплексные единицы словообразовательной системы (словообразовательные типы, гнезда и категории), а также «производные слова, объединенные общностью словопроизводственного процесса или словообразовательной модели» [Дмитриева 2012: 44]. Как утверждает О.И. Дмитриева, синхронно-диахронное описание все более широкого круга словообразовательных единиц «не только способствует пониманию подлинного механизма словообразовательных процессов, закономерностей исторической динамики, но и становится базой дальнейшего развития теории динамического словообразования» [Там же]. Конкретный алгоритм исследования в синхронно-диахронической перспективе был предложен еще в 80-ые годы прошлого столетия польским лингвистом Я. Пузыниной: первый этап представляет собой изучение синхронных срезов словообразовательных систем, второй этап — описание эволюции, предшествующей изменениям на синхронном срезе [Puzynina 1975: 178].

Развившийся на рубеже XX — XXI столетий когнитивный подход к изучению словообразовательных процессов эксплицитным образом декларирует необходимость преодоления дихотомии исторического и текущего периода, динамики и статики. «Позиция когнитивизма заключается в обязательном следовании принципу взаимодополнительности диахронического и синхронического подходов. Если диахронический аспект делает акцент на фиксации процессов превращения одних лексических единиц в другие, то синхронический аспект изучает отношения между существующими единицами на определенном этапе функционирования языка и отражает системный характер словообразования, в котором оно представлено как многомерная иерархическая организация, формируемая сложной сетью оппозиций различных единиц и структур» [Абросимова 2014: 9]. Подобный комплексный подход позволяет рассматривать деривационные процессы в рамках глобальной коэволюционной системы «язык — природа — человек — общество — деятельность — общение — культура» [Там же].

Заметим также, что современную дериватологию отличает также преодоление еще одной восходящей к Ф. де Соссюру дихотомии — языка и речи. И, хотя основы такого подхода были заложены в трудах отечественных дериватологов XX века, «континуальный подход к явлениям языка и речи составляет характерную черту словообразовательной науки XXI века» [Рацибурская 2019: 277].

1.2.2. Основные направления дериватологических исследований

В рамках отечественной дериватологии, выделившейся в самостоятельный раздел отечественной лингвистики в 40–50-е гг. XX в., в основном благодаря трудам В.В. Виноградова [Виноградов 1951, 1952, 1975], развились различные подходы и направления исследований. С точки зрения структурирования словообразовательных единиц анализа выделяются синтагматический и парадигматический подходы. В центре внимания первого из них находятся отношения между производящей и производной основами, характеристика морфемной

структуры и словообразовательных значений. В рамках парадигматического подхода осуществляется описание более крупных понятийно-категориальных единиц: словообразовательных способов и словообразовательных категорий. Результатом исследований парадигматического плана становятся такие структуры как словообразовательное гнездо и словообразовательное поле.

Синтагматический подход реализуется в рамках ономаσιологического направления, восходящего к трудам чешских языковедов (М. Докулила, Я. Кухаржа и др.). Концепция М. Докулила основывается на установлении основных типов отношений, возникающих между производящим и производным в процессе деривации, когда ономаσιологический базис (определяемое) дополняется ономаσιологическим признаком (определяющее) [Dokulil 1962]. Основные типы ономаσιологических категорий, возникающих в результате взаимодействия базиса и признака, описываются как модификация, мутация и транспозиция.

Парадигматический подход развивается как в рамках ономаσιологического, так и семасиологического направлений исследования. Их различие может быть проиллюстрировано с помощью следующего утверждения: «ономаσιология исследует процесс создания лексической единицы, а семасиология изучает семантическую структуру и её изменения в готовых лексических единицах» [Торопцев 1974: 7]. Перспективы ономаσιологических исследований в области современного русского словообразования видятся в приложении выработанных им принципов исследования по отношению к словообразовательной категории, что «создаст платформу для глубокого и детального анализа словообразовательных категорий русского языка по единой модели» [Косова 2008: 218].

Сочетание ономаσιологического подхода с грамматическим представлено в монографии Е.С. Кубряковой «Части речи в ономаσιологическом освещении» [Кубрякова 1978]. В работе известного российского учёного дан анализ частеречной категоризации внеязыковой действительности с точки зрения номинативной деятельности человека. Соотнося словообразовательные значения

с грамматическими, Е.С. Кубрякова подчёркивает: «...осуществляя те же или аналогичные смысловые деления общекатегориальных значений, они одновременно соотносят эти значения и отражают в чисто ономаσιологическом плане наиболее типичные связи этих значений» [Кубрякова 1978: 77].

Выделение в рамках категориально-понятийного аппарата словообразования словообразовательной категории повлекло за собой развитие в рамках данного типа исследований полевого подхода. Полевая организация исследований производных слов впервые была предложена О.Г. Ревзиной и применена в практике анализа структурно-семантических особенностей поля деятеля, отвлеченности и вещи [Ревзина 1969]. Словообразовательное поле было охарактеризовано в работе как «набор суффиксов, обладающих свойствами сообщать производным именам одно и то же словообразовательное значение [Там же: 10]. Более полное истолкование термина «словообразовательное поле» было предложено в статьях Е.В. Клобукова, описывающего его как единицу, интегрирующую «все словообразовательные категории, деривационное значение которых опирается на одно и то же общее понятие, на общий концепт» [Клобуков 2016: 36].

В результате введения в дефиницию «словообразовательного поля» понятия и концепта возникло пересечение областей словообразования и семантики, нашедшее своё выражение в термине «семантико-словообразовательная категория». Данный термин был введён в терминологический оборот российской лингвистики в 1990-ые гг. [Кадькалова, 1991; Коряковцева, 1998; Петрухина, 2001], вместе с ним возник термин «семантико-словообразовательное поле».

Под семантико-словообразовательной категорией понимается комплексная единица, формируемая группой словообразовательных типов на основе семантической общности ословливаемого фрагмента внеязыковой действительности. Создание типологии семантико-словообразовательных полей является широко-масштабной задачей, решение которой позволит представить воедино словообразовательные способы создания различных семантических

(ономасиологических) категорий, например, категорий деятеля, имени, лица и т.п. [Клобуков 2015: 13; Клобуков, Шакар 2016; Шакар 2016].

Переход в языкознании к антропоцентрической и, как следствие, когнитивной парадигме исследования, повлек за собой соответствующие изменения в изучении процессов словотворчества. Задачи, поставленные представителями когнитивистики в области словообразовательного анализа, заключались в «определении главных признаков системы словообразования, служащей объективизации структур знания, их хранения и использования в дискурсивной деятельности» [Кубрякова 1988: 142]. Под влиянием когнитивистики, изучающей языковые единицы с точки зрения познавательных процессов, изменился взгляд на основную единицу словообразовательного анализа — производное слово, которое стало рассматриваться как единица хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания. В российской дериватологии данный подход развивается в работах Е.С. Кубряковой, Л. В. Бабиной, И. В. Евсеевой, Л. А. Араевой и др. [Кубрякова 1981 и др.; Бабина 2003; Евсеева 2012; Араева 1994]. Е.С. Кубрякова выявляет у производного слова свойство двойной референции: «референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации. Первое отражает наличие у производного слова индивидуального лексического значения, второе указывает на источник этого значения и особую форму его существования» [Кубрякова 1981: 10].

Вышеуказанная двойная референция предполагает обнаружение корреляций, соотношений, пропозиций между, с одной стороны, производным словом и «структурами сознания или структурами знания» [Кубрякова 2004: 59]. Иначе говоря, процесс создания производного слова может быть представлен «с помощью неких искусственных теоретических метаязыковых структур» [Абросимова 2014: 10], включающих не только «внешний» морфолого-грамматический, но и «внутренний» смысловой план, отражающий мыслительные процессы субъекта-номинатора.

Небезынтересным, особенно в рамках предпринятого нами исследования, представляется утверждение ученых-когнитологов о том, что производное слово представляет собой единицу «фиксации *аксиологического* характера человеческого знания. Без данной фиксации при исследовании словообразовательных процессов мы оказываемся вне поля человеческого опыта, целиком остаемся в сфере абстрактной и формальной лингвистики, создающей себе искусственные предметы изучения (курсив наш — Е.Ш.)» [Абросимова 2014: 12]. Данное понимание позволяет обнаруживать и формулировать не только глубинные структуры, отражающие сугубо формальные мыслительные процессы, но также и те особенности словотворческого акта, которые обусловлены социокультурным и индивидуальным опытом говорящего. Таким образом, в рамках когнитивного подхода появление нового слова означает рождение нового средства закрепления смысла в языковом знаке, а сам процесс словообразования воспринимается как процесс категоризации мира, как динамический акт взаимодействия «познающего субъекта с предметом познания» [Алефиренко 2006: 47].

В рамках когнитивной дериватологии используются основные единицы анализа, свойственные данному направлению в целом, такие как «фрейм», «слот», «пропозициональная структура». В этой же перспективе пропозиционально-фреймового моделирования исследуются более крупные единицы словообразовательного анализа: словообразовательный тип [Араева 1994; Косырева 2008; Евсеева 2000; Жукова 2002 и др.] и словообразовательное гнездо [Демиденко 2007; Осадчий 2007; Шабалина 2008 и др.].

В определенной степени связанным с когнитивным направлением следует признать «синтаксический вектор» исследований, развиваемый с 70-х гг. в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Е.Л. Гинзбурга и др. и приобретающий свое актуальное состояние в 1990-е годы именно в связи с разработкой когнитивного направления [Кубрякова 1981 и др.; Араева 1994; Панкрац 1994; Резанова 1996 и др.]. Основной посыл в развитии данного направления связан с

констатацией того факта, что производное слово, как и предложение, имеет определенную пропозициональную структуру, состоящую из предиката и окружающего его актантов [Арутюнова 1971: 289]. Актуализируемые в производящем и производном слове компоненты пропозиции и связывающие их отношения составляют логическую модель словообразовательного значения производного слова. Избранный логический подход предопределяет основные задачи в рамках данного вектора исследований, к которым относится описание особенностей пропозициональной структуры дериватов различного типа, а также выявление и систематизация типов пропозициональных структур в зависимости от семантики дериватов [Шмелева 1994: 18–20].

Вхождение производных слов в активный состав нелогических единиц предусматривает их органичное включение в лексикологическое направление исследований, представленное на материале английского языка В.И. Заботкиной [Заботкина 1989]. Изучению «лексического функционирования русских производных слов, оцениваемых с точки зрения их частотности», посвящены работы Н.Д. Голева [Голев 2011: 22]. Ученый-дериватолог использует лингвостатистические данные из поисковых систем Яндекс, Рамблер и др. для выявления степени «лексичности» производного слова, описания словообразовательных парадигм на шкале лексического функционирования» [Там же]. В соответствии с декларируемыми Н.Д. Голевым методологическими установками, «сама потребность в новообразовании лежит в лексике, а ее реализация подчиняется законам лексического функционирования» [Там же]. При подобном взгляде словообразование «относится к сфере следствий, а не причин, в частности, такие функции словообразовательной системы, как категоризация или пропозиция, оцениваются как следовые» [Голев 2008: 22].

Этот же ученый считает, что в процессе словообразования коммуникативная функция языка является первичной по сравнению с функцией когнитивной: «коммуникативная детерминанта языка на всех его уровнях, включая словообразовательный, делает воздействие когнитивного фактора в значительной мере

опосредованным, а коммуникативного — ведущим» [Там же]. Принимая во внимание очевидный факт, что все изменения в языке, в том числе все словообразовательные инновации, находят свою первичную форму объективации в речевых практиках, мы полагаем, что все же не следует отделять коммуникацию от собственно когнитивных процессов. Сама постановка данной проблемы, на наш взгляд, связана с искусственным разрывом между процессами речевой деятельности и мыслительными операциями. В связи с этим более корректным представляется рассматривать в качестве ведущей в процессе образования новых производных слов не «коммуникативную детерминанту», а именно когнитивный фактор, предопределяющий характер порождаемой словообразовательной модели, находящей свою объективацию в процессе речевой деятельности.

1.3. Изучение словообразовательных процессов в русском языке новейшего периода

1.3.1. Основные тенденции развития словообразовательной системы

Дериватологические исследования русского языка новейшего периода часто обращаются к определению основных тенденций, действующих в языке в целом и в системе словообразования в частности. Под языковой тенденцией принято понимать «направление, в котором совершается развитие какого-либо языкового явления или языка в целом» [Розенталь, Теленкова 1976]. Это развитие происходит под влиянием экстралингвистических и интралингвистических факторов. Экстралингвистические факторы — это прежде всего факторы общественно-политические, это «совокупность необычайно разнообразных импульсов, идущих из окружающей язык среды и связанных, прежде всего, с особенностями исторического развития общества, переселениями и миграциями, объединением и распадом речевых коллективов, изменением форм общения, прогрессом культуры и техники» [Кошкина 2010].

«Язык всегда быстро и достаточно гибко реагирует на изменения в обществе», особенно в настоящее время, характеризуемое, как «небывалая интеграция экономики, народов, культур, расширение и укрепление международных связей» [Субботина 2011: 349]. В связи с этим в исследованиях русского языка новейшего периода, в том числе в работах по словообразованию, в качестве ведущей тенденции называется глобализация (англоглобализация или «америкоглобализация»), часто именуемая также интернационализацией [Рацибурская 2019: 280; Смирнов 1997: 3; Замальдинов 2017: 115–118 и др.]. В области словообразования «глобальное влияние английского языка на русский и другие европейские языки <...> проявляется в активизации аффиксов интернационального характера, использовании иноязычных словообразовательных моделей, вовлечении в деривационные процессы новых заимствованных слов» [Рацибурская 2019: 280].

Исследователи не только русского, но и других славянских языков [Субботина 2011: 349; Рацибурская, Тимофеева 2010: 687; Waszakowa 2005: 29 и др.] называют одни и те же активные процессы, в которых находит свое непосредственное выражение действие тенденции интернационализации. Во всех словообразовательных системах зафиксирована активизация нетипичных для морфологического строя славянских языков словообразовательных способов. Среди них выделяют:

- образование именных композитов на основе продуктивной английской модели с первым атрибутивным компонентом без интерфикса;
- резкий рост частотности использования префиксальных морфем иноязычного происхождения;
- трансформация заимствованных слов в префиксоиды, которые впоследствии участвуют в деривационных процессах в качестве формантов уже на почве принимающего языка.

Е.В. Петрухина указывает, что процесс интернационализации в словообразовании славянских языков «проявляется в активном использовании

заимствований из английского языка в качестве основ, которые порождают новые словообразовательные ряды и гнезда; в активизации интернациональных аффиксов (*ультра-, мега-, гипер-, псевдо-, -филия, -мания* и др.); в усилении роли словосложения разных типов, а также трансформации частей заимствованных лексических единиц в словообразовательные форманты типа *арт- / art-, -мейкер / -maker* и др.» [Петрухина 2018: 179].

Другая ведущая тенденция, коллоквиализация, или демократизация языка, также складывается под воздействием американского варианта английского языка. Сущность демократизации языковой системы заключается в проникновении «в центр системы языка периферийных элементов, то есть слов или выражений, свойственных разговорному языку» [Замальдинов 2017: 114]. В результате наблюдается диффузия различных языковых стилей, их снижение, нарушение лингвостилистических норм и канонов и т.п.

В отнесении к словообразовательным процессам данная тенденция находит свое выражение, в первую очередь, в активизации процессов суффиксальной универбации. Примечательно, что в основе инновационных универбатов лежат исконно русские и общеславянские словообразовательные модели [Петрухина 2017, 2019; Рацибурская 2003; Дозорова 2018], что вполне объяснимо фактом отсутствия данных моделей в английском языке. Активно протекающие универбативные процессы основаны на «редукции реально функционирующих двусловных и, реже, многословных номинаций, которые заменяются однословными, например: *зарядное устройство* → *зарядка*, *методическое пособие* → *методичка*» [Петрухина 2019: 219]. В этом ряду появляются такие неогериваты, как *социалка, минималка, налоговка, санкционка*, которые, по наблюдениям Е.В. Петрухиной, выходят за пределы свойственной универбатам однозначности, заложенной в самом свернутом характере пропозициональной модели. В настоящее время «входящее в двусоставную номинацию определение может стать мотивирующей базой для имени любого предмета или явления, к которому это определение приложимо» [Там же].

Коллоквиализация языка тесным образом связана с усилением его эмоциональной оценочности и экспрессивизацией речи [Радченко 2014: 76–77]. Если ранее основными формантами, выполняющими функции оценочно-эмоциональных интенсификаторов, в славянских языках были суффиксы, то в настоящее время они вынуждены разделить свой функционал с заимствуемыми из английского языка префиксами (*супер-, мега-, ультра-* и др.)¹.

В результате совокупного действия всех вышеупомянутых тенденций в словообразовательных системах принимающих языков происходят активные процессы, а к «ключевым словообразовательным моделям современной эпохи» [Петрухина 2019: 216] относятся образцы, заимствованные из морфологической структуры английского языка.

1.3.2. Аспекты теоретического описания новых деривационных явлений

Описанные выше изменения находятся в фокусе пристального внимания российских дериватологов с конца 90-х годов XX столетия. В рамках уже выполненных исследований можно выделить работы, посвященные анализу инновационных способов словообразования, транслируемых из английского языка. К основным из них следует отнести композицию (словосложение) и именную префиксацию; реже объектом изучения становятся инновационные процессы в области универбации и аббревиации [см. Копоть 2007; Ярмашевич 2003; Шадыко 2000]. Два основных заимствованных способа, активизировавшихся на почве всех славянских языков, — композиция и префиксация, — довольно часто переплетаются в процессе анализа. Те явления, которые в одних работах рассматриваются в рамках композиции, в других могут получать интерпретацию в терминах префиксального словообразования.

¹ Заметим, что формирование непринужденного, эмоционально насыщенного разговорного дискурса одновременно в значительной степени увеличило также продуктивность традиционных для русского словообразования диминутивных и аугментативных моделей [см. подробнее Григорян, Стрельчук 2021].

В области изучения префиксальной деривации наметилось несколько направлений. Значительное количество работ посвящено анализу особенностей функционирования в современном русском языке заимствованных префиксов греко-латинского происхождения. Исследования в данной области осуществляются в формате отдельных статей, в которых объектом изучения чаще всего становятся конкретные компоненты. На сегодняшний день теоретическое описание уже получили префиксы: *анти-* [Авакова 2007; Гончарова 2007; Афинская 2017; Никишина 2017 и др.], *псевдо-* [Шишкина 2010; Радбиль, Рацбургская 2017; Петрухина 2017], *супер-* [Петрухина 2008; Щеникова 2021; Злотникова, Гапонова 2017; Шкапенко, Шаповаленко 2020], *транс-* [Петрухина 2008; Шкапенко, Шаповаленко 2022], *ре-* [Антоненко 2013; Новоселова 2018], *тон-* [Давыдова 2016; Шаповаленко 2021a], *нео-* [Зусева-Озкан 2019], *ВИП-* [Перовская 2012; Шаповаленко 2021a], *гомо-* / *гетеро-* [Шкапенко, Шаповаленко 2021] и др.

Кроме данного, весьма широко представленного направления, существует функциональный подход, в рамках которого исследуются группы префиксальных компонентов, выполняющих сходные семантико-прагматические функции. С точки зрения функционального подхода были проанализированы препозитивные компоненты со значением «ложности» (исконные и заимствованные: *лже-*, *около-*, *недо-*, *псевдо-*, *квази-*, *пара-* и пр.) [Петрухина 2017: 9]. Изучение данных формантов с помощью методики построения семантического поля и объединения различных словообразовательных категорий позволило ученому выявить «такие свойства русского словообразования, которые были не столь очевидны при формально-системном подходе к его описанию на основе словообразовательных типов и словообразовательных гнезд» [Там же: 12].

Т. Б. Радбиль и Л. В. Рацбургская, анализируя неогериваты с теми же префиксами (например, *псевдопращающий псевдокласс*, *псевдоРоссия*, *квазигосударство*), обращают внимание на свойственную им негативную оценочность и выявляют национально-специфичные способы языковой концептуализации мира

[Радбиль, Рацибурская 2017: 36]. Используемый авторами работы лингвокультурологический подход позволяет «вскрыть сами механизмы культурной апроприации «чужого» и аккумуляции «своего» системой» современного русского языка [Там же: 38].

Оригинальный подход к изучению префиксов представлен в работах Л. Г. Яцкевич и И. Г. Кудрявцевой [Кудрявцева 2008; Яцкевич 2006]. Учёные рассматривают исконные и заимствованные именные препозитивные компоненты (*анти-*, *без-*, *лже-*, *квази-*, *гипер-*, *мега-*, *супер-* и др.) в качестве средств выражения модальности [Кудрявцева 2009: 9]. К каждому из типов модальности (онтологическая, гносеологическая и аксиологическая модальности) привязывается определённый тип словообразовательного значения. Онтологическая и гносеологическая модальность реализуется в мутационном словообразовательном значении в научных терминологических комплексах с препозитивными компонентами. Аксиологический тип модальности реализуется в рамках модификационного словообразовательного значения. Препозитивные компоненты типа *супер-*, *псевдо-*, *лже-* в дериватах *супернегодяй*, *псевдопродукты*, *лжедоказательство* и т.п. «являются модальными коннотативными определителями, выражающими субъективно-оценочные значения». Таким образом, дериваты «модификационного типа служат средством языковой прагматики, выражения отношения говорящего к действительности, адресату, условиям общения» [Там же: 33–34].

О многофункциональности и значимости препозитивных компонентов может свидетельствовать также культурологическое осмысление префиксальных процессов, предпринятое в статье «Культурология префиксов» С.Н. Зенкина [Зенкин 2012: 137–147]. Представленный в ней анализ завершается выводом о том, что префиксация (возникновение *нео-* и *пост-течений*) становится ведущей формой саморефлексии при осмыслении культурных феноменов XX столетия. Стремление к саморефлексии посредством использования, а порой и нагромождения префиксов, по мысли С. Н. Зенкина, «свидетельствует <...> об идее исчерпанности истории культуры, о том, что в ней ничто не ново под луной.

Новые понятия возводятся или, вернее, сводятся к трансформированным старым; <...> префиксация культурной рефлексии жестко ограничивает выбор тех смысловых операций, путем которых из старых терминов получаются новые и которые как раз и обозначаются префиксами» [Там же: 139]. В специфической моде на использование префиксов автор лингвофилософской статьи усматривает признаки «смерти культуры» [Там же: 147].

Языковой материал, на котором предпринимаются исследования, различается в зависимости от области функционирования анализируемых формантов. В первую очередь, это язык СМИ, терминологический и культурологический дискурс, различные интернет-ресурсы. Основным полем исследования процессов неопрефиксации становится дискурс СМИ, «в котором «портретируются» наиболее важные области жизни с помощью новых словообразовательных средств, а также активных словообразовательных способов и типов, в которые внедряется новый лексический материал» [Радбиль, Рацбургская и др. 2018: 131].

Авторы цитируемой коллективной статьи рассматривают, к примеру, компонент *евро-* в новообразованиях типа *евромечта, европатриот, евролевак, еврошпана* [Там же: 132], описывая инновационные префиксальные процессы с позиций социокультурного подхода, что позволяет выявить не только идентификационную, но и оценочную функцию. Подобные новообразования получают, как правило, морфологическую характеристику сложного слова (композиита). Композитному словообразованию, включаемому в ключевые деривационные модели в русском языке последних десятилетий, посвящено значительное число работ [Петрухина 2010, 2017, 2019; Радбиль 2020; Радченко 2014; Замальдинов 2017 и др.]. Путь образования композитов или так называемых образований аналитического характера описывается как «механическое присоединение отдельных элементов при сохранении автономии каждого из них» [Вида-нов 2012: 215].

В новообразованиях функционируют две активизировавшиеся под влиянием английского языка основные модели композиции: первая включает дифференцирующий компонент в препозиции (например, *арт-жизнь*, *ВИП-блогер*, *медиа-группа* и др.), вторая — в постпозиции (например, *праздник-мейкер*, *дизайн-арт*). По наблюдениям российских дериватологов, в русском языке новейшего периода наибольшую продуктивность получили препозитивные модели [см. подробнее Петрухина 2010].

О росте продуктивности препозитивной композитной модели может свидетельствовать тот факт, что среди неогерманов обнаруживаются не только чистые заимствования (*имиджмейкер*, *арт-шоу*) и кальки (*медиапространство* — от *media space*), но и новообразования, в которых иноязычные части сочетаются с автохтонными (*арт-ярмарка*, *топ-жених*, *евромечта*). В различной степени ассимилированные в системе русского языка композиты, содержащие заимствованный препозитивный компонент, выполняют в русском языке разнообразные функции, являясь способами номинации явлений мира новых технологий (*bluetooth-колонка*, *мультикоптер*), политики (*пресс-секретарь*, *стейт-политика*), экономики (*кэш-менеджмент*), искусства (*арт-пространство*), моды (*бьюти-блогер*), спорта (*допинг-контроль*) и т.п. Композиты отражают развитие современного общества, являются «словесным выражением идей, открытий и изобретений» последних десятилетий и представляют собой проявление «общей тенденции роста аналитизма современного русского языка, который обусловлен <...> влиянием английского языка» [Шишolina 2016: 53].

В современной русистике вопрос о статусе подобных новообразований остаётся дискуссионным, чему посвящён следующий параграф настоящего исследования. Вне зависимости от их лингвистической квалификации, необходимо признать, что «словообразовательные модели с несклоняемыми иноязычными компонентами в настоящее время обнаруживают высокую степень продуктивности» [Николина 2013: 171]. Прогрессирующая мода на нетипичные словообразовательные способы преодолевает естественное сопротивление языковой

системы русского языка. Данное противоречие между строем принимающего и транслирующего языка отмечается Е. А. Ждановой: «С одной стороны, развитие языка и мышления приводит ко все большей активности именных частей речи, с другой стороны, способы их образования ограничены самой языковой системой. Думается, что естественным выходом из сложившейся ситуации является видоизменение некоторых элементов системы» [Жданова 2010: 57]. Именно это системное расхождение между явлениями, транслируемыми из английского языка, и принципами морфологического строения русского языка становится причиной сложностей типологического разграничения таких, к примеру, понятий, как префикс и префиксоид, корень, радикалоид или аналитическое прилагательное.

1.3.3. Проблема определения морфологического статуса заимствованных компонентов

Алгоритм становления заимствованных формантов в качестве элементов деривационной системы принимающего языка подробно описан в работах советских и российских учёных [Адливанкин 1965, Красильникова 1972; Сологуб 2002 и др.]. На первом этапе «иноязычные элементы выделяются лишь как регулярно повторяющиеся отрезки в ряде слов» [Сологуб 2002: 130]. Процесс морфемизации входящих в состав дериватов препозитивных компонентов связан, прежде всего, с восприятием этих единиц самими носителями принимающего языка в качестве автономных аффиксов, имеющих конкретный деривационный потенциал. Как отмечает Е. В. Красильникова, «если какой-либо язык заимствует ряд слов, морфологически членимых в языке-источнике и принадлежащих в нем к одному словообразовательному типу, то при определенной типологической близости языков весьма вероятно, что и носителями заимствующего языка эти слова будут осознаны не как монолиты, но как слова, распадающиеся на части» [Красильникова 1972: 18].

Данная морфемная деконструкция является двусторонней, то есть, носитель языка должен выделить основу слова, чтобы отграничить ее от аффикса. «Словообразовательный аффикс сам по себе не может быть вычленен из заимствованных слов, если в нем не вычленена образующая основа <...> Для активизации чуждого аффикса необходимо, чтобы на новую почву заимствующего языка были перенесены не изолированные слова, а производные вместе с производящими, что составляет основу для проявления словообразовательной модели» [Адливанкин 1965: 53].

На следующем этапе «иноязычный структурный элемент уже начинает формироваться как самостоятельная морфема в русском языке, так как слова, включающие данный компонент, уже четко осознаются в языке с точки зрения их состава, структуры. Они еще не получили широкого распространения в русском языке, но тем не менее уже сформировалось их словообразовательное значение» [Сологуб 2002: 131]. На завершающем этапе вычлененные языковым сознанием элементы начинают проявлять собственную словообразовательную активность, «вступая в словообразовательные связи с иноязычными или русскими основами» [Гимпелевич 1966: 5].

Это приводит к появлению у аффиксов словообразовательного значения [Сологуб 2002: 132]. Следующим этапом становится их присоединение к незаимствованным производящим основам, часто носящее окказиональный характер. Наконец, «иноязычный структурный элемент уже прочно завоевывает свои позиции в системе русского языка. Это полноценная морфема, которая четко выделяется в русском языке как структурный элемент слова, имеет вполне определенное значение и функционирует в языке как продуктивный словообразующий формант, образуя новые слова и на базе русских основ» [Там же: 133]. Конечным этапом становится развитие у компонентов многозначности уже на почве принимающего языка: «морфемы иноязычного происхождения начинают развивать свою словообразующую активность, становиться все более продуктивными, притягивая к себе все большее число основ для образования новых

слов, в том числе и на русской почве, тем самым расширяя свое значение и развивая многозначность» [Там же].

Таким образом, процесс усвоения заимствованных словообразовательных компонентов на почве принимающего языка является процессом длительным, включающим в себя ряд этапов, ведущих к их морфемизации. В то же время необходимо отметить, что для русского языка новейшего периода, как и для других современных европейских языков, данные процессы имеют чрезвычайно высокую скорость протекания, что, в первую очередь, обусловлено мгновенным распространением английских заимствований и словообразовательных моделей благодаря интернет-технологиям, а также отмечаемому многими исследователями росту лингвокреативности носителей современного русского языка.

Адаптируясь на новой языковой почве, словообразовательный формант нередко начинает функционировать по законам принимающего языка. В языках синтетического типа он может приобретать черты производящей основы, образуя аффиксальные дериваты. Способность выступать в роли производящей основы, как правило, свойственна единицам, обладающим лексическим значением, превышающим обычный для традиционных префиксов «абстрактный» семантический объём. В этом случае «морфемизированные» компоненты получают в принимающих языках автосемантичность, свойственную полнозначным корням.

Данный процесс получает различное терминологическое обозначение в трудах лингвистов: он может описываться как «лексикализация» [Журавлев 1982], «эмансипация аффикса» [Изотов 1998] «высвобождение аффикса», «деграмматикализация» [Николина 2001]. Наиболее релевантным обозначением данного процесса нам представляется термин «лексикализация», который отражает свойственную именно лексемам природу, а именно семантическую наполненность на лексическом уровне.

Вхождение в современный русский язык препозитивных компонентов различного происхождения и различной фонемологии ещё больше усложняет задачу установления их морфемного статуса. Одним из доминирующих в российской лингвистике подходов является их отнесение к классу формантов, то есть к элементам словообразовательного строя языка. Однако и в рамках этой ведущей концепции можно наблюдать различные способы их интерпретации. Отсутствие унифицированной терминологизации связано как с относительно недавним периодом функционирования единиц данного типа, так и с внутренней сложностью самого деривационного феномена, особенно с учетом его участия как в дериватах, построенных по моделям английского словообразования, так и по моделям русского словообразования.

Разнообразие терминологической интерпретации показывается в одной из работ К. Вашаковой, которая суммирует, что для обозначения этих элементов в различных работах используются термины «префикс, аффиксоид (префиксоид), полуаффикс (полупрефикс), преморфема», а также наименования обобщённого характера: «препозитивный компонент, словообразовательный элемент (формант), член (первая часть / начальная часть) сложного слова, иноязычный компонент сложного слова» [Waszakowa 2005: 45–49].

Производные, в образовании которых участвуют компоненты данного типа, описываются либо как префиксальные дериваты [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2014а: 142–147;], либо как композиты, образованные безаффиксальным способом чистого сложения [ГР-80: 242; Земская 2011: 184]. Анализируя различные подходы к описанию слов-композитов и обширный языковой материал, Е. П. Снегова приходит к выводу, что сочетания, образованные по модели «неизменяемая первая часть, выраженная существительным/компонентом, похожим на слово буквенно-цифровым сочетанием/буквой на русском или английском языке + изменяемое существительное на русском языке» провоцируют «носителя русского языка присваивать новообразованиям статус сложных существительных по причине полного формального с ними сходства, а также

наличия в орфографических словарях русского языка подобных, но заимствованных ранее слов» [Снегова 2017: 595].

Попытку разграничить префиксальные дериваты и слова-компози́ты предприняла в одном из своих исследований Д. Охманн [Ochmann 2004: 47]. Учитывая актуальное для современной лингвистики определение композитов как сложных слов, образованных соединением двух словообразовательных основ, Д. Охманн предлагает следующий способ дифференциации композитов от внешне схожих префиксальных дериватов. Так, в случае с моделью типа *супер-мода* ← *мода* имеет место префиксальное словообразование, поскольку элемент латинского происхождения *супер-* (*super-*) входит в европейские языки в составе различных дериватов в качестве препозитивного компонента, и уже с начала XX столетия квалифицируется словарями как префикс. В настоящее время образование дериватов подобного типа строится комбинаторным способом: посредством регулярного присоединения префикса к именной основе.

В то же время образование композитов типа *евромода* (*eurofashion*) сопровождается разрушением производящей основы — дезинтеграцией (усечением) основы существительного или прилагательного, которое может быть эксплицировано с помощью словообразовательной перифразы: «европейская мода» (*евромода* ← *евро[нейская мода]*), «экологичная еда» (*экоеда* ← *эко[логичная еда]*). Таким образом, в качестве дифференцирующего критерия предлагается использовать анализ способа образования препозитивного компонента. Если он представляет собой результат недавнего усечения основы (*евро-* ← *евро[нейский]*, *эко-* ← *эко[логический]*, *био-* ← *био[логический]*, *авто-* ← *авто[мобильный]* и др.), то следует говорить о композитах и, следовательно, интерпретировать их начальную часть как префиксоид.

Заметим, что устойчивый статус префиксоидов приобрели такие элементы, как *теле-*, *аудио-*, *видео-*, *фото-*, *кино-*, *радио-* [см. Плещинская 2005]. В своем диссертационном исследовании А.И. Плещинская описывает алгоритм префиксоидизации данных элементов вышеуказанным образом — от заимствований в

составе определенных слов (*кинематограф, фотограф* и т.п.) — к вычленению данных элементов — и к самостоятельной активности на почве русского языка (*кинокартина, радиопередача, фотокарточка* и т.п.). Примечательно, что данные элементы восходят к различным языковым единицам: *кино-* и *радио-*, *аудио-* и *видео-* сразу функционировали в сращениях, *теле-* и *фото-* явились результатом усечения: *фотоаппарат* ← *фото[графический аппарат, телепередача* ← *теле[визионная передача* и т.п. Несмотря на различный генезис, «все эти структурные элементы на основании их высокой регулярности и усиливающегося абстрактного компонента семантики приобретают характеристики аффиксоидов» [Там же: 11–13].

Выполненный А.И. Плещинской анализ позволяет некоторым образом усомниться в абсолютности критерия разграничения аффиксоидов и «чистых» структурных формантов только на основании их способа возникновения. На наш взгляд, полной морфемизации таких элементов, как *кино-* или *радио-* препятствует их одновременное функционирование в качестве слов, имеющих самостоятельное значение, в то же время на восприятие усеченных элементов типа *эко-*, *био-* как префиксальных единиц может влиять их фонемный состав, уподобляющий их приставкам. Как указывал М. Кронгауз, по фонемному составу все префиксы делятся на однофонемные (*о-глянуться, у-зреть, с-бросить*) и многофонемные префиксы, имеющие в своем составе две фонемы и более (*не-знание, анти-глобалист* и др.) [Кронгауз 1995: 35]. Примечательно, что максимальное их количество не указывается, хотя в приводимых ученым примерах наибольшее количество — четыре фонемы. О справедливости предположения о влиянии вышеуказанных факторов — самостоятельного функционирования слова и его фонемного состава — на его относительную подверженность морфемизации, может свидетельствовать лексическая «сохранность» первой части сложных слов, созданных по образцу греческих (с элементами *добро-*,

бого-, благо- миро-, душе- и др.) [Петрухина 2019: 216].

На аффиксоиды как особые словообразовательные компоненты исследователи обратили внимание в середине XX века: «В некоторых типах сложных существительных вторая часть сложения подвергается словообразовательному обобщению и выступает в функции аффиксального элемента, своеобразной суффиксальной морфемы, например: *-носец* (*орденоносец, знаменосец*), *-вод* (*животновод, садовод*), *-вед* (*обществовед* и т.д.)» [Современный русский язык 1952: 127]. Системное описание аффиксоидов проводилось в работах Н. М. Шанского, О. В. Русаковой, Е. А. Левашова и др. [Шанский 1968; Русакова 2013; Левашов 2008].

Как правило, определения аффиксоидов сходны у большинства учёных. Обобщающая их дефиниция представлена в энциклопедическом издании: «Аффиксоид (от *аффикс* и греч. *éidos* — вид) — компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу — суффиксу (для последних компонентов сложения) или префиксу (для первых компонентов); соответственно А. подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды. <...> Примеры префиксоидов: *само-* (*самообладание, самодисциплина*), *полу-* (*полукруг, полупроводник*), *лже-* (*лженаука, лжеученый*), *авиа-* (*авиалиния, авиастроитель*), *теле-* (*телепередача, телеэкран*), *видео-* (*видеофильм, видеопленка*), *орг-* (*оргработа, оргмеры, орготдел*)» [Русский язык 1979: 26–27].

Е. А. Левашов замечает, что, исходя из вышеприведённой дефиниции, «цельные слова (их основы), являющиеся повторяющимися компонентами многих сложных слов, также должны признаваться аффиксоидами (*лесо*повал, *тонко*бровый, *трех*метровый, *машино*строение)», как «и компоненты сложных слов, включающие в себя корень, суффикс и окончание (*метр*овый, *строение*) и в связи с этим предлагает структурный критерий при различении повторяющихся компонентов сложных слов типа *лесо-* и *-строение* и аффиксоидов,

замечая, что последние «будучи и оставаясь разновидностью компонентов сложных слов (в соотношении вида и рода), являются морфемами и потому не могут быть ни их совокупностью, ни цельными словами (их основами)» [Левашов 2009: 3–4].

О.В. Русакова, проанализировав способы функционирования термина «аффиксоид» в научном дискурсе, формулирует пять принципов, на основании которых тот или иной словообразовательный элемент может быть квалифицирован как аффиксоид:

— элемент должен быть компонентом сложного или сложносокращённого слова;

— элемент должен выполнять в слове роль аффикса (способность образовывать новые слова с тем же компонентом);

— элемент должен обладать определённым значением, семантикой;

— элемент должен встречаться с одним и тем же значением более чем в одном слове;

— элемент должен сохранять свои семантические и генетические связи с соответствующим корнем [Русакова 2011: 37–40].

Говоря о семантике аффиксоидов, учёные отмечают, что «в содержательном плане они несут не аффиксальную, а корневую нагрузку, то есть имеют не категориальное временное, пространственное, причинное, относительное и т.д. значение, а значение материально-предметное, конкретное, вещественное (ср. префиксы и суффиксы *в-*, *на-*, *-н-*, *-ск-* и др. и префиксоиды и суффиксоиды *авто...*, *онко...*, *...руб*, *...фил* и др.)» [Левашов 2009: 4]. В связи с этим вполне перспективной в русле синхронно-диахронического подхода представляется идея А.И. Плещинской о целесообразности градации префиксоидов на слабые и сильные [Плещинская 2005: 11–13]. Под сильными можно рассматривать те, которые уже в большей степени формализовались и функционируют как префиксальные единицы с устойчивым значением, под слабыми — те, которые в высокой степени сохраняют свою корневую семантику.

Некоторые исследователи предлагают рассматривать эти единицы как словообразовательные форманты радикального типа, справедливо отмечая при этом, что «границы между новыми заимствованными словообразовательными формантами «оидного» типа (между аффиксоидами и радикалами) выражены нечетко» [Петрухина 2010: 427].

Разнообразие терминологической интерпретации исследуемых компонентов демонстрируется также и в лексикографических материалах. Автор диссертационного исследования «Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма», Д. В. Гугунава [Гугунава 2003], приводит в одной из своих работ определения морфологического статуса двадцати наиболее активных сегодня препозитивных компонентов в различных лексикографических источниках в виде следующей таблицы (рис. 1.):

Словарь	БАС	МАС2	БТС	ТСИС	НСРЯ	СОШ
Морфема						
АВТО...	1 часть	1 часть	1 часть	1 часть	1 часть	1 часть
АНТИ...	префикс	префикс	1 часть	префикс	префикс	префикс
АРХИ...	префикс	префикс	1 часть	префикс	префикс	префикс
ГИПЕР...	нет	префикс	1 часть	1 часть	префикс	1 часть
ИНТЕР...	префикс	нет	1 часть	префикс	префикс	префикс
КВАЗИ...	1 часть	1 часть	1 часть	префикс	префикс	1 часть
КОНТР...	1 часть	1 часть	1 часть	1 часть	1 часть	префикс
ЛЖЕ...	1 часть	1 часть	1 часть	нет	1 часть	1 часть
МЕЖ...	1 часть	1 часть	1 часть	нет	1 часть	префикс
МЕТА...	нет	нет	1 часть	1 часть	нет	нет
НЕО...	1 часть	1 часть	1 часть	1 часть	1 часть	1 часть
ПОЛУ...	1 часть	1 часть	1 часть	нет	1 часть	1 часть
ПОСЛЕ...	1 часть	префикс	префикс	нет	префикс	префикс
ПОСТ...	нет	префикс	1 часть	префикс	префикс	префикс
ПСЕВДО...	1 часть	1 часть	1 часть	префикс	1 часть	1 часть
САМО...	1 часть	1 часть	1 часть	нет	1 часть	1 часть
СВЕРХ...	1 часть	1 часть	1 часть	нет	1 часть	префикс

СУПЕР...	І часть	І часть	І часть	префикс	префикс	префикс
ТРАНС...	І часть	І часть	І часть	префикс	І часть	префикс
УЛЬТРА...	І часть	І часть	І часть	І часть	префикс	префикс

Рис. 1. Статус активных препозитивных морфем по данным словарей [Гугунава 2002].

Д. В. Гугунава также приводит таблицу, в которой демонстрирует описание морфологического статуса компонентов в количественном соотношении по обобщенным данным словарей. Исследователь отмечает, что «представляется целесообразным ввести в структуру словарной статьи наряду с пометой «префикс» также и различные обозначения корневых элементов, выделенных в самостоятельные статьи, например «аналит», «префиксоид», «суффиксоид», «усеченная основа» и пр.» [Там же]. Как видим, чаще всего компоненты получают обобщенную характеристику начальной части сложного слова (рис. 2.):

Словарь	БАС	МАС2	БТС	ТСИС	НСРЯ	СОШ
Статус						
І ЧАСТЬ	8	8	14	9	7	4
ПРЕФИКС	3	4	—	6	8	9
НЕТ	3	2	—	—	1	1

Рис. 2. Статус 14 иноязычных препозитивных морфем (количественное соотношение по обобщенным данным словарей).

Кроме описанного выше первого подхода, в рамках которого заимствованные словообразовательные компоненты относятся к классу формантов (аффиксам / аффиксоидам / радикасоидам / частям сложных слов в составе композитов), существует второй подход, согласно которому сочетания типа *top-продавец* имеют синтаксическую природу, а один из их компонентов (*top-*) получает уже частеречную, а не деривационную характеристику.

На двойственную природу исследуемых сочетаний обращают внимание Т.В. Григорьева и С. Е. Родионова, в том числе на имеющиеся во многих исследованиях «расхождения по поводу того, к какому все-таки уровню: лексическому (результату словообразования) или синтаксическому (аналитическое словосочетание) их относить» [Григорьева, Родионова 2022: 812]. Наиболее

распространённым является отнесение иноязычных компонентов «к неизменяемому прилагательному (аналитическому прилагательному, аналит-прилагательному, прилагательному с нулевым склонением) (Т. Б. Астен, Д. В. Бондаревский, Е. И. Голанова, Е. А. Земская, Л. П. Крысин, Т. Г. Никитина, М. В. Панов и др.)» [Там же: 812–813].

Понятие несклоняемого прилагательного было введено А. А. Шахматовым [Шахматов 1941], истолковывающим его как неизменяемые слова, которые имеют одинаковое с прилагательным грамматическое значение. В «Русской грамматике» 1980 г. к несклоняемым прилагательным с нулевыми флексиями относятся заимствованные слова типа *гала*, *пик*, *фри* и т.п. в сочетаниях типа *гала-представление* (или в постпозиции: *концерт-гала*), *часы пик*, *картофель фри* и т.п. (в общей сложности свыше 80 единиц) [РГ-80: 554].

Т. Б. Астен считает, что отнесение этих единиц к классу прилагательных не всегда правомерно, например, «для *цунами* в толковых словарях указывается только категориальное значение существительного. Очевидно, имеется в виду, что в сочетаниях *волна-цунами*, *цунами-служба* у слова появляется значение несклоняемого прилагательного» [Астен 2016: 15]. Ученый отмечает, что «многие из этих единиц грамматически полифункциональны. Известно, что в лексике английского языка более 700 самых употребительных лексем свободно перемещаются из одного класса в другой. <...> Высокоразвитая флективная система и четкая парадигматическая дифференциация классов слов в русском языке не стали препятствием для перехода слов из одной части речи в другую» [Там же].

Наряду с определением «аналитические прилагательные» появляется термин «полифункциональные слова», описывающий единицы, которые «выступают в роли разных частей речи (*общаться в онлайн*, *заказ онлайн*, *будь онлайн*) [Маринова 2014: 70]. Для определения их конкретной функции предлагается обратить внимание на контекстуальное окружение неологизма: «прояснить лексическое значение неологизма может, например, атрибутивная конструкция,

в которой неологизм в качестве определения относится к существительному, обозначающему более широкое, родовое понятие. Например, в предложении «*Банковские и ресепшин стойки также входят в наш ассортимент!*» слово *ресепшин* «распредмечивается» конструкцией однородности, в которой союз «и» соединяет данное слово с прилагательным» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2014b: 119–120].

Среди аргументов, высказываемых в пользу описания подобных единиц как аналитов или полифункциональных слов, могут быть выделены следующие: «большинство именных композитов имеет оригинал — словосочетание на английском языке — и повторяет его структурно при перенесении в русский язык, т. е. сохраняется количество компонентов и порядок их следования; оба компонента, будучи употреблены по отдельности, имеют грамматические признаки слова; отмечаются случаи раздельного написания, т. е. отсутствия дефиса в письменной реализации, особенно в случае с сохранением оригинальной графики первым компонентом» [Снегова 2017: 588–589].

Другие характеристики исследуемых единиц позволяют отнести их к классу композитов, а не словосочетаний. К примеру, Е.В. Петрухина отмечает, что «быстрый рост сложных неологизмов с заимствованными элементами <...> объясняется не только растущими номинативными потребностями социума и влиянием английского языка, но и опорой на имеющиеся собственно русские модели сложных существительных» [Петрухина 2010: 431]. Имеется в виду факт наличия в русском языке «продуктивной модели их образования сложением прилагательного и существительного без соединительной гласной, но при сокращении мотивирующего прилагательного до корня: *танцевальная площадка* → *танцплощадка*, *стенная газета* → *стенгазета*» [Там же].

Названные выше факторы обуславливают невозможность однозначной лингвистической квалификации уровневой принадлежности рассматриваемых единиц, в связи с чем некоторые исследователи предлагают определения типа «сложные номинативные единицы» [Горбов 2010: 35] или «квазикомпозиты»

[Клобуков, Гудилова 2001: 12]. Так или иначе, большая активность словосложения на современном этапе развития русского языка [Улуханов 1996: 29–72] оказывает типологическое влияние на язык, развивая атрибутивные отношения в рамках именной группы. «Поток таких композитов способствует появлению словосочетаний с невыраженными грамматическими отношениями между входящими в них именами, что свидетельствует о давлении на русский язык аналитических структур» [Петрухина 2010: 442].

Теоретическое описание подобных единиц, по нашему мнению, невозможно без диахронического и семантического анализа их функционирования в языке-доноре и языке-реципиенте. Факт перехода морфемы в полнозначную морфологическую единицу (префикс → префиксоид → аналитическое прилагательное) может быть объяснён с позиций его этимологической семантической природы. Изначально исследуемые заимствованные компоненты, как правило, относились в языках-донорах (древнегреческом, латинском, английском) к лексико-семантическому разряду прилагательных или к предлогам, обладающим атрибутивным значением. Как известно, «прилагательное не имеет собственной области предметной отнесенности, т.е. не имеет ни денотации, ни конкретной референции. Сферу их применения образует весь круг денотатов, обладающих соответствующим (обозначенным через прилагательное) признаком» [Вольф 1978: 130]. Как отмечает М.В. Сандакова, «прилагательное <...> имеет семантическую валентность на распространение именем денотата, подходящего под называемое свойство. <...> Обычно прилагательное называет возможный круг сочетающихся с ним имен. В семантике атрибута содержится намек на тип носителя» [Сандакова 2010: 202]. Именно эта облигаторная соотнесённость с существительным, небытие вне определяемого денотата и факт обязательной синтаксической позиции прилагательного предопределяют переход автономной лексической единицы (прилагательного, предлога) в статус препозитивной морфемы.

В принимающих языках переход исконных прилагательных в разряд префиксов связан, по всей видимости, с тенденцией к экономии языковых средств, которая в данном случае проявляется в стремлении к компрессированному выражению денотата и его признака. Характерная для признака препозиция — т.е. позиция перед обозначаемым — подчёркивает отличительное свойство обозначаемого. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с классическим *definitio per genus proximum et differentiam specificam*.

Следует отметить, что префиксы, в отличие от, к примеру, суффиксов, отличаются большей автономностью в семантическом и морфологическом отношении. Отмечается, что «префиксы возникают, как правило, из самостоятельных слов <...> поэтому значение производящей основы, с которой сочетается префикс, обычно в некоторой степени сохраняется, то есть не сливается со значением самого префикса в целом <...> Семантика конкретного префикса определяет, в каком положении находится один предмет относительно другого» [Янутик, Амагов 2017: 80–81]. Греко-латинские и англоязычные препозитивные компоненты, участвующие в деривации в принимающих языках, обладают способностью легко образовывать высокоинформативные слова вместо громоздких словосочетаний, а их повторяемость в рамках этих новообразований и семантическая автономность «обеспечивает их легкую усвояемость и воспроизводимость» [Молнар 2011: 96].

Функционируя достаточно долгое время в принимающих языках в качестве словообразовательного компонента, исследуемые единицы указывают на те признаки определяемого объекта, которые способны к параметрической или прагматической оценке, а затем опять переживают новую стадию морфологического преобразования и лексикализации. Это стадия абстрагирования семантики, когда адъективный признак вновь выводится за пределы обозначаемого — его этимологически адъективная природа снова реализуется в рамках семантико-морфологического преобразования в позицию прилагательного. С одной стороны, свойства в мире не существуют вне определяемых ими предметов,

однако прилагательное способно выражать свойство, абстрагированное от своего носителя как самостоятельная семантическая данность.

Таким образом, эластичность денотативной семантики компонента и заложенный в нём метафорический потенциал предвосхищают его способность характеризовать различные объекты и функционировать в качестве словообразовательного компонента. С другой стороны, способность человеческого языкового сознания к абстрагированию обуславливает процесс вторичной лексикализации компонента. Такое абстрагирование семантики и позволяет многим учёным рассматривать исследуемые единицы как аналитические прилагательные. В пользу такого подхода, в котором синхрония описывается как решающий аргумент, довольно резко высказывается М.В. Панов: «Только извращенное сознание ультра-диахрониста может видеть в этих прилагательных приставки. Как были, так-де и остались. Эта квазиосторожность не идет на пользу дела. Действительно, по происхождению это приставки-интернационализмы. Но сейчас-то они псевдопрефиксы, обрели все признаки слова, а, став словами, они неизбежно попадают в класс аналитических прилагательных. Какие признаки? Свободная, нефразеологическая сочетаемость с существительными (Приставки-то фразеологичны! Это в их природе). Сочетаемость с частицами. Фонетическая примета слова: особое персональное ударение» [Панов 1999: 156]. По всей видимости, решение вопроса о морфологической квалификации исследуемых единиц зависит не только от самого анализируемого объекта, но и от интерпретирующего субъекта и избранной им исследовательской перспективы.

§ 2. Префиксация в системе словообразования

2.1. Префикс как морфемная единица

Вопрос о происхождении префиксов и об их генетико-прототипической форме является предметом обсуждения в трудах по сравнительно-историческому языкознанию российских и зарубежных ученых [Гамкрелидзе, Иванов

1984; Мейе 1938]. Основываясь на анализе древних текстов, они выдвинули предположение о том, что в праиндоевропейском языке существовала группа неизменяемых слов, похожих по своим характеристикам на наречия. Из них впоследствии образовались предлоги, сохранившие относительную самостоятельность, и приставки, присоединившиеся к знаменательным частям речи. Предположительно приставки находились в постпозиции по отношению к именной лексике (послелогии) и в препозиции по отношению к глаголу (превербы). Как указывает французский лингвист А. Мейе, «...приставки, бывшие в индоевропейском языке самостоятельными словами, весьма рано стали примыкать либо к имени, либо к глаголу: они превратились в своего рода префиксы» [Мейе 1938: 435].

Вследствие предположительной структурной перестройки индоевропейского языка позиция перед глаголом освободилась и была заполнена префиксальными элементами, возникшими из различных реляционных элементов [Табаченко 2010: 15]. На их базе развились предлоги, употребляемые с именем, и приставки, употребляемые с глаголами. Такое расположение, в свою очередь, предопределило основополагающую роль приставок в глагольном словообразовании.

Примечательно, что в российских исследованиях по грамматике русского языка до XIX столетия понятия «предлог» и «приставка» не имели четкого разграничения. Приставку называли «слитным предлогом», а сами приставочные глаголы назывались предложными. Термин «приставка» впервые употребляется в 1853 году в работе И. И. Давыдова «Опыт общесравнительной грамматики русского языка», в которой указывается: «Слитные предлоги употребляются как приставки в образовании разных частей речи: *бесчестье, войти, перехожу, донесение*» [Давыдов 2016: 322]. Затем он используется Ф.И. Буслаевым в «Исторической грамматике русского языка» (1865 г.), причем в способе его употребления проявляется внутренняя форма изобретенного термина: от «приставить к глаголу». «Приставка предлога к глаголу и прикрытие глагольного

корня приставкой и окончанием дает ему полную форму слова, в речи употребляемого» [Буслаев 1959: 197]. Интернациональный термин «префикс» (от лат. *praefixus*, дословно: «прикрепленный впереди») впервые появляется в российской науке в трудах А.А. Шахматова, предложившего выделить префиксы в особую служебную часть речи, поскольку генетически они восходят к пространственным наречиям [Шахматов 1941: 495].

В настоящее время оба термина употребляются в качестве равноценных дублетов, а их значение определяется следующим образом. В «Русской грамматике 1980» префиксы определяются как аффиксальные морфы, то есть «морфы, наличествующие не в каждой словоформе и заключающие в себе дополнительное, служебное значение — словообразовательное или морфологическое, более абстрактное, чем у корневого морфа (морфов) данной словоформ» и «находящиеся в составе простой основы перед корневым морфом» [РГ–80: 122]. А.А. Реформатский указывает, что по положению относительно корня аффиксы можно разделить на префиксы, стоящие перед корнем, и постфиксы, стоящие после корня») и отмечает, что «термин «приставка» явно неудачен, так как приставлять можно и спереди и сзади, поэтому тюркологи свои постфиксы охотно называют «приставками»; появившийся одно время термин «представка» (калька от префикс) точнее, но требует параллельного термина «послеставка», что неупотребительно» [Реформатский 1996: 263].

Е. А. Земская обращает внимание на то, что термин префикс имеет два значения — широкое и узкое — в зависимости от того, рассматриваем ли мы его с точки зрения положения относительно корня или же описываем его с рамках классификации аффиксальных словообразовательных морфем: «а) аффиксальная морфема, расположенная перед корнем, слева от корня (противопологается постфиксам); б) один из видов деривационных морфем (= приставка) противопоставляется другому виду деривационных морфем (суффиксам)» [Земская 2011: 31–32].

По происхождению префиксы в русском языке подразделяются на иноязычные и исконно русские. При этом отдельные префиксы старославянского происхождения утрачивают свою словообразовательную активность (например, префикс *пред-*), в то время как другие (например, префикс *со-*) до сих пор являются продуктивными [Зализняк 2015: 233–252].

В «Русской грамматике 1980» выделяются следующие исконные префиксы, участвующие в образовании существительных:

— *без-, вз-, до-, за-, из-, меж-, между-, на-, над-, не-, недо-, о-, об-, около-, от-, па-, пере-, по-, под-, после-, пра-, пред-, при-, про-, против-, раз-, с-, сверх-, со-, су-, у-*;

— заимствованные: *а-, анти-, архи-, вице-, де-, дез-, дис-, контр-, обер-, прото-, ре-, суб-, супер-, ультра-, экс-, экстра-* [РГ–80: 224–233].

В отдельную группу выделяются образованные в результате усечения основы препозитивные интернациональные компоненты, использование которых характерно главным образом для научно-технической терминологии в рамках словосложения существительных: *авиа-, авто₁₋* (от *авто[мобильный]*), *авто₂₋* (от *авто[матический]*), *агло-, агро-, астро₁₋* (от *астро[номический]*), *бензо-, био₁₋* (от *био[логический]*), *VELO-, вибро-, гальвано-, гермо-, гигро-, зоо-, изо₁₋* (от *изо[образительное (искусство)]*), *космо-, метео-, мото₁₋* (от *мото[рный]*), *мото₂₋, пиро-, пневмо-, психо-, радио-, сейсмо-, стерео-, теле-* (от *теле[визионный]*), *термо-, турбо-, физио-, фото₁₋* (от *фото[графия]*), *эвако-, электро-, энерго-* [Там же: 240–241].

Для словосложения существительных характерно также использование первых связанных компонентов интернационального характера: *авто₃₋* (синонимичный *само*); *авто₄₋* («самоходный, самодвижущийся»), *астро₂₋* («относящийся к звёздам»); *аэро₁₋* (синонимичный *авиа-*), *аэро₂₋* («относящийся к воздуху»), *баро-, блиц-, био₂₋* («относящийся к жизни, живым организмам»), *видео-, дендро-, гелио-, гео-, гидро-, изо₂₋* («относящийся к равным, одинаковым показателям какой-либо величины»), *квази-, лейт-, макро-, макси-, микро₁₋* («очень

малый или связанный с изучением очень малых предметов, величин»), *мини-*, *моно-*, *нео-*, *невро* и *нейро-*, *нитро-*, *поли-*, *псевдо-*, *теле₂-*, *фото₂-* («относящийся к свету, световой энергии»: *фотопреобразователь*), *хромо-*. Сюда же мы можем отнести такие компоненты, которые используются в номенклатуре мер: *кило-*, *деци-*, *санти-*, *милли-*, *микро₂-* («уменьшение в миллион раз»), *мега-* [Там же: 241–242].

В словообразовании прилагательных участвуют следующие префиксы:

— исконные: *без-*, *вне-*, *внутри-*, *до-*, *за-*, *из-*, *меж-* и *между-*, *на-*, *над-*, *наи-*, *не-*, *небез-*, *о-*, *об-*, *около-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *поза-*, *после-*, *пре-*, *пред-* и *перед-*, *при-*, *про-*, *противо-*, *раз-*, *сверх-*, *со-*, *среди-*, *су-*, *через-*, *чрез-*;

— заимствованные: *а-*, *анти-*, *архи-*, *гипер-*, *им-* и *ир-*, *интер-*, *пост-*, *суб-*, *супер-*, *транс-*, *ультра-*, *экс-*, *экстра-* [Там же: 302–316].

Для словообразования прилагательных в рамках сложения характерно использование препозитивных усеченных заимствованных компонентов преимущественно в научно-техническом дискурсе: *авиа-*, *авто-*, *бензо-*, *вибро-*, *гальвано-*, *механо-*, *радио-*, *сейсмо-*, *термо-*, *турбо-*, *фото-*, *электро-*, *энерго-* [Там же: 318]. Как и в случае с существительными, прилагательные могут образовываться при участии связанных препозитивных компонентов, которые (за исключением компонента *еже-*) также представляют собой заимствования: *псевдо-*, *квази-*, *био₂-*, *гео-*, *гелио-*, *гидро-*, *микро-*, *макро-*, *моно-*, *поли-*, *пан-*, *радио-*, *теле-* [Там же: 319].

В рамках изучения русского префиксального словообразования были определены основные конституирующие признаки приставок. Во-первых, приставки всегда присоединяются к целому слову, а не к основе, следовательно, тем или иным образом видоизменяют лексическое значение производящего слова. Во-вторых, префиксы чаще используются в рамках префиксально-суффиксального или префиксально-постфиксального способа словообразования, нежели при самостоятельном способе словообразования.

Если вышеуказанные положения являются общепризнанными, то вопрос о наличии у префиксов собственного значения, а также об их полисемичности является одним из самых дискуссионных. В его решении существуют два диаметрально противоположных подхода. Отдельные ученые придерживаются мнения, что неспособность приставки реализовать свое значение вне образованного с ее помощью слова лишает ее самостоятельного значения. Данная позиция была сформулирована Е. С. Кубряковой, указывающей, что аффикс нельзя рассматривать в качестве «носителя словообразовательного значения» и объясняющей это следующим образом: «Поскольку реализация словообразовательного значения связывается нами со всей морфологической структурой деривата, само значение оказывается зависимым не только от выбора деривационного средства, но и от выбора источника наименования: оно равно обусловлено как ономазиологическим базисом и ономазиологическим признаком производного, так и типом устанавливаемой между ними связи» [Кубрякова 1981: 4].

Своего рода компромиссной точки зрения придерживался Н. В. Крушевский, предложивший выделять в приставочных глаголах два семантических центра — глагольную основу и приставку, при этом основное значение передается основой, а оттенок значения — префиксом [Крушевский 1998: 152].

Наконец, противоположная точке зрения Е.С. Кубряковой, В.И. Улуханова и некоторых других лингвистов позиция о наличии у префиксов собственной семантики обосновывается в работах В.В. Виноградова, Б. Н. Головина, Е. В. Сенициной и других исследователей. С целью доказательства наличия у приставок собственного значения сторонники данной точки зрения прибегают к аргументам как исторического, так и логического свойства. Так, Е.В. Сеницина вполне обоснованно утверждает, что, поскольку префиксы исторически восходят к самостоятельным словам, то, следовательно, они могут и должны сохранять свои собственные значения» [Сеницина 2012: 167].

Рассуждая об эволюции значений приставок, этот же автор указывает, что к их первоначальным, пространственным характеристикам действия постепенно

стало добавляться значение предела или границ, на которые распространяется действие, что естественным образом перетекло в обозначение темпоральных пределов. Результатом стало появление у русских глаголов инвариантного значения предела или завершённости действия, выражаемое категорией совершенного вида. Кроме временных значений, префиксы придают обозначаемым действиям и многие другие значения: итеративные, начинательные, дистрибутивные, кумулятивные, делимитативные и др.

Примечательно, что утверждение об асемантичности префиксов не препятствует принятому в различных научных источниках, в том числе в академической грамматике перечислению значений приставок. Авторы «Русской грамматики» 1980 г. перечисляют значения, иллюстрируя их соответствующими производными глаголами. Например, согласно «Русской грамматике» 1980 г., префикс *за-* участвует в образовании глаголов с десятью значениями: *забросить* («поместить»), *заехать* («по пути, ненадолго»), *закапать* («покрыть чем-либо»), *заговорить* («довести до нежелательного состояния»), *заработать* («получить»), *зачистить* («действие на часть предмета»), *загреть* («начать»), *заготовить* («заранее»), *запить* («сразу после другого действия»), *зарегистрировать* («довести до результата») [РГ-80: 358–359].

Развитие у приставок новых значений из первичного, пространственного значения, объясняется сторонниками концепции семантичности префиксов различными переносами по метафорическому признаку [Архангельская 1983]. Сторонники этой теории близки к локалистскому подходу к описанию развития метафорических значений у предлогов в рамках когнитивной лингвистики. Так, Г.И. Кустова указывает: «Одна из задач когнитивного анализа семантики предлогов — проследить, как исходная пространственная схема распространяется ("расширяется") на непространственные ситуации и метафорические пространства» [Кустова 2001: 143].

В приложении к префиксам, нам представляется более обоснованной точка зрения Л.В. Табаченко, утверждающей, что при анализе «исходной семантики

на последующие значения, следует говорить не о пространственном, а о генетико-прототипическом значении. Это некая исходная обобщенная идея, которая может присутствовать в производных значениях в виде семантического компонента. Первичными значениями были пространственные, чувственно воспринимаемые, но одновременно в них уже формировались абстрактные идеи, семантические «образы» этих приставок, которые делали возможным перенесение этой прототипической семантики на другие, более абстрактные классы действий, отношений и состояний [Табаченко 2011: 75].

2.2. Префиксальное словообразование в русском языке

2.2.1. Глагольная префиксация в русском языке

В соответствии с основной классификацией способов словообразования, разработанной академиком В.В. Виноградовым [Виноградов 1951; 1952], в русской языковой системе выделяются два основных словообразовательных типа: морфологический и неморфологический (лексико-синтаксический, лексико-семантический и морфолого-синтаксический). Морфологический способ, то есть «образование новых слов с помощью аффиксов» [Виноградов 1975: 156], основывается на создании производных слов с помощью морфем и представляет собой самый продуктивный способ обогащения словарного состава русского языка. Из двух основных типов морфологического (аффиксального) образования наибольшую продуктивность в русском языке имеет суффиксация, которая принимает участие в словообразовании всех частей речи, но особенно широко распространена в образовании существительных, прилагательных и наречий.

Префиксальный способ словообразования, возникший исторически позже, нежели суффиксальный, специализируется в русском языке в области глагольной деривации и значительно «реже встречается при образовании других частей речи» [Мусатов 2010: 251]. Глаголы, образованные префиксальным способом, составляют около 90% всей глагольной лексики современного русского языка

[Волохина 1993: 3]. Не удивительно, что изучение глагольной префиксации в русском языке имеет богатую историческую традицию в отечественной и зарубежной лингвистике, развиваясь не только в рамках теории словообразования, но и в области аспектологии.

Изучение приставок в рамках глагольного словообразования имеет длительную историю и представлено значительным количеством лингвистических исследований, проводимых в двух направлениях: в собственно словообразовательном (лексическом) и в грамматическом (аспектуальном, или видовом), возникших практически одновременно в грамматиках XIX столетия. Первое теоретическое обоснование направление изучения лексической семантики приставочных глаголов получило в трудах К. С. Аксакова (1855) и Н. П. Некрасова (1865) [Аксаков 1855; Некрасов 1865]. Практические достижения этого времени были представлены, в основном, в первых классификациях, разделяющих глаголы на простые и производные.

Изучение роли приставок в процессе образования глагольных видов начинается с трудов Н.И. Греча, который еще пользовался термином «предлог»: «Совершенный вид образуется из глагола первообразного (неопределенного, определенного и однократного вида) одним только присовокуплением предлога без всякой в преобразованном глаголе перемены: делать — сделать; колоть — заколоть; говорить — уговорить» [Греч 1827: 137]. Дальнейшее развитие данного направления представлено в трудах А. А. Потебни, который в четвертом томе своего фундаментального труда «Из записок по русской грамматике» обозначил различия между грамматическим значением вида и лексическими (словообразовательными) значениями приставочных глаголов. «Различные предложные глаголы с одним и тем же характером (*до-*, *при-*, *за-* *ходить*) составляют особые единицы только с лексической точки зрения, а в грамматике принимаются за одну единицу, если они тождественны формальным отношениям [Потебня 1977: 86].

Огромный вклад в развитие изучения семантики вида и видообразующей роли префиксов был внесен советскими лингвистами Ю.С. Масловым, А.В. Бондарко, А.В. Исаченко, а также современными российскими лингвистами Г.И. Кустовой, Е.В. Падучевой, Е.В. Петрухиной, Е.В. Горбовой, В.А. Плунгяном, М.Н. Кронагузом и многими другими. Полное описание системы словообразовательных типов и морфологических средств образования глаголов в русском языке содержится в монографии известного отечественного дериватолога И.С. Улуханова [Улуханов 2015; 2017].

Выполнение русскими глагольными приставками двух функций порождает проблему типологического определения его статуса в языке: «как словообразовательной или грамматической морфемы, что связано с категорией вида» [Козера 2019: 397]. Как указывает Е. А. Жданова, «для глагола приставочный способ настолько обычен, он даже в какой-то степени грамматикализуется» [Жданова 2010: 56].

В рамках лексического направления префиксального глаголообразования выделяются исследования префиксальной антонимии. Русские префиксы с противоположным значением образуют разветвленную систему однокоренной антонимии, например: «в-/вы- (*входить* — *выходить*); в-/с- (*влезать* — *слезать*); за-/раз- (*завязывать* — *развязывать*); за- от- (*закрывать* — *открывать*); недо-/пере- (*недовыполнять* — *перевыполнять*); под-/от- (*подбегать* — *отбегать*); при-/у- (*приезжать* — *уезжать*); при-/от- (*привязывать* — *отвязывать*); с/со-/раз- (*связывать* — *развязывать*); по-/раз- (*полюбить* — *разлюбить*)» [Баско 1998: 53].

В рамках современных направлений глагольной префиксологии изучаются, в первую очередь, особенности семантики глагольных префиксов, а также феномен полисемии данных словообразовательных формантов, в изучении которого все чаще применяются методики когнитивной лингвистики. Особую значимость в современных условиях приобретают исследования ученых — участников проекта «Корпусная грамматика», целью которого является

«последовательное описание представительного фрагмента русской грамматики по данным Национального корпуса русского языка» [НКРЯ]. Раздел «Деривационные категории глагола» находится в стадии активной разработки, на сегодняшний день заполненные позиции относятся к полисемии глагольных префиксов: «рефрактивный префикс *пере-*», «комплексный префикс *за-*», «начинательный префикс *за-*». Запланированы также разделы: «делимитативный префикс *по-*», «дистрибутивные префиксы *по-* и *пере-*», «кумулятивный префикс *на-*» [Там же].

Исследования русской глагольной префиксации, проводимые на значительном историческом срезе, позволили сделать выводы об устойчивости семантико-грамматических функций глагольных приставок. Е.В. Сеницына, на основе выполненного в диссертационной работе синхронно-диахронического анализа, приходит к заключению о том, что «префиксальное глагольное словообразование относится к таким элементам русского языка, которые, принадлежа к грамматическому строю языка, остаются неизменными в течение многих столетий. <...> исконно русские приставки сохраняют свои основные значения со времён древнерусского языка, и когда в языке появляются неологизмы, префиксы присоединяются к ним по законам русского словообразования и выполняют те же функции [Сеницына 2009].

В качестве примеров автор предлагает рассматривать любые заимствованные глаголы, как литературные, так и разговорные, например: флудить, от английского *flood* «засорять чат сообщениями, не относящимися к теме». Приставки, присоединяясь к иноязычной основе («*пофлудить*, *зафлудить*, *нафлудить*»), «совершенно логично придают должные оттенки значения и меняют вид глагола» [Там же]. Этот же автор отмечает, что такая устойчивость не отличает именно префиксальное словообразование в русском языке новейшего периода, которое под влиянием экстралингвистических и интралингвистических факторов начинает занимать ведущие позиции в процессе образования новых лексических единиц.

2.2.2. Именная префиксация в русском языке

Если префиксация является основным способом образования глагольной лексики в русском языке, то в процессе образования именной лексики, в первую очередь, существительных, роль данного словообразовательного способа крайне незначительна. Практически все существительные, в которых в процессе морфемного членения выделяется префикс, представляют собой либо deverбальности, например: *под-ход* ← *подходить*, *при-ближение* ← *приблизить*, *раз-борка* ← *разобрать*, либо отадъективные образования: *не-вежливость* ← *не-вежливый* и т.п.

Как средство первичной номинации объектов внеязыковой действительности, категоризируемых в форме существительных, префиксальный способ используется только в сочетании с суффиксальным. Чаще всего речь идет о названиях, получаемых в результате компрессии иконической ситуативности: *гриб*, который растет под осиной → *под-осин-ов-ик*; *гриб*, который растет под березой → *под-берез-ов-ик*; изделие, которое ставится под стакан → *под-стакан-ник*; человек, с которым кто-то вместе служит → *со-служ-ив-ец* и т.п. Такой способ номинации представляет собой как бы свернутую пропозицию, или различные конструкции, в которые «вкладывается» образующая основа или слово (например: *со- ник: сокурсник*)» [Шанский 1968: 282].

Схожая словообразовательная модель лежит в основе некоторых прилагательных, возникающих в результате суффиксации предложно-падежного сочетания, в котором предлог превращается в приставку (*до срока* → *досрочный*, *при усадьбе* → *приусадебный*) [Там же].

Отдельное, самостоятельное использование приставки с целью образования нового существительного в системе русского языка практически не встречается, кроме редких случаев: *вид* → *подвид*, *смена* → *пересмена*, *звук* → *отзвук*, *блеск* → *отблеск*. Непродуктивность префиксов при образовании имен существительных может быть объяснена теми функциями, которые выполняют

существительные. Номинируя конкретные денотаты, они отражают их в неизменной, данной в самой внеязыковой действительности, форме. Префикс, будучи средством модификации значения, не является востребованным формантом именно в силу немодифицируемости значения именуемой реалии. В некоторых случаях изменяться могут размеры обозначаемой реалии, но для их обозначения в русском языке используется разветвленная система суффиксов. Может меняться наше отношение к реалиям, обозначенным существительным, но в качестве прагматических маркеров в русском языке также используются суффиксы.

Таким образом, выполняемые префиксами функции модификации обозначаемого, не соответствуют семантике, характерной для категории имен существительных. Знаменательным в этой связи представляется тот факт, что еще до периода «префиксального бума», префиксация существительных в русском языке происходила преимущественно с помощью иноязычных префиксов, среди которых наиболее продуктивными являлись такие, как *анти-*, *контр-*, *де-*, *дез-*, *дис-* (*диз-*), *а-*, *суб-*, например: *антивоенный*, *контрразведка*, *контрпропаганда*, *демобилизация*, *дезорганизация*, *дисгармония*, *аморальный*, *субпродукты* и т.п. Уже данный небольшой ряд позволяет увидеть особенности семантики основ, к которым присоединяются иноязычные префиксы, их тяготение к определению процессов или состояний общества, а также понятий абстрактного характера. Отметим также один примечательный факт: если наличие значений у префиксов, образующих глаголы, вызывает сомнение, то префиксы существительных или прилагательных такой дискуссии не вызывают.

Среди собственно русских префиксов, образующих антонимические пары, наиболее активными являлись префиксы *не-*, *без-* (*бес-*), *противо-*: *друг* → *недруг*, *порядок* → *беспорядок*, *действие* → *противодействие*. Однако основная их часть представляет собой явление «отраженной антонимии», когда антонимические существительные образуются от соответствующих прилагательных: *вежливый* → *невежливый* (*вежливость* → *невежливость*), *аккуратный* →

неаккуратный (*аккуратность* → *неаккуратность*) и т.п. По данным ученых-дериватологов, «в словообразовательной антонимии русского языка явно преобладает отраженная антонимия» [Тихонов, Емельянова 1976: 126–127].

Кроме приставки с отрицательным значением, в русском языке с целью образования существительных использовалась приставка *сверх-*, имеющая значение «превышения в чем-н. предела, меры», напр. *сверхзадача*, *сверхприбыль*, *сверхдержава*, *сверхчеловек*, *сверхпроводимость*, *сверхтекучесть*. Однако ее продуктивность была невелика и сводилась к терминологическим обозначениям, нередко калькируемых с иностранных языков.

В целом, среди наиболее характерных словообразовательных категорий префиксальных существительных были выделены следующие:

— дериваты со значением интенсивности, высоким проявлением признака, названного производящей основой (образуются с помощью префиксов *раз-* (*раскрасавица*), *над-* (*надсемейство*) *сверх-* (*сверхприбыль*), *архи-* (*архипорядок*), *супер-* (*супер-актёр*), *экстра-* (*экстрахлеб*) и др.);

— дериваты со значением противопоставления, отрицания, противоположности (образуются при участии префиксов *противо-* (*противодействие*), *не-* (*несчастье*); *без-* (*безучастие*), *а-* (*амораль*), *дис-* (*диспропорция*), *контр-* (*контрудар*), *де-* (*дегуманизация*) и др.);

— дериваты со значением ложности, неистинности, мнимости (образуются с помощью префиксов *квази-* (*квази-доказательство*) и *псевдо-* (*псевдонаука*));

— дериваты со значением соположения, совместности (образуются с помощью префикса *со-* (*соавтор*));

— дериваты со значением подчинённости (образуются при участии префиксов *под-* (*подкласс*), *суб-* (*субаренда*)) [Земская 2011: 278–281; Мусатов 2010: 303–304; Попова 2007: 262–276].

Наряду с вышеназванными префиксами в системе русской субстантивной префиксации выделяются менее продуктивные: *после-* (*последствие*), *пра-* (*празык*), *пред-* (*предыстория*), *пере-* (*перепроверка*), и некоторые другие.

Префиксальный способ образования прилагательных является более продуктивным по сравнению с существительными, что вполне объяснимо семантикой прилагательных. Не подлежит сомнению, что обозначаемый ими признак предметов или явлений может проявляться в различной степени, что и предопределяет большую востребованность приставочного способа образования прилагательных. Прежде всего, речь идет о грамматических способах градации определяемого признака или качества при образовании превосходной степени с помощью приставки *наи-*: *наилучший, наихудший*. Стоит, однако, отметить, что более продуктивным является суффиксальный и аналитический способ образования суперлативов: *сильнейший, самый сильный, наиболее сильный*. Установлено, что «синтетические формы типа талантливейший — книжные, аналитические типа самый талантливый — нейтральные» [Панин 1993: 55].

К другим приставкам, увеличивающим степень проявления признака, относят: *сверх-, архи-, пре-* (*ловкий → сверхловкий, серьёзный → архисерiousный, симпатичный → пресимпатичный*).

Кроме этого, в префиксальном способе образования прилагательных используются следующие приставки, приводимые ниже в порядке убывания их продуктивности:

— *не-* (со значением противоположности или отсутствия чего-либо): *небольшой, незначительный, неверный, несчастливый* и т.п.;

— *без-/бес-* (со значением отсутствия чего-либо или противоположности): *безлюдный, бесполезный, бесчеловечный, бестолковый*;

— *полу-* (со значением недостаточной степени проявления признака): *полупрозрачный, полуглухой*;

— *меж-* (с пространственным или интерактивным значением): *межрайонный, межинститутский*;

— *из-* (со значением ненужности): *излишний*;

— *вне-* (со значением внеположенности): *внеаучный*;

— *после-, до-* (с временным значением): *послевоенный, довоенный*;

— *про-* (со значением «в интересах того, что называет производящая основа»): *прозападный*.

Сопоставляя роль префиксов и суффиксов в словообразовании, многие исследователи отмечают важное функциональное отличие именной префиксации от суффиксации. Приставки выполняют «только и исключительно функцию средства перестройки лексического значения слова и один и тот же префикс может, как правило, обслуживать разные части речи, тогда как суффиксы несут на себе и лексическое и грамматическое значения и распределяются между разными частями речи» [Амосова 1956: 32]. Иными словами, префиксы намного активнее реализуют словообразовательную функцию, т.е. «функцию образования нового слова; качественно отличного в смысловом плане от исходного слова (основы)» [Царев 1984: 20], а не словоизменительную, которая более характерна для суффиксальной деривации.

2.3. Префиксальное словообразование в языке-доноре глобализационных процессов

Говоря о традиции изучения префиксации в английском языке, необходимо отметить, что зарубежные исследования по словообразованию конца XIX — первой половины XX столетий были посвящены прежде всего изучению вопросов этимологии и фонетических изменений отдельных префиксов [Koziol 1937]. Примечательно, что термин «префикс» (*prefix*) вообще не использовался в работах по словообразованию, а «способ образования слов при помощи данной морфемы рассматривался как словосложение» [Антоненко 2013: 56]. Ситуация изменилась после выхода в свет работы Г. Марчанда [Marchand 1960], которая представляла собой первый опыт полного и системного описания дериватов современного английского языка, в том числе приставочных. Префиксальный способ словообразования в английском языке продолжает, однако, оставаться на втором плане в работах английских исследователей, отдающих предпочтение

освещению таких способов словообразования как конверсия, словосложение, контаминация и суффиксация.

В отечественной лингвистике изучению вопросов префиксального словообразования в английском языке посвящены труды Т. М. Беляевой, П. М. Каращук, В. И. Заботкиной, А. В. Петроченкова и др. [Беляева 1979; Каращук 1977; Заботкина 1989; Петроченков 2007]. Основные направления изучения связаны с установлением продуктивности префиксов в современном английском языке, обнаружением основных дискурсивных областей их функционирования, а также описанием тех изменений, которые произошли в способе употребления данных элементов по сравнению с изначальными, зафиксированными в различных лексикографических источниках.

Комплексное рассмотрение полисемантики аффиксального словообразования в английском языке представлено в работе Д. С. Матвеевой [Матвеева 2010]. Автор указывает, что префиксация (на материале как именных, так и глагольных производных лексем) реализуется традиционным для английского языка набором префиксов, общее количество которых, начиная с 1963 г. и по 2010 год, составило 127 префиксов и полупрефиксов. Наибольшую продуктивность имеют форманты латинского и английского происхождения, в то время как активность префиксов греческого происхождения незначительна.

К самым продуктивным, по подсчетам автора, относятся форманты латинского происхождения *anti-*, *ex-*, *re-*, а также восходящие к английским предлогам *under-*, *out-*, *over-*, *un-*.

В рамках собственно именной префиксации в качестве наиболее продуктивных выделяются приведённые ниже компоненты.

Префикс *anti-*, реализующий не только значение противоположности, но и противодействия и враждебности по отношению к тому, что названо мотивирующей основой. В качестве мотивирующих основ выступают нарицательные имена существительные, прилагательные (*antibrand* (антибрэнд), *anti-stupidity* (анти-глупость), *anti-matrimony* (ненавистник законного брака), а также имена

собственные: *anti-Blair* (антму-Блэр), *anti-George Bush* (антму-Джордж Буш). К числу инновационных словообразовательных моделей с префиксом *anti-* в современном английском языке относятся: присоединение префикса к аббревиатурам: *anti-EU* (от *Europe Union* — *Европейский Союз*), *anti-PC* (*politically correct* — политическая корректность); к местоимениям: *anti-whomever* (антму-кто-бы-то-ни-был), *anti-my* (антму-мой), *anti-myself* (антму-меня-самого); к числительным: *anti-106*, *anti-24*; и к глаголам: *to anti-promote* (антму-рекламировать) [Авакова 2007: 18–21].

В число новых префиксальных единиц входит ранее квалифицируемый как предлог *by-*, образующий дериваты в коммерческом или техническом дискурсе. Входя в состав производных, приставка *by-* придает существительным значение побочных, сопутствующих продуктов или отходов: *by-effect* (побочный эффект); *by-product* (сопутствующий продукт) и начинает вытеснять префикс *co-* [Матвеева 2010].

Д. В. Филатов к числу продуктивных префиксов и полупрефиксов рубежа двух последних столетий относит:

— *re-*, используемое в значении «переделать что-либо»: *reskilling* (переподготовка); *repost* (размещение у себя на странице запись другого пользователя или сообщества) и др.

— *cyber-*, образующий производные в сфере информационных технологий: *cyberaddiction* (пристрастие к интернету); *cybercafe* (интернет-кафе); *cyber-crime* (преступление, совершенное в интернете; кибер-преступление).

— *eco-*, образующий производные со значением «экологический, натуральный»: *eco-friendly* (экологически чистый, безопасный для окружающей среды); *eco-crazy* - (помешанный на экологически чистом образе жизни) [Филатов 2002]. Заметим, что в качестве префиксов здесь рассматриваются усеченные основы прилагательных *cybernetic*, *ecologic*.

В состав новых префиксов входит и одна первая буква из прилагательного *electronic* (электронный), образующая целый ряд дериватов: *e-book*

(электронная книга), *e-journal* (электронный журнал), *e-working* (электронная работа), *e-commerce* (электронная торговля), *e-cigarette* (электронная сигарета), *e-bike* (электронный велосипед) и пр. [MWD].

Особую востребованность в современном коммерческом и неформальном дискурсе получают префиксы *mega-* и *super-*, значительно меньшую — другие размерно-оценочные префиксальные единицы *ekstra-*, *hyper-*, *ultra-*. Их комплексному рассмотрению в рамках когнитивного подхода посвящена работа З. Хамаванда, выявляющая зависимость лингвокогнитивного вектора развития значения данных префиксов от их прототипического значения в языке происхождения [Hamawand 2011: 21]. Этот же автор указывает на особенность «склеенного» употребления данных префиксов как автономных интеръективных единиц, с целью выражения самой высокой оценки или своего максимального восторга: *super-mega-ultra-hyper!* [Там же: 23].

Значительную часть дериватов — научных обозначений составляют препозитивные компоненты греческого происхождения (*auto-*, *bio-*, *hydro-*, *hyper-*, *micro-*, *poly-* и т. п.), не находящие единообразной морфологической квалификации среди зарубежных и отечественных филологов. Их квалифицируют как префиксы, полупрефиксы, псевдопрефиксы, префиксоиды, префиксальными элементами, а также как компоненты сложных слов. Н.И. Дорохова, Б.М. Тогунов, пытаясь внести ясность в вопрос различения части сложного слова и префиксальных единиц, предлагают основываться на критерии «абстрактивации» его значения. «О превращении слова в префикс можно говорить в том случае, когда, присоединяясь к целому ряду полнозначных слов, оно служит для выражения признака или отношения очень отвлеченного характера» [Дорохова, Тогунов 2010: 101].

Данное умозаключение иллюстрируется на примере локативного предлога *over-* со значением «над, поверх, через», которое в современных производных преимущественно выражает своего рода превосходную степень (*сверх-*) или понятие избыточности, чрезмерности [Там же].

Системное рассмотрение процессов системы префиксации английского языка в диахронно-синхронической перспективе предложено в фундаментальном исследовании М.М. Полюжина, изучающего данный процесс на протяжении пятнадцативековой истории английского языка и использующего исторические данные с целью объяснения современного состояния префиксальной системы. В работе описано обновление префиксального инвентаря, специфика префиксальных значений с момента их первой письменной фиксации по настоящее время, дано диахроническое освещение всех выражаемых префиксами ономаσιологических категорий, а также осмысление лингвокогнитивных векторов, по которым проходило развитие смысловой структуры различных префиксов.

Принципиально важными для нашего исследования выводами, сделанными в работе, является установление факта постоянной изменчивости префиксального английского инвентаря, пополняющегося как за счет собственных языковых ресурсов, так и за счет заимствований. Заимствуемые единицы имеют компенсационный характер, формируя те участки словообразовательной семантики, которые недостаточно представлены на исконной почве. Исходным смысловым ядром, на основе которого развивалась впоследствии префиксальная семантика, служила совокупность локативных значений. «Переход от операции пространственного мирочленения к иным, более отвлеченным, является общей тенденцией в развития семантики разных в этимологическом отношении приставочных единиц английского языка» [Полюжин 1992: 5]. В качестве основных ономаσιологических категорий, обозначаемых с помощью различных приставок, ученый называет: локативность, оценочность, фазовость, социативность, ранговость, каузативность, контражность, отрицание и партитивность. [Там же: 23–37].

Комплексный анализ префиксальных дериватов в рамках «неологического бума», наблюдающегося с конца XX столетия в английском языке, представлен в работе В.И. Заботкиной «Новая лексика современного английского языка»

[Заботкина 1989]. Ученый указывает, что «никогда еще в истории английского языка число аффиксов и их дистрибуция не были настолько богаты и разнообразны, как в настоящий период» [Там же: 102]. Несмотря на то, что количество префиксов и полупрефиксов превышает количество суффиксов и полусуффиксов, префиксальные новообразования в современном английском языке менее многочисленны, нежели суффиксальные или полусуффиксальные. Всего, начиная с 1963 г., в образовании префиксальных производных приняло участие 127 префиксов и полупрефиксов, среди которых преобладают единицы латинского происхождения и значительно реже греческого происхождения. К самым активным префиксам в словообразовании рубежа столетий были отнесены *anti-*, *co-*, *de-*, *non-*, *post-*, *pre-*, *ne-*, *sub-*, *in-*, однако они уступают в продуктивности полупрефиксам, таким, как, например: *bio-*, *micro-*, *euro-*, *tele-* и т.п.

В работе также подчеркивается рост популярности в американском неформальном общении префикса *mega-*, используемого как «усилительной частицы» с целью создания различных производных со значением высочайшей степени позитивной оценки. Отмечаются изменения, происходящие в значениях словообразовательных элементов *anti-*, *super-*, *counter-*. К исходному значению *anti-* «противодействие» прибавилось новое — «относящийся к гипотетическому миру», «состоящий из антивещества»: *anti-man*, *anti-world*, нашедший широкое употребления в литературоведческом дискурсе: *anti-hero*, *anti-novel*, *anti-art* [Там же: 113].

Подводя итог комплексному исследованию аффиксальных процессов в английском языке конца XX столетия, В.И. Заботкина отмечает, что «современное состояние аффиксальной системы характеризуется появлением совершенно новых аффиксов и полуаффиксов, новых значений аффиксов и вариантов (оттенков) значений, новых моделей и ограничений на их употребление. В целом для деривации на новейшем этапе развития языка характерно наращивание семантического потенциала при большом семантическом и структурном

разнообразии производящих основ. Отмечается прагматическая дифференциация аффиксов по различным сферам употребления» [Там же: 111–112].

ВЫВОДЫ

Рассмотрение основных теоретических вопросов, относящихся к теме нашей диссертационной работы, позволяет представить в обобщенном виде ряд основных положений, которые составляют теоретико-методологическую основу анализа особенностей функционирования препозитивных компонентов иноязычного происхождения в современном русском языке:

— Основной, элементарной единицей словообразовательного анализа является производное слово. Различные способы структурирования производных слов находят свое выражение в единицах комплексного характера, к которым относятся: словообразовательная пара, словообразовательная цепь, словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо. Специфика механизма образования производных слов, а также способов их группировки предопределила изучение словообразовательных процессов в рамках ономаσιологического, семасиологического, синтаксического и когнитивного направлений.

— Проблема разграничения синхронного и диахронного подходов к изучению словообразовательных явлений получила в настоящее время свое окончательное разрешение в форме объединения двух хронологических подходов. Декларирование необходимости использования синхронно-диахронического подхода в словообразовании обусловлено не только аргументами логического свойства о непрерывности языкового развития, но и современным состоянием словообразовательной системы как совокупности протекающих в актуальное время непрерывных динамических процессов.

— В рамках общих тенденций развития языка в современную эпоху, находящихся свое непосредственное отражение в словообразовательной системе, в качестве основной выделяется тенденция англоглобализации. В ее русле осуществляются также процессы демократизации и экспрессивизации языка.

Выполнение американским вариантом английского языка роли посредника в трансляции форм и смыслов, заложенных в словообразовательных формантах и моделях, обуславливает необходимость изучения их характеристик в английском языке как лингвокогнитивном доноре перемен в синхронно-диахронической перспективе.

— В качестве ключевых словообразовательных моделей, заимствуемых русским языком, выделяются композитное сложение и именное префиксальное образование. Ведущая роль в формировании префиксальных неодериватов принадлежит препозитивным компонентом иноязычного (греко-латинского и английского происхождения). Выполнение данными формантами целого спектра функций предопределяет в качестве ведущего метода их анализа комплексное описание на морфологической, лингвокогнитивной, лингвопрагматической и лингвокультурологической основе.

— Изучение препозитивных компонентов в отечественной лингвистике осуществляется в двух основных направлениях: 1) анализ отдельных префиксальных единиц в составе неодериватов; 2) изучение выполнения определённых семантических, прагматических и лингвокультурных функций целым рядом компонентов. В рамках второго направления создаётся возможность выявления характера воздействия препозитивных компонентов на лингвокультурную картину принимающего языка и национальное языковое сознание.

— Префиксальный способ словообразования в русском языке характерен для глагольной системы, в рамках которой префиксы выполняют собственно словообразовательную (семантическую) и грамматическую (видообразующую) функции. Для образования других частей речи приставочный способ не является продуктивным. Внедрение префиксальных именных моделей и их стремительная активизация в современном русском языке являются следствием влияния способов словообразования, характерных для английского языка как языка аналитического, изолирующего типа.

— Активизация в современном русском языке структурно чуждых способов словообразования приводит к изменениям типологического характера. В результате возникают теоретические проблемы как частного характера (например, установление морфологического статуса заимствованных единиц), так и проблемы общего характера: определение воздействия иноструктурного языка на систему словообразования русского языка.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕПОЗИТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОСТАВЕ ИМЕННЫХ ДЕРИВАТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Препозитивные компоненты *супер-*, *мега-*, *экстра-*

1.1. Препозитивный компонент *супер-*

Согласно этимологическим данным, *super* представляет собой префикс со значением «над», ведущий свое происхождение от латинского предлога *super*. В языке-первоисточнике предлог образуется на основе сравнительной степени формы *sup* (*sub*) от прилагательного *superus* («верхний»): «*super*, prefix, above. (L.) Lat. *super*, prep.; orig. a comparative form of *sup**, orig. form of *sub*; see *Sub*. Orig. A locative case of *superus*, adj., upper» [ED: 600].

В Оксфордском словаре латинского языка *super* квалифицируется как предлог и как наречие, употребляющиеся в прямом и переносном значениях. Прямое значение связано с указанием на расположение какого-либо объекта «над, выше чего-либо, выше обычного вертикального уровня, на вершине чего-либо» или «за пределами, дальше от центра, от какой-либо точки отсчета»: «to or in a position higher than; above the normal vertical level of; on top of», «further from the coast, from a centre, etc., than, beyond» [OLD: 1872–1873]. Для переносного употребления характерна семантика превышения некоторого количества или дополнительности: «to a greater degree, more than, above all, more than anything», «in addition to, besides» [Там же].

В словарях английского языка начала XX столетия *super-* определяется как префикс со значением «сверх, свыше, кроме»: «*super-* pref-, over, beyond. [COED 1912: 776]. Основные производные относятся к области научной терминологии: это прилагательные, характеризующие признак объекта как «находящегося вне, за пределами чего-либо» (*superficial*, *superlunary* «поверхностный, надлунный»), существительные со значением «превышающий норму»

(*superconductivity, supersound* и др.), которые в русском языке получили калькированное соответствие в форме исконного префикса *сверх-* + производящая основа: *сверхпроводимость, сверхзвуковой*.

Значение превышения существующей нормы предопределило переход к прагматической оценке обозначаемого. Примечательно, что сема «излишний, нежелательный» в русских словообразованиях чаще всего получала форму приставки *пере-*, в значении действия в объёме *сверх* необходимого или нормативного: *superheat* («перегревать», «перегрев»). Как известно, «категории количества и качества диалектически связаны друг с другом, поскольку количество есть определенность лишь однокачественных предметов <...>. Кроме того, тесная связь качества и количества проявляется и в диалектике категорий: а) не может быть количества без качественного признака, степенью которого и выступает количество; б) достигая определенного предела, количественные изменения переходят в качественные» [Ершова, Кузминова 2017: 3].

В целом, до начала 80-х годов XX столетия основной функцией префикса *super* является номинация различных явлений или должностей в англоязычном терминологическом или профессиональном дискурсе. Впоследствии данная модель утрачивает свою продуктивность и префикс начинает использоваться уже как маркер исключительно высокой положительной оценки. Соответственно меняется и область функционирования производных, реализуемых в плоскости коммерческого и развлекательного дискурса, а также неформального общения. Отдельные дериваты становятся устойчивыми номинациями, образующими «лицо» англо-американской культуры: *superman, superstar, superagent* (*супермен, суперзвезда, суперагент*).

Приобретение префиксом функции оценочного интенсификатора приводит к росту его словообразовательной продуктивности. Если Оксфордский словарь 1912 г. издания фиксирует всего 98 лексических единиц с префиксом *super-*, большая часть которых является заимствованиями из латинского языка [COED 1912], то этот же словарь 1972 г. издания содержит уже 153 производные

единицы с данным префиксом [COED 1972]. Еще более очевидным представляется количественный рост в новейших электронных словарях, например, словарь Уэбстера, включает в свой состав уже 713 единиц [MWD].

Согласно данным Корпуса исторического американского английского языка [COHA] частотность употребления слов с префиксом *super-* в 1910-1950-е гг. составила 430 единиц, а в 1960-2010-е гг. — 4 398 единиц, причём скачок и стремительный рост наблюдаются с 1970-х гг., то есть, с того периода времени, когда префикс начинает свободным образом присоединяться к различным определяемым как прагматический маркер. Статистические данные представлены в таблицах на рис. 3.:

SECTION	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900
FREQ	1	8	10	35	17	8	12	11	31

SECTION	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010
FREQ	22	53	56	141	131	165	465	460	913	964	1431

Рис. 3. Распределение по годам употребления препозитивного компонента *super-* в английском языке по данным Корпуса исторического американского английского языка, где SECTION — десятилетие, FREQ — частотность, т.е. зафиксированное количество словоформ от общего количества словоформ в основном корпусе с 1820-х гг. по 2010-е гг. [COHA].

Популяризации префикса *super-* как средства высочайшей положительной оценки во многом способствовала та роль, которую играли в лингвокультурной картине мира американцев ключевые слова, ставшие иконами массовой культуры: *superman*, *superstar*, *superhero*. Это было связано с выходом в свет в 1939 году комикса «Супермен» и его многочисленных экранизаций, а также фильмов с суперагентом Джеймсом Бондом (James Bond), снятых по мотивам романов британского писателя Яна Флеминга.

Словообразовательная модель «*super-* + наименование лица» утрачивает свою идентификационную роль взамен роли оценочной, в значительной степени маркирующей систему ценностей общества потребления. В рамках разговорной речи *super* относится к самым различным объектам (*super meal, super cook, super movies, super girl, super film, super idea*) и т. п. В отличие от сложных слов *superman, superstar* и др., *super* уже пишется отдельно от определяемого слова. Это дает основание для квалификации *super* не как морфемы, а как самостоятельной части речи. Все новейшие словари определяют *super* как прилагательное или наречие со значением «очень хороший, превосходный»:

«*super* adjective 1. informal «very good or pleasant; excellent»: *Julie was a super girl.* 2. «(of a manufactured product) very good; superfine»: *a super quality binder*»; «*super* «especially; particularly»: *Pe's been super understanding*» [OD].

Последней стадией эволюции компонента становится его полная прагматизация, переход в «сугубо прагматическую единицу, выражающую различные реакции говорящего на окружающую действительность», или, в «междометную прагматему» [Graf 2011: 296–297]. В современных словарях английского языка *super* квалифицируется как «эмоциональное восклицание, выражающее одобрение или согласие», используемое в неформальном общении:

«*super*, exclamation, informal ‘an enthusiastic expression of approval or assent’» [CFOD].

Таким образом, в прилагательных и наречиях идентификационная семантика локативной направленности оказывается полностью вытесненной положительной прагматической оценочностью. Данный лингвокогнитивный вектор оценки вполне вписывается в концепцию ориентационных метафор Д. Лакоффа, М. Джонсона: «UP is good, DOWN is bad» (ВЕРХ — хорошо, НИЗ — плохо) [Лакофф 2004: 35–46]. Позитивная оценочность обуславливает активное использование *super* как эффективного средства воздействия в коммерческом дискурсе. Метафоризация со знаком «плюс» «порождает семантическую емкость высказывания, формирует закладываемый автором значительный

перлокутивный (воздейственный) эффект в восприятии читательской аудитории» [Радбиль, Рацибурская, Ясаи, Палоши 2022: 150].

Первые примеры употребления слов с компонентом *супер-* в русском языке относятся к XVIII–XIX вв. и представляют собой прямые заимствования типа *суперинтендант* или *суперкарго*: «Таковы суть учиненные господином Суперинтендентом Шредеромъ въ Бушштедъ опыты морозными отводами надъ его цвѣтниками, по наступившимъ въ Мартъ мѣсяцъ холоднымъ утренникамъ» (1795 г.); «Нас посетил Абадиа, суперкарго, прочие назначенные не приехали» (1818 г.) [НКРЯ]. Однако такие примеры единичны и свидетельствуют о еще не сформировавшейся технике калькирования иноязычных терминологических единиц. Впоследствии заимствованные терминологические единицы типа *superprofit*, *superconductivity*, преимущественно переводились с помощью исконной русской приставки *сверх-* и перевода соответствующей производной основы: *сверхприбыль* (1922 г.), *сверхпроводимость* (1952 г.) [НКРЯ].

Примерно во второй половине XX в. *супер-* начинает употребляться в составе различных словообразований, вытесняя исконную приставку *сверх-*, например: *суперобложка* (1958 г.), *супермашина* (1958 г.), *супербомба* (1959 г.), *суперускоритель* (1961 г.), *суперлуч* (1967) [НКРЯ] и др. Резкое увеличение и дальнейший рост деривационной активности *супер-*, согласно данным НКРЯ, фиксируется с 1980-х годов. Неологические словари русского языка подтверждают корпусные данные: так, если в издании «Новые слова и значения» 1960-х гг. зафиксировано всего 12 лексем с компонентом *супер-* [НСЗ 60], в издании 1970-х гг. — 17 лексем [НСЗ 70], то издание, посвящённое 1980-м гг. включает в свой состав уже 55 лексических единиц с *супер-* [НСЗ 80]. В этом же словаре, включающем неологические единицы, возникшие в 90-х гг., представлено 52 новых слова [НСЗ 90-3]. Таким образом, частотность употребления *супер-*, начиная с 1980, возросла более чем в два раза.

Основной областью функционирования дериватов становятся коммерческий и рекламный дискурс, а также разговорная речь. Компонент *супер-*

присоединяется к существительным, прилагательным, реже к наречиям и демонстрирует практически абсолютную тенденцию к положительной оценке, причём с каждым десятилетием, начиная с 1980-х, количество дериватов неуклонно растёт: *суперфильм* (1967 г.), *суперкрем* (1969 г.), *суперробот* (1988 г.), *суперчемпион* (2000 г.) *суперлюбовник* (2004 г.), *супермагазин* (2004 г.), *суперженщина* (2008 г.) *суперпостановка* (2015 г.), *суперконкурс* (2018 г.); *супермодный* (1982 г.) *суперсовременный* (1982 г.), *суперинтересный* (1987), *суперэротичный* (1993 г.), *суперкассовый* (1995 г.), *супернадёжный* (2000 г.), *супердоходový* (2006 г.), *суперпрофессиональный* (2011 г.), *суперэффективный* (2017 г.); *супернадёжно* (1992), *супердисциплинированно* (1999 г.), *суперпрофессионально* (2000 г.), *супермужественно* (2008 г.), *супердобросовестно* (2011 г.) [НКРЯ] и т.д. Рост словообразовательной продуктивности компонента представлен на графике (рис. 4):

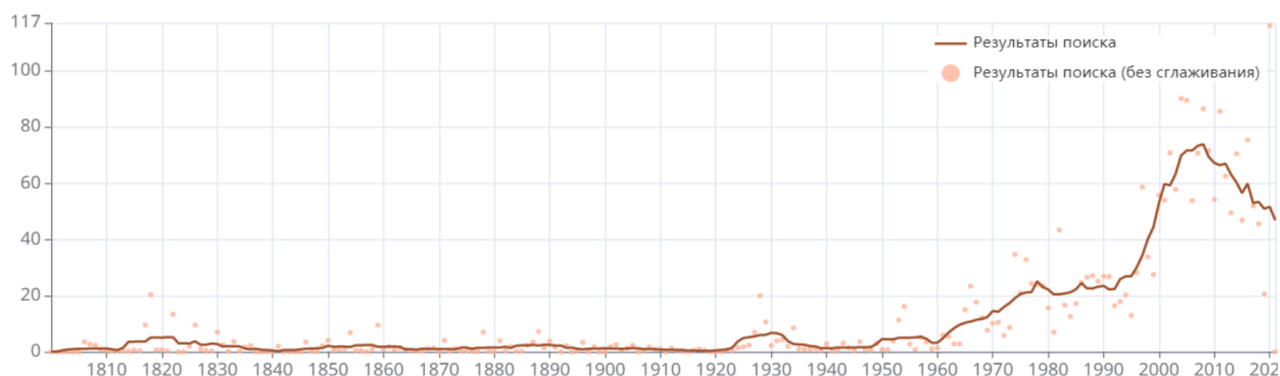

Рис. 4. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1800 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *супер-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Согласно корпусным данным, в качестве префикса *супер-* чаще всего присоединяется к существительным — 77 %, значительно реже к прилагательным — 22 %. Префикс практически никогда не присоединяется к наречиям — по данным корпуса, их число составило менее 1 % от общего числа дериватов (8 318 единиц). Как видим, практически во всех зафиксированных в НКРЯ дериватах *супер-* используется в качестве прагматического маркера высочайшей степени положительной оценки качества: *суперфильм*, *суперкрем*, *суперлюбовник*,

супермодный, суперсовременный, суперэротичный, суперкассовый, супердоходный, суперпрофессиональный и др. Даже поверхностный взгляд на семантику присоединяющихся основ способен продемонстрировать, что положительной оценке чаще всего подвергаются объекты массовой культуры, торговли, финансовые доходы, то есть те, которые составляют основы современного общества потребления.

Случаи, в которых *супер-* может использоваться как маркер негативной оценки, единичны, и имеют место только «в сочетании с определенной мотивирующей основой и в определенном контексте. 80 % сидят дома, но это те самые суперразносчики инфекции» (1-й канал. 02.03.2020); ...суперсоветы дня от нескончаемых коучей (Sunmag.me. 25.06.2019)» [Коряковцева, Рацибурская, Сандакова 2021: 14].

Сам факт реализации негативной оценки исключительно в условиях определенного контекста является доказательством специализации префикса на выражении позитивной оценки. «Закрепленность за компонентом *super-* позитивной оценки, берущая начало в английском языке, превращает его в своего рода препозитивный «аттрактор», на который возлагается функция привлечения потенциального потребителя, строящего свое восприятие на основе англо-американских лингвокультурных стандартов» [Шкапенко, Шаповаленко 2020: 169]. Заимствованная словообразовательная модель активным образом используется в коммерческом и рекламном дискурсе, в названиях различных заведений или в рекламных слоганах. При этом существуют различные варианты написания и графического оформления изобретенных слов, например: «*СуперПицца плюс*», «*Супер-Суши*», «*Супер Цветы*», «*Super.podarki*», «*Супер Вкусно!*» [cataloxy.ru] и др. Кириллица смешивается с латиницей, компонент пишется слитно, раздельно или через дефис, однако всегда с заглавной буквы.

Особого внимания заслуживает употребление *супер* в развлекательном медиадискурсе, в многочисленных конкурсах и шоу, где в качестве объекта позитивного оценивания выступает уже сам человек, что предполагает

использование форманта в автономной предикативной позиции: *Ты — супер!*. Данное выражение входит в состав так называемых мотивационных слов, транслируемых из англо-американской системы и отражающих систему ценностей общества, основанного на принципах индивидуалистической конкуренции. Характеристика *ты супер!*, вместе с англосемантизмом *круто*; *Ты крутой!* [см. подробнее Гильманов 2019] и калькой с английского *Ты лучший!* становятся настолько широко употребительными, что приближаются к междометным репликам, со свойственным им стертой семантикой и эксплицитной прагматикой.

Заключительным этапом прагматической эволюции компонента *супер* становится его употребление «в функции оценочного слова-предиката, позволяющего выразить состояние, в котором происходит когнитивная интеграция ментального пространства положительной оценки с коммуникативными функциями радости, одобрения, согласия, похвалы или комплимента» [Шаповаленко, Шкапенко 2020: 172]:

- «*Я принес пиццу. — Супер!*»;
- «*Всё работает, на всё можно посмотреть в действии! Супер!*»;
- «*О, тетрис! Супер! Фонарик с тремя режимами!*»;
- «*Супер! А как заманчиво выглядит!*» [НКРЯ].

Примечательно, что *супер!* в качестве высокой оценки или похвалы становится не только приметой речи в неформальном общении, но и естественным, высокочастотным речевым актом в устах учителей и родителей. В сущности, американское заимствование в русском языке становится еще более употребительным, с его помощью выражается все большее количество речевых интенций: высокой оценки, радости, одобрения, согласия, комплимента и т.п. Например:

- «*Как тебе мое новое платье? — Супер!*» [kgmart.ru 2020];
- «*Мы были на концерте! — Супер! Завидую!*» [facebook.com 2020];
- «*Решила быстрее всех за 10 минут? Супер! Ты гений!*» [dzen.ru 2022].

Необходимо отметить, что, адаптируясь к условиям принимающего языка, *супер-* в неформальном дискурсе образует существительное и прилагательное, приобретая функции корневой морфемы. Например:

— «Сходил. Фильм ржачный и вообще суперский. Хорошо сыграли актёры» [НКРЯ 2009];

— «Как ни хотелось немцев в финал — увы! Но матч все равно суперский был» [Там же, 2006];

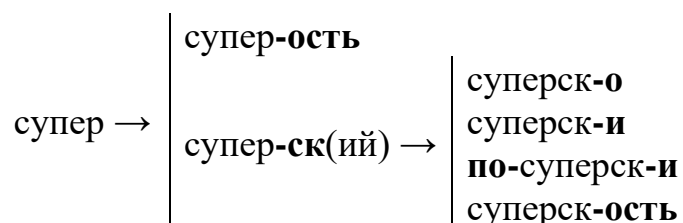
— «Итак, магнитола с претензией на элитарность и суперскость. По факту обычная малазийская агрегатина, которая не строит 23 000 рублей» [syclub.ru 2013];

— «Долго искали и нашли чуть ли не в Роскосмосе)))) Что за материя и в чем её суперскость, так и не выяснили, секрет фирмы!» [homedistiller.ru 2019];

— «Началось с бумаг и долгих рассказов о суперости банка, попыток впарить кредитку, завлечь в паутину пенсионного накопления, но...!» [banki.ru 2017];

— «В общем водяная баня получилась. Очень суперски вышло. Но Кир не стал есть, самой пришлось» [НКРЯ 2017].

Более того, от образованных суффиксальных дериватов начинают возникать собственные производные, в результате чего *супер* становится вершиной словообразовательного гнезда:

Областью возникновения и функционирования вышеуказанных производных является неформальный, в первую очередь, молодежный дискурс. Активное использование молодежью деривационных моделей, присущих русскому языку, свидетельствует о том дискомфорте, который вызывает использование

английского заимствования в рамках принимающего флективного языка. Включение *супер* в качестве корневой морфемы в традиционные деривационные схемы способствует его ассимиляции на почве русского языка. Кроме того, образование двух существительных (*суперость*, *суперскость*) со значением отвлеченного признака является свидетельством лингвокультурной значимости, которую обозначение «высшей степени качества», а также «интенсивной экспрессивной оценки» получило в языковом сознании молодежи.

Переход из препозитивного компонента, вычлняемого из состава производного слова, в позицию корневой морфемы, как и вышеупомянутое функционирование *супер*- в качестве самостоятельной лексемы, усложняет задачу установления актуального морфологического статуса данного компонента в русском языке. В различных лексикографических источниках он квалифицируется: как префикс [ССА: 229–230], как первая часть сложных слов [БСЭ; БТСРЯ], а также префиксоид [АРЯ: 232–233]. В работах ученых-дериватологов компонент получает квалификацию в качестве префикса [Земская 2004: 90; Рацибурская 2014: 171], а также в качестве префиксоида. Е.А. Левашов предлагает относить «такие компоненты (*интер...*, *суб...*, *супер...*, *экс...* и др.)» [Левашов 2009: 6] к префиксоидам, основываясь на сформулированных им особенностях подобных компонентов переходного типа. Среди прочих признаков, исследователь отмечает, что аффиксоиды «не существуют в языке в качестве самостоятельных слов (их основ), как и аффиксы. Поэтому не вносится в словарь такой, например, компонент сложных слов, как цельное слово *кино...*, но вносится другое *кино...* (< греч. *kuōn*, род. *kuōnos* — собака)...» [Там же: 4–5].

Однако, как мы отмечали выше, компонент *супер*- уже выполняет в русском языке функции корневой морфемы, поэтому отнесение его к классу аффиксоидов, являющихся по определению морфемами, может вызывать некоторые сомнения. В определенной степени они снимаются истолкованием диффузного характера -оидных формантов, предложенным А.Н. Тихоновым: «Термином аффиксоид <...> обозначаются такие словообразовательные части слов,

которые занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами. Аффиксоиды — это морфемы переходного типа. Они аффиксоподобны, но не тождественны ни аффиксам, ни корням» [Тихонов 2014: 24].

Стадия переходности компонента *супер-* в корень в неформальных новообразованиях фиксируется в настоящее время, однако можно предположить, что компонент будет способен и далее функционировать одновременно как префиксальный, находясь в препозиции к производной основе, и как корневой, будучи в составе аффиксальных дериватов типа *суперский*, *суперость* и т.п. В этом случае разрешить вопрос о морфологическом статусе *супер-*, на наш взгляд, можно с помощью дифференциации моделей, лежащих в основе конкретных словообразований и словообразовательных типов. В производных, образованных по английским деривационным моделям, *супер-* следует квалифицировать как префикс при условии его слитного написания с определяемым (*супермодель*, *суперхит* и т.п.), либо как аналитическое прилагательное при раздельном написании (*супер тачка*, *супер прикид* и т.п.). В суффиксальных производных, построенных по деривационным моделям русской словообразовательной системы (*суперский*, *суперовость* и т.п.), существуют все основания, чтобы характеризовать его как корневую морфему.

Вопрос о статусе *супер-* в условиях дефисного написания (*супер-суши*, *супер-профессионал*) является особенно сложным. С одной стороны, можно воспользоваться идеями Н.А. Николиной, Е.И. Головановой, описывающих данные образования, как сложносоставные слова с неизменяемым первым компонентом [Николина 2013: 171–173] или композиты без соединительной гласной [Голованова 2001: 73–75]. С другой стороны, использование критерия написания, тем более в условиях интернета, в котором каждый пишущий изобретает свою собственную версию, в качестве основания для выделения *супер-* как части сложного слова или композита, также представляется сомнительным. Вероятно, компромиссным решением в данном случае может служить использование термина префиксоид или радикасоид.

1.2. Препозитивный компонент *mega-*

Компонент *mega-* был заимствован европейскими языками из древнегреческого языка, в котором функционировал в качестве прилагательного *μέγας*, восходящее к индоевропейскому корню **meg-* «большой» [OED]. Различные словари фиксируют и другие значения слова *μέγας*: «высокий», «широкий», «сильный, мощный»: «ἄνεμος» (*ветер*); «громкий (о звуках)»: «ἰαχὴ» (*крик*) [ДРС: 1060]; «with a bad sense, over-great» (излишне большой, в негативном смысле слова); «impressive» (впечатляющий) [GEL]. Как видим, уже в древнегреческом языке размерная семантика переходит в оценочную со знаком «плюс» или «минус».

В английском языке древнегреческое прилагательное *mega* подвергается морфемизации, становясь частью терминообозначений: *megaphone* «instrument for carrying sound a long distance» (мегафон), *megacephalic* «large-headed» (мегацефалический) и т.п. [COED 1912: 509].

С появлением в конце XVIII столетия метрической системы *mega-* начинает использоваться как единица измерения, эквивалентная миллиону вольт.

Megavolt: «unit of measure equivalent to one million volts, 1868, from *mega-* "one million" + *volt*», *megawatt* (1885 г.), *megacycle* (1928 г.), *megahertz* (1941 г.) [OED].

В 1960 г. префикс *mega* вошел в группу «десятичных приставок», так называемых «семантических множителей», используемых с целью сокращения количества нулей [Resolution 1960: 87]. Использование греческих или латинских лексических единиц как терминологических элементов обусловлено их «структурно-семантическими свойствами (монореферентность, внеположенность экспрессии, широкая конституентная валентность), позволяющими создать языковой знак, максимально приближенный к „идеальному термину“» [Мышак 2018: 6]. Другие терминологические элементы этого типа восходят непосредственно к латинским или древнегреческим числительным и образуются путём усечения (*dec(a)-*, *de-* (от лат.

decem «десять» или греч. *deka* «десять»), *cente-* (от лат. *centum* «сто»), *mille-* (от лат. *mille* «тысяча») и др. [Chrisomalis 2010].

Модель словообразовательного значения производных данного типа может быть описана следующим образом: «дискретная числовая величина 10^6 » + производящая основа с числовым значением, что дает в результате производное модификационного типа со значением «дискретная числовая величина 10^6X ».

В условиях нетерминологического употребления *mega-* точное числовое значение уступает место семантике неопределенно большого количества с аналогичным словообразовательным значением: «недискретная физическая величина со значением большого количества или размера» + производящая основа со значением материального объекта». В качестве мотивирующей основы в дериватах данного типа выступают существительные, обозначающие различные физические объекты: *megastore* «очень большой склад, магазин», *megapolis* «очень большой город, мегаполис» и др. [MWD]. Примечательно, что присоединение *mega-* не всегда идентифицирует объекты большого размера, выполняя во многих случаях лишь функцию прагматического аттрактора, повышающего статус объекта. *Мегамаркет* или *мегацерковь* (*megamarket*, *megachurch*) вовсе не обязательно имеют большой размер. Достаточно регулярно в основе семантики данных производных лежит лингвокогнитивный процесс, сущность которого наиболее точно может быть описана в рамках концепции деривационного профилирования, разработанной когнитологом Р. Лангакером [Langacker 1987] и примененной к области изучения словообразовательного значения Ф. Леманном [Lehmann 1999] и К. Гутшмидтом [Gutschmidt 2003: 67]. Согласно данной концепции в дериватах типа *megadeal* (мегасделка) или *megachurch* (мегацерковь) на общем семантическом фоне выделяются определенные фигуры. Так, в случае *megadeal* (мегасделка) профилируется «инструментив акциональной ситуации» (деньги), в случае *megachurch* (мегацерковь) — профилируется «пациентив акциональной ситуации» — прихожане. Словообразовательное значение производных данного типа может быть представлено в виде формулы: *mega-*

«недискретная величина со значением большого количества» + «метафорический/метонимический компонент значения производящей основы».

В дериватах данного типа еще наблюдается симбиоз количественно-квалификативной семантики, полностью уступающий место оценочности в производных, мотивирующие основы которых лишены реальных параметрических характеристик, например: *megahit*, *megastar* (мегахит, мегазвезда). В них профилирующими компонентами выступают «популярность, успех, известность». Переход количественной оценки в качественную, семантики в прагматику, может быть признан универсальным преобразованием плана содержания языкового знака. Категории количества и качества «универсальны, присутствуют во всех языках и культурах. По своей природе — эгоцентричны и этносоциопрагматичны, эвристически значимы, ибо основаны на количественной и качественной оценочной деятельности говорящего субъекта, его общих и причинном знаниях о мире человека и мире природы» [Малинович 2013: 228].

Данные характеристики в полной мере отражены в словарных дефинициях *mega*, в которых он характеризуется как часть, присоединяемую к существительным и прилагательным, чтобы подчеркнуть размер, качество или важность чего-либо:

«*mega-* combines with nouns and adjectives in order to emphasize the size, quality, or importance of something» [CD].

Несмотря на прагматизацию компонента *mega-*, следует признать, что он сохраняет семантическую память об изначальном значении «большой величины», что отражается на способе восприятия качества успеха в двух ключевых словах американской развлекательной индустрии *superstar* / *megastar*. К данному выводу мы пришли в результате анкетирования американских респондентов, в котором приняло участие 30 человек. Опрашиваемым было предложено выбрать из трех пар дериватов (*superpopular* / *megapopular*, *superstar* / *megastar*, *super rich* / *mega rich*) тот член, который маркирует, по их мнению, более высокую степень популярности, богатства или «звездности». Все без исключения

опрошенные указали на дериват с префиксом *mega-*, как обозначающий более высокую степень проявления признака. Семантика «верха», свойственная первоначальному смыслу *super-*, обуславливает его преимущественное использование как маркера эмоциональной оценки, в то время как пространственная семантика *mega-* становится когнитивным основанием для оценивания по профилируемому признаку большой величины и масштабности.

К похожим выводам приходит З. Хамаванд, основываясь на корпусном исследовании английских дериватов с «градуальными» префиксами *super* и *mega*. Первый из них тяготеет к основам, связанным с качественной оценкой: *achievement, success* (достижение, успех), второй — к основам, обладающим количественной семантикой: *money, wealth* (деньги, богатство) [Hamawand 2011: 21].

В коммерческом, рекламном и развлекательном дискурсе компонент *mega-* выполняет функцию выделения объекта из ряда однотипных, как носителя самой высокой степени проявления качества, что превращает его в «продающий префикс», нацеленный на формирование у целевой аудитории желаемого восприятия.

Данные из Корпуса исторического американского английского языка подтверждают факт значительного увеличения частотности употребления префиксальных дериватов с *mega-*. Начиная с 1980-х гг., фиксируется почти четырёхкратный скачок (рис. 5):

SECTION	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010
FREQ	92	113	134	74	178	281	204	860	853	1281	1561

Рис. 5. Распределение по годам употребления препозитивного компонента *mega-* в английском языке по данным Корпуса исторического американского английского языка, где SECTION — десятилетие, FREQ — частотность, т.е. зафиксированное количество словоформ от общего количества словоформ в основном корпусе с 1910-х гг. по 2010-е гг. [COHA].

В русском языке, по данным НКРЯ, *мега-* впервые фиксируется в середине XVIII в. в составе заимствованного греческого топонима *Мегаполь* («... на Дунае, где ныне Браилов построен, и тако проименован от болгар; греки, преведши, оное имя Мегаполь именовали» [НКРЯ 1750]), а в качестве словообразовательного компонента впервые встречается в XIX столетии в заимствованном из греческого языка термине *мегатерион*, обозначающим гигантское животное («Известно, что до потопа все, что существовало на свете, было вдвое, втрое, вдесятеро огромнее нынешнего; на земле водились животные, именно мегатерионы, которых одно ребро было толще и длиннее мачты, что на нашем судне» [Там же, 1833]). Позднее русский язык заимствует и другие слова с компонентом *мега-*, имеющие характер терминообозначений: *мегафон* (1925 г.), *мегаэнцефалия* (1926 г.), *мегагерц* (1956 г.), *мегатонна* (1989 г.) [Там же] и т.п.

Толковые словари современного русского языка классифицируют *мега-* как формант греческого происхождения, выполняющий те же функции, что реализуются в английском языке на начальном этапе развития компонента:

«*мега-* I. Начальная часть сложных слов, вносящая значение: в метрической системе мер – миллион или в миллион раз больше. II. Начальная часть сложных слов, вносящая значение: имеющий огромные размеры» [НСРЯ].

Первое из значений реализуется в терминологических обозначениях типа «*мегаампер, мегабайт, мегаватт, мегавольт, мегагаусс, мегаджоуль, мегакалория, мегакулон, мегапарсек, мегагерц*» [БТСРЯ], второе — в дериватах типа «*мегалит, мегамир, мегаполис, мегасмертность, мегаспоры, мегаструктура*» [Там же]. Составители словарей избегают точной морфологической квалификации форманта и определяют его исключительно как «первая / начальная часть сложных слов» [НСРЯ; БТСРЯ; СИСРЯ: 406].

Вхождение России в конце XX века в мировое лингвокультурное пространство в значительной степени усилило влияние англо-американского языка с его стремлением к прагматико-оценочным наименованиям. В современном русском языке своеобразной моделью для образования стремительно

увеличивающейся группы производных с префиксом *мега-* стали лексические заимствования из английского языка типа *megastar*, *megaproject*, *megahit* и их кальки — *мегазвезда*, *мегапроект*, *мегахит*.

Это предположение подтверждается данными неологических словарей, в материалах которых за 60–80-е гг. XX в. зафиксировано всего 7 единиц, представляющих терминологические обозначения типа *мегатонна*, *мегамир* (космологический термин) [НСЗ 60: 270–271; НСЗ 70: 352–353; НСЗ 80: 443], в то время как более поздние словари по материалам 90-х гг. фиксируют уже 25 единиц, среди которых преобладают слова, не являющиеся терминами и в которых *мега-* уже выполняет функции оценки значения, содержащегося в семантике присоединяемой основы: *мегазвезда*, *мегапроект*, *мегахит*, *мегахитовый*, *мегапопулярный* и т.п. [НСЗ 90-2: 676–685]. Как можно заметить, эта оценка всегда является положительной и чаще всего маркирует реалии, относящиеся к массовой культуре, современной экономике, бизнесу или формам его ведения.

НКРЯ также подтверждает рост словообразовательной продуктивности компонента *мега-* в 90-х гг. XX столетия (рис. 6):

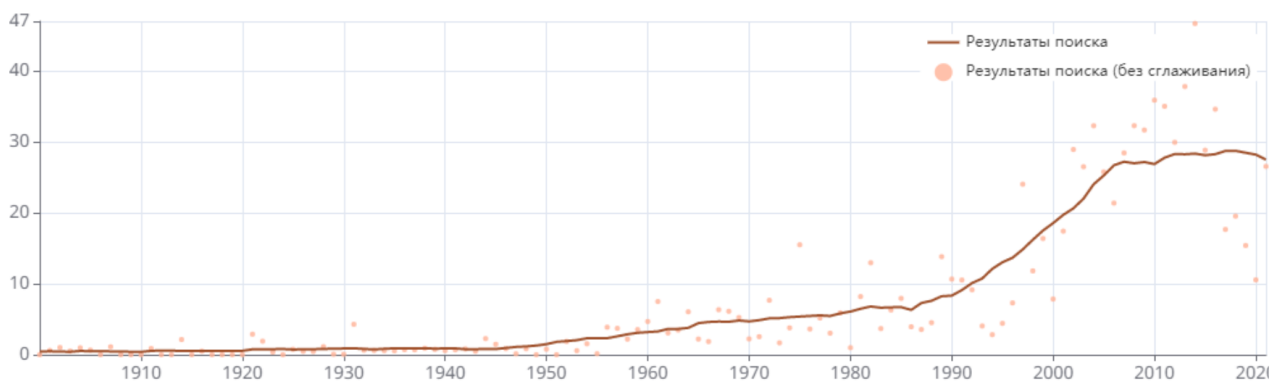

Рис. 6. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *мега-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Согласно корпусным данным, в качестве префикса *мега-* чаще всего присоединяется к существительным — 57 % и несколько реже к прилагательным — 43 % от общего числа дериватов (6 339 единиц).

Компонент *мега*- становится привычным маркером, используемым в препозиции к каким-либо наименованиям в коммерческом и рекламном дискурсе. Названия *мега маркет*, *мега холдинг*, *мега центр* стали уже привычными для торговых заведений во всех российских городах. Как и в случае с супер, он входит в состав различных эргонимов, не имея унифицированного написания: «*МегаАвтоЦентр*», «*Мегастройсервис*», «*Мегамастер*», «*Мега Двери*», «*Мегаопт*», «*МегаПростор*», «*МЕГА МОЛЛ*», «*Компания «МегаЛогистика*», «*Мега-Ивушка*» [cataloxy.ru] и т.п.).

Если некоторые лингвокреативные номинации можно считать удачными, состоящимися с семантикой определяемых основ, как, например, «*Мегаопт*» или «*МегаПростор*», то в сочетании «*Мега-Ивушка*» желание употребить модный, «продающий» компонент, входит в противоречие с обозначаемым диминутивным образованием *ивушка* и создает эффект катахрезы. В нескольких городах (Москва, Химки, Новосибирск, Казань, Калининград) «*Мега*» стал использоваться самостоятельно как название торговых центров. Примечательно, что в этом случае *Мега* начинает склоняться, например: «*Реклама в Меге. ТК «Мега» — крупнейший многофункциональный торговый комплекс в историческом центре Калининграда*» [megakd.ru 2019].

Компонент активным образом используется в рекламах, в которых довольно часто соединяет семантику большого количества и экспрессивной позитивной оценки. Например, в рекламном слогане «*Бульмени. Мегамясище* [perekrestok.ru 2023] употребление префикса имплицитно указывает то, что в пельменях содержится огромное количество мяса. В соединении с наречиями, например: «*МегаЛогистика*» — *МегаБыстро*, *МегаВыгодно* [seanews.ru 2014]; «*Тигрес Тур — Мегадешево!*» [titur.ru 2023] и др. *мега* используется в значении «очень», «невероятно».

Анализ данных НКРЯ и примеров в интернет-ресурсах свидетельствует о достаточно свободной сочетаемости *мега*- с различными основами, в первую очередь, в рамках разговорной речи, например: *мегапраздник* (2003 г.), *мегасделка*

(2015 г.), *мегатренд* (2013 г.), *мега-задача* (2007 г.), *мега-шоу* (2014 г.), *мега-конкурс* (211 г.) [НКРЯ], *мегатеракт* [livejournal.com 2023], *мегамиллионер* [kidland.ru 2023], *мегамозг* [beon.ru 2022], *мегаиздатель* [livejournal.com 2020], *мегаспециалист* [dzen.ru 2022], *мега-тираж* [sk.kz 2019], и др. Как видим, в образуемых дериватах оценочная семантика соединяется с размерной. Реже компонент участвует в образовании прилагательных, обладающих, как правило, положительной семантикой: *мегапопулярный* (2015 г.), *мегаогромный* (2013 г.), *мегаопытный* (2007 г.), *мегазачётный* (2005 г.) [НКРЯ], *мегакрутой* [tripadvisor.ru 2021], *мегаклассный* [tort-land.ru 2023], *мегаправильный* [dk.ru 2017] и др.

В значении оценочного интенсификатора с сильной позитивной составляющей *мега* используется в молодежном сленге:

- «*Ну ты просто крут, нереальный мега чел*» [pikabu.ru 2021];;
- «*Мульт — мегавещь! Мой самый любимый, смотрела раз 50*» [НКРЯ 2010];
- «*в плане знаний-конечно юшкова валентина николаевна-мега учитель*» [vk.com 2009];
- «*Елена Протасова — мегаврач. Очень круто*» [orghost.ru 2013].

Следует, однако, отметить, что рассматриваемый компонент может использоваться не только как префикс, вносящий значение позитивной оценки, но и как прагматический маркер иронического или негативного отношения автора к объекту номинации:

- «*Жизнь взаймы: как миллионы людей попали на микрозаймы и мегадолги*» [kr.ru 2018];
- «*Да я до сих пор помню мегабратка в Петергофе, у которого было 4 мобилы 3310 на поясе*» [vk.com 2006];
- «*Сюжеты не блещут мегапсихологическими поворотами*» [НКРЯ 2010];
- «*В 2004-м нарисовался в Москве мега-пафосный Гари Татинцян, открыл на Ильинке мега-амбициозную Tatintsian Gallery Inc*» [zavtra.ru 2013].

Как отмечает Л.В. Рацибурская, в подобных образованиях «проявляется такая черта русского «семантического универсума», как аксиологически окрашенная иронически-сниженная реакция на объект номинации, в принципе предполагающий внеоценочное, нейтральное осмысление» [Рацибурская 2021: 154–155].

Таким образом, *мега-* наследует конвенцию его употребления, сложившуюся в английском языке, где он функционирует в качестве прагматического маркера. Словарь-справочник «Аффиксоиды русского языка» фиксирует новую семантику компонента, однако не указывает эксплицитно на ее интенсивный оценочный характер:

«*МЕГА-* обладающий намного сверх обычного признаками, качествами» [АРЯ: 143–144].

В отличие от *супер-*, *мега-* не образует дериватов в современном русском языке, то есть не выступает в роли производящей основы, что можно объяснить его морфонологическими особенностями, спецификой его финали. Если основа на согласный с легкостью подвергается аффиксации (*суперский*, *суперовость*), то конечный гласный основы *мега* в значительной степени препятствует возникновению аффиксальных производных. Заметим также, что *мега* не получает автономного употребления в неформальном общении в качестве самостоятельного оценочного предиката. Производные, которые возникают на почве русского языка, калькируют деривационные модели языка-донора. На этом основании морфологический статус *мега* в русском языке новейшего периода может быть определен либо как префикс, при условии его слитного написания с определяемым (*мегаробота*, *мегауспешный*), либо как аналитическое прилагательное при отдельном его написании (*мега тачка*, *мега успех*) и префиксоид в дефисном написании (*мега-робота*, *мега-задача*). Отсутствие собственных аффиксальных дериватов на почве русского языка (в отличие от компонента *супер-*), дает основания не включать *мега* в состав радикасоидов. Автономное употребление *мега* в качестве названия, как и отдельные попытки его склонения,

представляют собой зачаточную фазу морфологической ассимиляции компонента, которая не позволяет сделать дальнейшие прогнозы о возможности его лексикализации в русском языке.

1.3. Препозитивный компонент *экстра-*

Словообразовательный компонент *экстра-* восходит к индоевропейскому корню **eghs-* со значением «вне», который имеет ряд когнатов в европейских языках: предлоги в прасл. **jъz-*, лит. *iš*, русск. *из*, польск. *z*, и лат. *ex-*, который, в свою очередь, имел форму сравнительной степени *exterus*, от которой и произошёл компонент *extra-* [OED; Фасмер]. В английском языке *extra-* в составе прилагательных начинает употребляться с XVII века, в форме морфологических калек из романских языков: «Mid 17th century (as an adjective): probably a shortening of *extraordinary*, suggested by similar forms in French and German» [OD]. Словари современного английского языка фиксируют преимущественно локативное значение компонента «снаружи, вне, за пределами» и оценочное значение: «очень или более, чем нормальный»:

«outside or beyond (*extragalactic* «внегалактический, за пределами галактики»); very or more than normal (*extra-large, extra-strong* «чрезвычайно сильный, большой»)» [LD].

Кроме того, *extra* употребляется как прилагательное в значениях: «дополнительный, добавочный» («*extra work*»), «превосходный, лучший, наивысший («*extra quality*») [MWD], а также как наречие со значением «дополнительно, сверх положенного» («*I'll be making \$400 extra a month*» (Я буду зарабатывать дополнительно 400 долларов в месяц)) или со значением «необычно, исключительно»: «unusually; exceptionally («*I'd have to be extra careful*» (Я буду чрезвычайно внимателен)) [CD]. *Extra* может выступать как существительное, имея инвариантное значение дополнительности: дополнительные оплаты, чрезвычайный выпуск новостей, дополнительный актер, статист [CFOD]; [MD].

Необходимо отметить, что более ранние лексикографические источники не фиксируют семантику позитивной оценки и приводят лишь значение пространственности и дополнительности. Таким образом, как и в случае с предыдущими рассмотренными компонентами, *extra-* подвергается прагматизации по принципу метафорического переноса. Значение «находящийся вне, выходящий за границы» трансформируется в «превосходный, исключительный» на основе признания факта нарушения нормы как положительно оцениваемого. Однако его использование в английском языке значительно реже, нежели *super-* или *mega-*, причем оно ограничивается, в основном, областью наименований различных продуктов или названий в рамках коммерческого или развлекательного дискурса. Например, название жвачки «*EXTRA Spearmint Sugarfree Chewing Gum*», сериала «*High Score Girl: Extra Stage*». В неформальном дискурсе, как способ прагматической оценки в рамках потенциальных дериватов, *extra-* не используется.

Факт незначительной деривационной активности *extra-* отражается и в статистике, представленной в Корпусе (рис. 7):

SECTION	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010
FREQ	285	335	346	319	340	358	363	373	456	495	540

Рис. 7. Распределение по годам употребления препозитивного компонента *extra-* в английском языке по данным Корпуса исторического американского английского языка, где SECTION — десятилетие, FREQ — частотность, т.е. зафиксированное количество словоформ от общего количества словоформ в основном корпусе с 1910-х гг. по 2010-е гг. [COHA].

В русском языке, по данным НКРЯ, употребление *экстра-* впервые фиксируется во второй половине XVIII столетия в составе заимствования *экстраординарный* («Ежели случится экстраординарное торжество, или какая знатная виктория» [НКРЯ 1751]). В XIX в. начинает использоваться в составе деривата *экстрапочта*, наследуя зафиксированную в английском языке семантику чрезвычайности, срочности («*Экстра-почта в восемь дней из Петербурга*

приходила к нам два раза в неделю» [Там же, 1850-1860]). В конце XIX — начале XX вв. компонент расширяет сферу употребления и функционирует в составе терминов в области биологии и медицины: *экстрамышечный* (1891 г.), *экстраполирование* (1903 г.), *экстрафизиологический* (1910 г.) [Там же].

В словарях *экстра-* характеризуется как первая часть сложных слов, а также неизменяемое прилагательное и существительное.

«*ЭКСТРА-*; *ЭКСТРА...* [от лат. extra — вне, снаружи и extra — вне, сверх] Первая часть сложных слов. Обозначает выход за пределы чего-л.; высшего качества. *Экстразональный, экстра-класс, экстралингвистический, экстраматч, экстра-мода, экстрановый, экстра-ревизор»* [БТСРЯ].

«*экстра* неизм. прил. Самый лучший, высшего сорта (о качестве товара)»;

«*экстра* ж. нескл. То, что характеризуется лучшим качеством, высшим рядом, сортом; люкс» [НСРЯ].

Словарь С.И. Ожегова определяет *экстра* только как словообразовательный формант:

«*ЭКСТРА...*, *приставка*. Образует имена существительные и прилагательные со знач.: 1) высший, напр. *экстракласс, экстракристаллический*; 2) выходящий за пределы обычного, напр. *экстраординарный, экстразональный, экстрамодный*; 3) экстренный. напр. *экстрапочта, экстрафрахт»* [Ожегов, Шведова 2006: 908].

Согласно данным НКРЯ и сети Интернет, *экстра-* присоединяется к основам существительных именно как оценочный интенсификатор, подчеркивая исключительное качество определяемого: *экстра-продукт* (2004 г.), *экстра-фильмы* (2017 г.), *экстра-сервис* (2008 г.), *экстра-услуги* (1998 г.) [НКРЯ], *экстра-коктейль* [krasota3.tu 2023], *экстра-блогер* [sonichits.com], *экстра-диджей* [chgk.ru 2018], *экстра-предложение* [promokodex.ru 2014] и др. Компонент часто используется как в коммерческом или рекламном дискурсе, так и в разговорной речи: *экстра-чувак* [gtamania.ru 2010], *экстра-девушка* [thevoicemag.ru 2006], *экстра-понты* [2ch.hk 2020], *экстра-геймер* [lenovo.com 2018] и др. В

отдельных дериватах присутствует также значение чего-то исключительного, выходящего за пределы существующих стандартов, экстраординарного, например, *экстра-случай* [drive2.ru 2021], *экстра-событие* [tinkoff.ru 2022].

Употребление *экстра-* в значении чрезвычайной степени проявления качества характерно для аннотации винных изделий, в которых кириллическое написание часто соседствует с латинским. Например: «*Игристое вино Берлукки, DOCG, экстра брют*»; «*Напиток ароматизированный MARTINI Extra Dry белый*» [joia.ru 2023] и т.п.

В рекламном дискурсе интенсивная положительная оценочность *экстра-* становится своего рода «знаком качества», выполняя функцию прагматического аттрактора: «*Экстра-пицца*», «*Экстра Такси*», строительная компания «*Экстра Дом*», магазин «*Экстра-Фрукты*» [catalogu.ru]. Примечательно, что все чаще компонент *экстра* в различных коммерческих названиях ставится в позицию после определяемого существительного. Это становится уже принятой конвенцией в присвоении названий новой разновидности старого товара, в первую очередь, в фармакологии и косметологии:

«*Супер Экстра (новое название ЦИТРИН)*»; «*Биотин Экстра*»; «*Ксимелин Экстра*»; «*Пенталгин Экстра-гель*»; «*Кауфил Экстра*»; «*E10 Экстра черный: пигмент для татуажа*» [apteka.ru] и т.п.

Сеть магазинов «Магнит» анонсирует: «*В ближайшее время крупнейшие магазины ретейлера «Магнит» в рамках репозиционирования изменят название на «Магнит Экстра»* [kuban24.tv 2021].

Можно предположить, что размещение компонента *Экстра* в новых названиях в постпозиции к определяемому слову связано с излишней «амортизацией» компонента в условиях препозиции, а также с возможностью ложной интерпретации смысла «экстра» как чего-то дополнительного. В то же время инверсионная для определяющего члена позиция, напротив, обращает внимание на новое, улучшенное качество именуемого товара, а, следовательно, оказывает большое сильное воздействие на потенциального потребителя. Сочетание

«*Экстра-Пицца*» может быть интерпретировано как дополнительная порция пиццы, в то время как «*Пицца Экстра*» уже однозначным образом подчеркивает исключительное качество продукта.

Анализ данных НКРЯ позволяет сделать вывод о том, что, по сравнению с компонентами *супер-* (8 318 зафиксированных в НКРЯ единиц) и *мега-* (6 339 единиц), компонент *экстра-* не получает такого же широкого распространения (*экстра-* зафиксирован в НКРЯ в составе 1577 дериватов), в том числе в разговорной речи, однако демонстрирует схожую динамику роста частотности употребления, что может быть проиллюстрировано графиком (рис. 8):

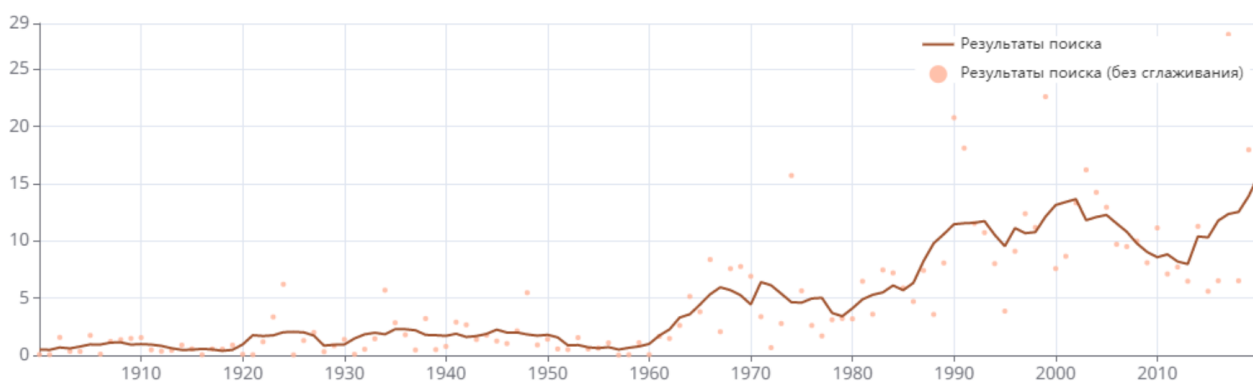

Рис. 8. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *экстра-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

По сравнению с компонентом *супер-*, *экстра-* не подвергается лексикализации, не используется в предикативном значении «*X — экстра!*» или в значении средства выражения похвалы: «*Экстра!*»². Компонент *экстра-* также не образует аффиксальных дериватов, вполне вероятно, также вследствие наличия гласного *а-* в финали, следовательно, не подвергается радикации.

Словарь аффиксоидов фиксирует значения *экстра-* в полном соответствии с дефинициями в словарях английского языка: 1. «находящийся вне, за пределами того, что указано в слове далее», 2. «превышающий то, что является обычным,

² Заметим, что в другом славянском языке, в польском, *mega* и *extra* активным образом употребляется в качестве оценочного предиката или положительного эмоционального восклицания в неформальном общении.

общепринятым», 3. «самый лучший, высшего качества; сверх» [АРЯ: 280]. Если следовать принятой нами конвенции отнесения анализируемых компонентов к определенной морфемной категории на основании способа их использования в различных типах словообразовательных инноваций, то экстра выступает в качестве аналитического прилагательного («*Экстра Дом*», *Магнит Экстра*) или префиксоида («*Экстра-Фрукты*»). Примечательно, что в современных речевых практиках экстра уже не пишется слитно с основой, как это фиксируют более ранние примеры (*экстраординарный*, *экстразональный*, *экстремодный*; *экстрапочта*, *экстрафрахт* [см. Ожегов, Шведова 2006: 908]). Данный факт может быть объяснен, во-первых, отсутствием новых употреблений префикса с целью номинации явлений со значением «выхода за пределы», а также с доминированием существительных в качестве определяемых основ в значении «исключительно высокой оценки» их качества.

В роли оценочных интенсификаторов, кроме рассмотренных выше препозитивных компонентов, используются также компоненты *гипер-* и *ультра-*, однако для них характерна гораздо более низкая частотность употребления, а также отсутствие морфологических свидетельств ассимиляции на почве русского языка.

Следует заметить, что особенностью современного общения на различных Интернет-площадках становится одновременное употребление нескольких оценочных интенсификаторов в одной реплике:

— «*Нда, ну я несмотря на свой мега-супер-пупер-перфекционизм пожалуй буду согласен на 4*» [НКРЯ 2008];

— «*Помогите! Супер мега экстра важный вопрос от него зависит моя жизнь. Чем фашизм отличается от нацизма?*» [mail.ru 2021];

— «*Подарите ей какую-нибудь экстра-мега-супер-новинку. Например, вещичку из соевого волокна*» [newslab.ru 2003].

Данный способ мультипликации средств выражения своей высокой оценки, на наш взгляд, представляет собой одно из средств формирования «дискурса

новой эмоциональности», транслируемого из американской лингвокультурной среды, в котором эмоциональная оценочность занимает одно из важнейших мест [см. подробнее Кошкарова 2021].

§ 2. Препозитивные компоненты *top-*, *VIP-* / *VIP-*

2.1. Препозитивный компонент *top-*

Как мы указывали в параграфе 2.2.3. первой главы, в языке-доноре префиксального именного бума, присутствуют фонеморфологические детерминанты, обеспечивающие условия для регулярного словообразования по модели: аналитическое прилагательное + существительное. Реализация корневых лексем в английском языке преимущественно в односложных наименованиях порождает продуктивность функционально-семантической спецификации обозначаемого посредством его маркирования соответствующим прилагательным: *art-industries*, *sex-symbol*, *top-model*, *super-hero*, *biofood*, *euro-style*, *ecotourism*, *homoeoteric*, *pseudo-expert*, *mini-publication*, *ex-hunter*, *co-founder* и т.п. В русском языке, как и в других славянских языках, исконное, морфологически маркированное прилагательное имеет родовое окончание, не может состоять только из одного слога, в связи с чем связь прилагательного с существительным всегда идентифицируется как двухсловное именное сочетание. Этот факт во многом, на наш взгляд, мотивирует обоснованность интерпретации заимствованных из английского языка словообразований вышеуказанного типа либо как результат словосложения, либо как сочетание аналитического прилагательного с существительным, либо как префиксальную модель. В пользу последней трактовки говорит односложность стоящего в препозиции английского члена, а также регулярность используемой модели. Рассмотрим тип данных словообразований на примере чрезвычайно активного в русском языке новейшего периода словообразовательного ряда с препозитивными компонентами *top-* и *vip-*.

В английском языке *top* функционирует в качестве существительного, прилагательного, наречия и глагола. В качестве существительного *top* имеет прямое значение «самого высокого места» (с 1620-х гг.) и переносное: «самая важная позиция в группе или организации» (с 1660-х гг.):

Top — «the highest place or part», «the most important position in a group or organization» [CD; OED].

Согласно этимологическим данным, прилагательное *top* со значением «самый высокий» является производным от существительного [OED]. Первые зафиксированные адъективные единицы относятся к финансовым и социальным понятиям: *top dollar* «high price» (наивысшая цена), *top-drawer* (дословно: верхний ящик) «upper-class» (высший класс) [Там же].

Лингвокогнитивная основа метафорического переноса с высоко расположенного места на верхние позиции в списке однородных объектов представляется вполне прозрачной. Как и в случае с компонентом *супер-*, имеет место действие универсальной для английского языка ориентационной метафоры «UP is good, DOWN is bad» (ВЕРХ — хорошо, НИЗ — плохо) [Лакофф 2004: 35–46]. Факт диахронических преобразований подтверждают лексикографические данные — если в оксфордских словарях 1912 и 1972 года издания фиксируется лишь денотативное значение верха [COED 1912: 931; COED 1972: 968], то в издании 1990 года мы можем обнаружить коллоквиальную единицу *top* в метафорическом значении: «человек или вещь наилучшего качества» («*colloq.* a person or thing of the best quality») [COED 1990: 1023].

В условиях общества рыночной конкуренции списки различных ранжируемых по их значимости или успешности объектов становятся традиционной, широко растиражированной формой оценки. Так, в английском коммерческом и рекламном дискурсе позиционированию подлежат самые различные объекты: *top business schools*, *top movies*, *top persons*, *top ideas* (*топ-бизнес-школы*, *топ-фильмы*, *топ-личности*, *топ-идеи* и т.п.). Результатом метонимического переноса становится использование аналитического прилагательного для

обозначения самих лиц или объектов, участников списка. Регулярное употребление *top* как маркера самой высокой степени оценки приводит постепенно к симбиозу количественно-качественной оценки. О прагматизации смысла, вкладываемого в слово *top* в современном английском языке, свидетельствует как дефиниция функционального типа, согласно которой «вы можете использовать *top* в том случае, если находите что-либо превосходным» («you can use *top* to say that you think something is excellent») [CFOD], так и интеръективизация слова, употребляемого в целях передачи исключительно позитивной оценки: «*How was your party? — Top, mate*» (*Как вечеринка? — Топ, приятель*) [Там же].

Согласно лексикографическим данным, существительное *топ* было впервые заимствовано русским языком в эпоху Петра I в значении морского термина: «ТОПЪ, Мор. Верхній конецъ мачты, часть еи между марса и верхнимъ концомъ, на которой надѣвается эзель-гофть» [Яновский 1806: 869]. Морфологическая ассимиляция привела к возникновению прилагательного *топовый* в рамках конструкции *топовый огонь*: «*Вверх по мачте полз бледно-желтый топовый огонь*» (В.П. Катаев. «Белеет парус одинокий») [НКРЯ].

Согласно данным О.А. Давыдовой, автора статьи под выразительным названием «От топового огня к топовым объектам», первые сочетания с компонентом *топ-* наблюдаются в русском языке в начале 90-х годов [Давыдова 2016: 59]. Это подтверждают данные НКРЯ, согласно которым *топ-*впервые фиксируется в составе заимствования *топ-модель* («*Среди его возлюбленных знаменитые актрисы и топ-модели и просто хорошенькие девушки*» (1993 г.) [НКРЯ]). Словарь Г.Н. Складневской истолковывает значение нового слова как «список призеров (обычно в пределах 10-20 мест)» [Складневская 1988: 633]. Другой словарь неологических единиц описывает значение слова как «первые пять, десять и т.д. позиций в рейтинге» [Шагалова 2010: 310].

Квалификация заимствования как словообразовательного форманта содержится в словаре Т.Ф. Ефремовой:

«Топ — первая часть сложных слов, вносящая значение: высшего класса (*топ-кадр, топ-модель* и т.п.)» [НСРЯ].

Словари включают в состав новой лексики наиболее укоренившиеся в современном дискурсе заимствования с компонентом *топ-*: относящееся к сфере бизнеса наименование должности *топ-менеджер* («ведущий менеджер»), в котором *топ-* уже имеет значение семантического идентификатора; образование, относящееся к сфере модельного бизнеса: *топ-модель* («манекенщица самого высокого класса; супермодель»), с явной прагмасемантической ориентацией первой части *топ-*. Именно на действии этой словообразовательной модели: «*топ* как прагматический маркер + основа существительного» базируется активность компонента уже на почве самого русского языка. Чаще всего, согласно данным НКРЯ и интернет-ресурсов, в качестве определяемой основы выступает наименование деятеля: *топ-автор* (2018 г.), *топ-спонсор* (2014 г.), *топ-спортсмен* (2014 г.), *топ-инженер* (2013 г.), *топ-звезда* (2013 г.), *топ-жокей* (2003 г.), *топ-инструктор* (2003 г.), *топ-чиновник* (2003 г.) [НКРЯ], *топ-консультант* [banki.ru 2022], *топ-пилот* [wiki], *топ-стилист* [Там же] и др., а также наименования различных объектов, форм и разновидностей коммерческой деятельности или культурно-развлекательных объектов: *топ-книга* (2003 г.) *топ-уровень* (2016 г.), *топ-вакансия* (2014 г.), *топ-курорт* (2013 г.), *топ-клуб* (2003 г.) [НКРЯ], *топ-продажа* [ozon.ru 2022], *топ-услуги* [vw-norden.ru 2020], *топ-продукт* [expocentr.ru 2017], *топ-банк* [banki.ru 2023], *топ-фильм* [irecommend.ru 2018], *топ-игра* [metaratings.ru 2021] и др.

Квантитативно-кваликативная оценочность заимствованного компонента активным образом эксплуатируется в интернет-ресурсах и российских медиа, расширяющих границы конкурирующих объектов практически до бесконечности: *топ-рецепты* [vseodnoklasniki.com], *топ-призер* [gia.ru 2013], *топ-презентация* [prezi.com 2022], *топ-идея* [bcs-express.ru 2023] и т.п. В качестве постоянных номинаций выступают перечни: *топ-десятка*, *топ-пять*, *топ-хиты*, *топ-лист* и т.п. Благодаря «бестселлерной» семантике, характерной для

заимствования, оно активным образом используется в рамках коммерческого нейминга. При этом написание названий торговых объектов может иметь полностью латинизированную форму (салон красоты «*TOPSALON*», пиццерия «*PizzaTop*»), представлять собой англо-русский гибрид («*TopКлуб*», «*TopБар*»), или иметь полностью кириллическую форму: «*ТопТакси*», «*Топ-СПА*» [cataloxy.ru] и др.

Несмотря на то, что «количество композитов с первой частью *top* растет год от года и сейчас уже не поддается точному исчислению» [Давыдова 2016: 60], его написание в составе данных словообразований до сих пор не приобрело единой формы. Чаще всего маркер «высшей позиции» отделяется от основы дефисом, хотя спорадично встречаются и слитные написания, в большей степени присущие современным эмпоронимам (названиям торговых заведений).

Можно предположить, что в противовес английскому языку, где развитие слова идет от существительного в значении «вершина, высшее положение» к аналитическому прилагательному в составе различных сочетаний, в русском языке компонент заимствуется первоначально в составе различного типа устойчивых единиц или конструкций: *top-менеджмент*, *top-модель*, *10 top-моделей* и т.п., а затем уже развивает собственную деривационную активность как препозитивный компонент в различных образованиях. Вершиной морфосинтаксического развития на почве русского языка становится автономизация компонента и переход в разряд существительных. Согласно Большому толковому словарю С.А. Кузнецова, *top* обозначает «список популярных модных произведений, вещей (в одежде, эстрадной музыке и т.п.): *Т. музыканта. Попасть в т.*» [БТСРЯ]. Примеры, иллюстрирующие данное употребление (*быть в топе*, *попасть в топ*) отличает свойство фразеологичности, расцениваемое многими лингвистами как свидетельство полноценного функционирования заимствования в языке-рецепторе. При этом «семантика нового слова, выступающего в роли компонента устойчивого словосочетания, порождает новую семантику» [Маринова 2008: 246].

О высокой степени ассимиляции заимствования в русском языке свидетельствует и наличие ряда производных, оформленных русскими атрибутивными (*топовый, топный, топовский* и т.д.) суффиксами. Но даже в этом случае элемент *топ* достаточно часто пишется заглавными буквами, вне сомнения, для того чтобы выделить его и создать эффект прагматической аттракции:

— «*Что же делает этот байк ТОПовым, во-первых правильная геометрия и крепкая пространственная рама!*» [vk.com 2020];

— «*Лучшие флагманы — телефоны премиум-класса с ТОПовыми характеристиками*» [telefon.ru 2022].

Отметим, что употребление прилагательных *топный, топовский* и т.п. маркируется молодежным сленгом, так же, как и прилагательного *суперский*:

— «*Пока у тренера есть так называемый топовый спортсмен, тренера не трогают*» [НКРЯ 2014];

— «*Топный фильм, ты в ожидании!*» [txtsong.ru 2008];

— «*Чувствую себя топово — репортаж из челябинской школы, где начали прививать детей «Спутником-М»*» [kr.ru 2022].

Аффиксальное богатство русского языка проявляется также в создании существительного с отвлеченным значением *топовость* и диминутива *топчик*:

— «*Оценим топовость. Мне нужна критика по поводу дизайна, который я старался сделать в духе "величественный стенд с плащом"*» [fandom.com 2022];

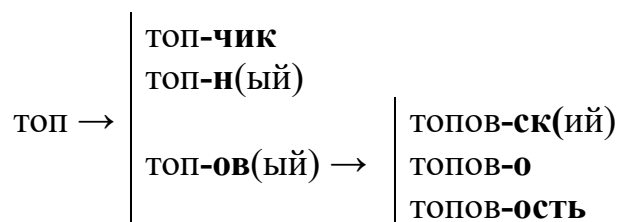
— «*Топовость этого решения в том что вокруг дома не страшная от-мостка а сразу начинается сад*» [facebook.com 2021];

— «*Рубрика ТОПОВОСТЬ года!*» [vk.com 2019];

— «*Ребята, он топчик*» [папабар.рф 2023];

— «Почирикаем за эпитеты? В инстаграме сформировалась своя культура эпитетов: *погодка* — *топчик*, *борщ* — *пушка*, *фильм* — *до мурашек*» [vc.ru 2021]³.

Возникновение существительного, характеризующего высшие позиции в конкретных списках как качества определяемых объектов, свидетельствует об осознании значимости конкурентных преимуществ российским обществом и положительном восприятии заимствованной системы оценочной градации. Словообразовательное гнездо с вершиной *топ-* может быть представлено следующим образом:

Согласно данным НКРЯ, в отличие от заимствованных компонентов греко-латинского происхождения типа *супер-*, компонент *топ-* в связи с недавним периодом функционирования в русском языке пока не получил такого широкого распространения (696 словоупотреблений). Статистические данные представлены на графике (рис. 9):

³ Мы не включаем в объект анализа такие единицы как *топик*, или *топлесс*, в значении верха женской одежды или ее отсутствия в силу словообразовательной закрытости данного метонимического ряда.

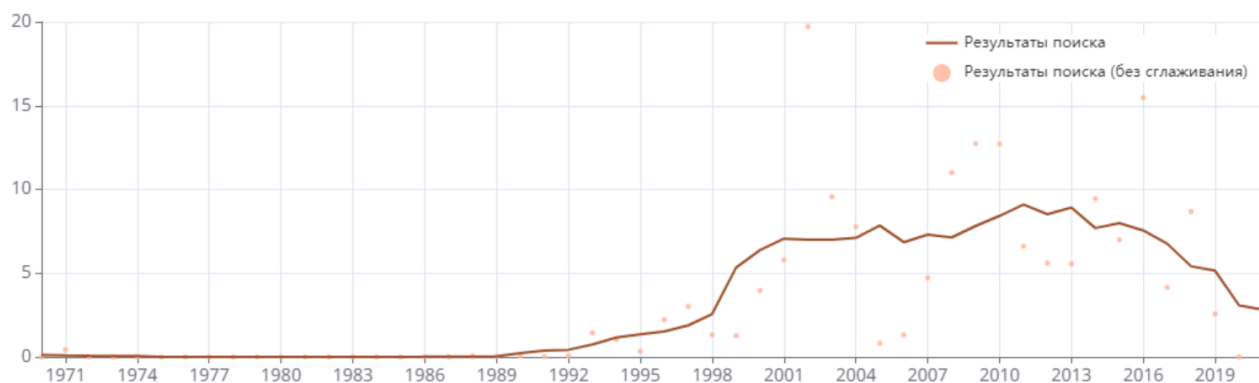

Рис. 9. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1970 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *top-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Активное участие компонента *top-* в формациях, калькирующих строй аналитического языка (*top-клуб*, *top-жених*) при одновременном участии в образованиях с русскими аффиксами (*топовый*, *топный*, *топовский*, *топовость*) становится причиной для лингвистических дискуссий об актуальном морфологическом статусе заимствования в русском языке. Существуют предложения, чтобы квалифицировать единицу *top* как приставку или префиксоид [АРЯ: 49], или приведенное выше описание элемента *top-* как первой части сложных слов [НСРЯ]. Е.В. Петрухина предлагает рассматривать единицу *top* как словообразовательный формант радикалоидного типа, отмечая, что «границы между новыми заимствованными словообразовательными формантами «оидного» типа (между аффиксоидами и радикалоидами) выражены нечетко» [Петрухина 2010: 427].

2.2. Препозитивный компонент *ВИП-* / *VIP-*

Акрофонетическая аббревиатура *VIP* впервые фиксируется словарями английского языка в 1933 г. в значении «очень важное лицо»: «*V.I.P. initialism (acronym) for very important person*» [OED]. Дефиниции, предлагаемые современными словарями, кроме вышеприведенного толкования, включают в себя сему реляционного характера, указывающую, что такая персона «требует к себе особого отношения»:

VIP — «very important person: used for referring to someone who receives special treatment because they are powerful or famous» [MD].

Развивается и ряд синонимов, используемых в словарных дефинициях. К ним относятся образованные различными способами, в том числе и префиксальным, лексические единицы: «*celebrity, icon, megastar, superstar*» (*знаменитость, икона, мегазвезда, суперзвезда*) [MWD].

По данным Л. Мустонена, в русском языке слово *ВИП / VIP* начало употребляться еще до периода распада СССР и принятия англо-американской лингвокультурной модели стратификации общества. В 70-е годы XX в., однако, слово использовалось спорадически, как элемент, именуемый чуждый способ номинации неравенства по признаку высокопоставленности или богатства (*ВИП-гости, ВИП-делегация*) [Mustonen 1997: 110].

На рубеже веков аббревиатура входит в активный состав социопрагматических маркеров, используемых как в рамках калькированных сочетаний (*vip-персона, vip-зал*), так и на собственной словообразовательной почве (*vip-баня, vip-повар*), что подтверждается графиком с данными НКРЯ (рис. 10), который на данный момент фиксирует 917 словоупотреблений, содержащих исследуемый компонент:

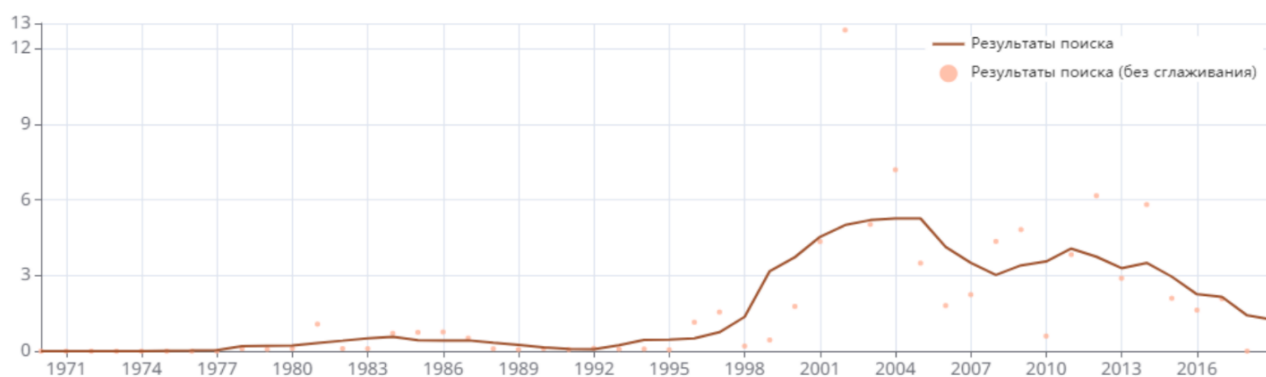

Рис. 10. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1970 г. по 2021 г. употребления префиксального компонента *ВИП-*

VIP- в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Основными типами определяемых основ становятся имена лиц и имена мест, в которых данные лица получают *vip*-услуги (*vip*-залы, *vip*-ложка, *vip*-номер, *vip*-места, *vip*-салон), наименования услуг или профессий тех лиц, которые оказывают эти услуги (*vip*-обслуживание, *vip*-карта, *vip*-парикмахер, *vip*-стилист) [Попова, Перовская 2012: 115–116].

Постепенно унифицируется способ написания компонента, первоначальное разделение графем точками, фиксируемое словарями, полностью исчезает. Если в 2012 году исследователями было зафиксировано 18 вариантов графической репрезентации сочетаний с препозитивным компонентом [Там же: 165], то на сегодняшний день преобладающими можно признать кириллическое написание заглавными (реже строчными) буквами при дефисном отграничении компонента от определяемого существительного.

На данный способ написания влияет также то, что *vip* начинает функционировать как самостоятельное существительное:

— «Рыбе ведь не объяснишь, что к нам понаехали всякие *ви́пы*, а потому ей лучше приплыть сюда месяцем позже» (2003 г.);

— «Поэтому когда один из приглашенных *ви́пов* попытался ее примерить, ему по-свойски объяснили: Кто ее надевает, тот долго не живет» (2002 г.) [НКРЯ].

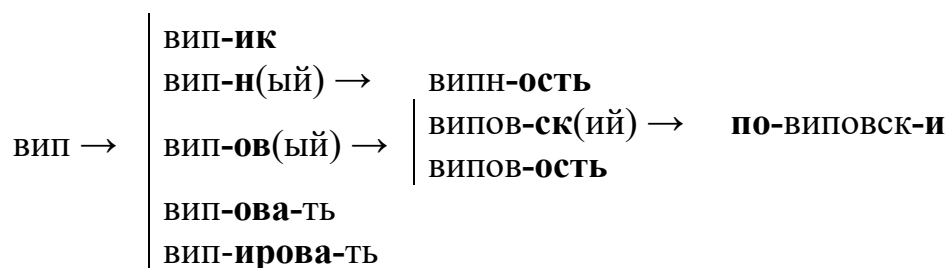
Практика употребления слова показывает, что его нельзя уже рассматривать как несклоняемое существительное, как это отмечается во многих современных словарях. В разговорном языке слово постепенно приобретает полную морфологическую парадигму с преимущественным употреблением форм множественного числа.

Интересно наблюдать и за изменениями в предлагаемых авторами словарей толкованиях значения слова. Так, в 2003 г. слово получает интерпретацию «сокращенное обозначение лица, занимающего один из высших государственных

постов» [БТСРЯ], а также «очень известный, влиятельный или богатый человек, требующий индивидуального обслуживания и охраны» [Хацкевич 2003: 177]; в 2005 году описывается как «лицо, обладающее значительной властью, высоким положением, большими доходами» [Горбачевич 2005: 657]; в 2009 году как «высокопоставленное лицо, очень известный, влиятельный или богатый человек, обладающий особыми привилегиями» [Баранова 2009: 33]; и, наконец, в 2010 году как «очень важный человек (о лицах, наделенных властью, звездах кино и телевидения и пр.) (разг.)» [Асланова 2010: 147].

Следует признать, что актуальный концепт *ВИП* включает все выделяемые значения: «богатство, известность или высокий пост» как условия для того, чтобы быть *вином*, что влечет за собой появление семы «кому положено что-то, чем не может воспользоваться вся остальная масса людей».

По наблюдениям Т. И. Перовской, *vip* становится производящей основой, порождающей словообразовательное гнездо: *ВИП* — *ВИПовый*, *по-ВИПовски*, *ВИПировать*, *ВИПовать*, *ВИПик* — по аналогии с *паник* [Перовская 2012: 168]. В интернет-ресурсах присутствуют также прилагательные *виновый*, *виновский*, *винный*, а также существительное *виновость* (*винность*) со значением отвлеченного признака. Например: «*Бесит только виновость некоторых клиентов и то, как из-за них дергает начальство*» [kktcom.ru 2017]. Словообразовательное гнездо с вершиной *vip*- может быть представлено следующим образом:

Как видим, участие компонента *vip*- в препозитивной позиции в составных словах по аналогии с английской деривационной моделью сочетается с его деривационной активностью как корневой морфемы, присоединяющей к себе характерные для русского языка аффиксы. Данный феномен становится причиной

дифференцированной интерпретации морфологического статуса компонента. Так, *VIP* описывается как аббревиатура, первая часть слова, а также как аффиксоид, участвующий в образовании различных композитов со значением «являющийся важным, высокопоставленным лицом»; «предназначенный для важных, высокопоставленных лиц» [АРЯ: 55–54].

Наиболее активно компонент *vip*- употребляется в сообщениях СМИ, что обусловлено тем, что главными ньюс-мейкерами в них выступают лица, обладающие особой важностью или популярностью. Кроме того, определенные образования с *ВИП*- используют его с целью повышения статуса субъекта (*ВИП-клиент* или более современное *ВИП-подписчик* [boosty.to 2023]); другие представляются избыточными по своему нагромождению интенсификаторов: *VIP-звезда* [myloview.ru 2005], *ВИП-президент* [11x11.ru 2011]. Номинации, маркированные *vip*-статусом, уже стали привычным элементом в наименованиях заведений сферы обслуживания (*VIP-клиника*, *VIP-магазин*, *VIP-пляж*), а также активно используются в эргонимах или названиях товаров («*VIP-салон*», «*VIP Барбер*», «*VIP Торт Инта*») [catalogy.ru] и др.

Если компонент *top*- ранжирует различные объекты по их качеству, то компонент *ВИП* представляет собой «социопрагматический маркер, узаконивающий на языковом уровне разделение общества на особо важные персоны и широкие массы рядовых обывателей» [Шаповаленко 2021: 57]. Реальное отношение россиян к такому маркированию отражается в зафиксированных НКРЯ примерах:

— «*Эти випы мало того что зарабатывают более нас с вами, при том что на зп (зарплату) им скидываемся именно мы, так мы еще и кормить их должны за свой счет*» [72.ru 2020];

— «*То что эти випы не сидят, не их заслуга, а наша недоработка, просто руки до всех не доходят*» [rg.ru 2005] и т.п.

Таким образом, независимо от способа квалификации морфологического статуса, заимствованные единицы типа *top* и *VIP* выполняют моделирующую

роль в процессе коммерческой и социопрагматической стратификации российского общества по моделям, калькируемым из американского варианта английского языка, и в то же время образуют собственные словообразовательные гнезда, в которых принимают на себя роль корневых морфем.

§ 3. Препозитивные компоненты *интер-*, *кросс-*, *транс-*

3.1. Препозитивный компонент *интер-*

Словообразовательный формант *inter-* ведет свое происхождение из латинского языка, в котором выполнял функции предлога, наречия и приставки со значением «между, среди, посередине чего-либо»:

Inter — «word-forming element used freely in English, "between, among, during," from Latin *inter* (prep., adv.) "among, between, betwixt, in the midst of" (also used extensively as a prefix)» [OED].

Современные словари английского характеризуют значение префикса в зависимости от разновидности описываемого префиксальным образованием действия: 1. взаимное («reciprocal»): *interrelation* 2. расположенное между («located between»): *interstation* 3. осуществляемое между кем-либо; существующее между кем-либо («carried on between»; «existing between»: *international, intercompany* 4. общее для кого-либо, разделяемое кем-либо («shared by»): *interfaith* [MWD]. Словарь Мюллера предлагает три варианта перевода префикса: 1) *между-, между-, среди-* 2) *пере-* (используемый в глаголах) 3) *взаимо-* [Мюллер 2013: 457]. Согласно данным электронной словарной базы «The Free Dictionary» в современном английском языке функционируют 1 649 деривата с префиксом *inter-* [FD].

В русском языке до начала 90-х годов префикс *интер-* использовался в редких заимствованиях, проникающих через посредничество различных языков (*интернациональный, интернационализм, интервенция, интервью, интерференция, интерпретация*). В переводе дериватов с префиксом *inter-*

превалировали либо экспликационная модель, например, *interstate* «находящийся между штатами»; либо производное с русским префиксом: *interfix* — «межвидовой».

В отличие от многих других префиксов латинского происхождения, *inter-* нельзя причислить к единицам, которые входят в состав самых продуктивных в современном английском языке. Однако именно этот префикс использован в номинации важнейшего технологического изобретения последнего времени — Интернета, датируемого 1983 годом. Само слово *Internet*, от сочетания «*inter connection network*» (связь между рабочими сетями), впервые было употреблено в 1986 году [CD] и стремительно вошло во все языки мира. Другое широкоупотребительное слово, относящееся к сфере интернет-технологий, *interface* (интерфейс), обозначает «стыковку между двумя электронными объектами, или индивидом и компьютером» [Там же].

Среди лингвокультурно значимых словообразований с префиксом *inter-* следует упомянуть прилагательное *interdisciplinary* (междисциплинарный), характеризующее доминанту современной парадигмы исследований, в том числе лингвистических. Не случайно Е. С. Кубрякова, выделяя основные принципы современной лингвистики, на первое место ставит экспансионизм, под которым понимает интеграцию лингвистики с другими смежными науками и укрупнение исследовательских сегментов в целом [Кубрякова, Александрова 1999].

Кроме термина *interdisciplinary* (междисциплинарный / интердисциплинарный), другими важнейшими английскими дериватами терминологического характера следует признать *interpersonal*, *interactive* (межперсональный, интерактивный), в которых префикс используется не в статическом значении нахождения между чем-либо, а в акциональном значении взаимности и взаимодействия. Сочетаемость прилагательного *interactive* сводится преимущественно к существительным со значением технологических устройств или средств, обеспечивающих интерактивный формат (*interactive device, media, classroom, table* интерактивное устройство, медиа, доска и т.п.).

Адъектив *interpersonal*, кроме самой известной характеристики *interpersonal communication* (межперсональная коммуникация), входящей в терминологический аппарат различных гуманитарных наук, образует сочетания, свойственные, в основном, педагогическому дискурсу: *interpersonal skills, literacy, competences* (межперсональные умения (навыки), грамотность, компетенции).

В словарях русского языка *интер-* квалифицируется как «приставка, преимущ. в иноязычных существительных и прилагательных, со значением между, меж, напр.: *интервокальный, интерфаза*» [СИСРЯ: 308].

В русском языке долгое время существовала традиция замены префикса *интер-* усеченным префиксальным образованием *меж-* (*межконтинентальный, межпланетарный, межгалактический* и т.п.), которая в определенной степени сохраняется и в калькированных с английского языка единицах новейшего периода времени. Слово *интернациональный*, по сведениям этимологического словаря П. Я. Черных, было заимствовано в 70-х гг. XIX века из французского языка в двух значениях: «международный» и «межнациональный» [Черных 1999а: 353]. Активное использование прилагательного *интернациональный* в русском языке в форме прямого заимствования можно объяснить доминированием идей объединения различных наций и народов в борьбе против эксплуатации в начале XX столетия, что нашло свое отражение в создании Коммунистического Интернационала (1919–1943), в широком распространении идей интернационализма в предреволюционной России и в начальный период существования СССР. Впоследствии в силу смягчения идеологической маркированности слова оно во многом вытесняется из дискурса прилагательным *международный*: *международное положение, международное сотрудничество, Международный женский день* и др.

Префикс *интер-* входил в состав редких заимствованных слов различных дискурсивных областей: *интервенция* (заимствовано в начале XIX в., по данным «КССРЛЯ впервые отмечается в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 14 августа 1831 г.» [Шанский 1980: 96] в значении «вмешательство,

преимущественно вооружённое, иностранной державы (или группы государств) во внутренние дела какой-н. страны» [Черных 1999а: 352]); *интерференция* (от латинского *inter* «между, взаимно» и *ferentis* «несущий, переносящий»), заимствованный лингвистикой из психологии (а психологией — из физики), впервые использованный учеными Пражского лингвистического кружка [Кузьмина 2008]. Примечательно, что на стыке двух эпох было зафиксировано одно лингвокультурно значимое словообразование, которым стало название повести В. Кунина «Интердевочка» и одноименного художественного фильма П. Тодоровского. В данном авторском деривате — эвфемизме валютной проститутки — на первый план в соответствии с концепцией профилирования [Langacker 1987; Lehmann 1999; Gutschmidt 2003] выходит тип валюты и стоящими за ней представителями соответствующих стран. Одновременно использование префикса *интер-*, соединяясь с основой *девочка*, придавало номинации иронический оттенок.

В период новейшего времени *интер-* в новообразованиях русского языка характеризуется параллельным функционированием с автохтонным *меж-*: *межперсональный / интерперсональный, междисциплинарный / интердисциплинарный* и некоторые другие. Появляется прямое заимствование *интернационализация* — от английского *internationalization* со значением: «the action of becoming or making something become international» (процесс или действие, в результате которого что-либо становится международным) [CD]. Существительное, используемое как обозначение одного из принципов организации системы высшего образования, эксплицитным образом обозначает необходимость привлечения в университеты иностранных учащихся, а, с другой стороны, содержит скрытую коммерческую сему: студенты из других стран обязаны платить за свое образование. О коммерциализации, или коммодификации образовательной системы под влиянием американских лингвокультурных образцов, говорится в целом ряде работ [Кечерукова 2016; Каменев 2017; Голованова, Ломакина 2021].

Неологические словари русского языка 60-70-х гг. фиксируют лишь заимствованные терминологические единицы с компонентом *интер-* (например, *интерметаллиды* [НСЗ 60: 188], *интервизионный* [НСЗ 70: 244]), более поздние (1980–1990 гг.) включают небольшое количество окказиональных новообразований: *интерпоезд*, *интербрак*, *интерработа* [НСЗ 80: 289]. Другие вошедшие в узус образования с префиксом *интер-* в абсолютном большинстве представляют собой прямые заимствования из английского языка, относящиеся к области технологического дискурса. Это упомянутые выше *интернет*, *интерфейс*, *интерактивный* (*доска*, *стол*, *портал*, *карта* и др.), *интермедиаальный* (*анализ*, *практики*, *подход* и др.). На собственной языковой почве никаких словообразований с анализируемым префиксом нами не было обнаружено. Его активизация, представленная на рис. 9, обусловлена высокой частотой употребления заимствованных префиксальных единиц (рис. 11):

Рис. 11. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *интер-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

3.2. Препозитивный компонент *кросс-*

Препозитивный компонент *кросс-* обратил на себя внимание, функционируя в составе модного терминологического заимствования «кросс-культурная коммуникация» (*cross-cultural communication*). В английском языке *cross* восходит к латинскому *crux*, в котором имело значение «крест, инструмент распятия Христа, символ христианства»:

Cross — «Old English *cross* "instrument of Christ's crucifixion; symbol of Christianity"» [OED].

В современном английском языке слово употребляется как глагол в прямом значении: «to go across from one side of something to the other» (пересекать, перемещаться с одной стороны на другую), а также как существительные: со значением «крест» и со значением спортивного термина «кросс» [CD]. Этот же словарь истолковывает *cross-* как часть слов, присоединяемую к существительным, значение которых предполагает включение, соединение нескольких различных вещей:

Cross — «used with nouns and adjectives meaning 'across'; combining or involving different things» [Там же].

Исследуемый компонент проявляет гораздо более низкую активность по сравнению с *inter-* (1 649 дериватов). По данным электронных словарей в современном английском языке функционирует всего 208 дериватов с префиксом *cross-* [FD]. До начала XXI столетия *cross* образовал в английском языке незначительное количество производных, в котором выступил в качестве первой части сложного слова. Например, *crossword*, *crossroad*, *crossfire*, *crossover* (кроссворд, перекресток, перекрестный огонь, кроссовер). Как видим, *cross* используется в них как ономаσιологический признак, ословливающий реалии на основе «перекрещивания» элементов, именуемых второй основой сложного слова. Все образованные слова пишутся слитно, а их внутренняя форма в значительной степени стерта.

С конца прошлого столетия *cross* начинает участвовать не в процессе ословливания различных материальных денотатов, а как маркер различных типов взаимодействия людей. Предыдущая характеристика *mutual cooperation* — «взаимное сотрудничество» заменяется обозначением «перекрестного» взаимодействия, более эксплицитно выраженного в иконическом элементе *cross*. В определениях, в большей степени отражающих видение глобализационных процессов как двустороннего взаимодействия, *cross* получает написание через дефис,

что имплицитно его регулярное использование как структурного элемента в модификационных словообразовательных моделях. Например, *cross-border cooperation, cross-cultural communication*, переводимые на русский язык с помощью компонентов *кросс-* или *транс-*: *трансграничное сотрудничество, кросс-культурная коммуникация*. Именно последнее новообразование принесло префиксу всемирную известность, благодаря его участию в наименовании модной области гуманитарных исследований: *cross-cultural communication*. Понятие «межкультурной коммуникации» было предложено в 1950-е годы американским антропологом Э. Холлом в разработанной им программе адаптации для американских дипломатов и бизнесменов. Спустя несколько десятилетий, с ростом миграционной активности и различных форм мобильности населения планеты, оно приобрело статус одного из активно разрабатываемых направлений гуманитарных исследований.

Согласно данным НКРЯ, заимствованное из английского языка слово *кросс* начинает окказионально употребляться в начале XX в. в рамках боксёрской терминологии: «Удары «кросс» (*cross*) и «хук» (*hook*) наносятся немного ближе, но совершенно в той же позиции, как и прямые» (1917 г.); «– Ловко, Смис! *Ara, ara! Смотрите, дэбль-кросс! Ставлю фунт за Борна!*» (1925 г.) [НКРЯ]. Другой спортивный термин *кросс* обозначает «спортивный бег, или гонки по пересеченной местности» [БТСРЯ]. Заимствованное в первой половине XX века слово *кроссворд* настолько прижилось в русском языке, что две части данного словосложения уже не вычленяются языковым сознанием.

В материалах «Новые слова и значения» 60-80-х гг. дериваты с компонентом *кросс* отсутствуют [НСЗ 60; НСЗ 70; НСЗ 80], в материалах 1990-х гг. зафиксировано 26 единиц, относящихся к профессиональной лексике: *кросс-курс* («Одновременно были установлены кросс-курсы по отношению к валютам стран-участниц союза»), *кросс-операция* («В Эстонии приобретают популярность кросс-операции при посредничестве российских рублей»), *кросс-разработка* («Вновь берется на вооружение известный с незапамятных времен принцип

кросс-разработки, когда инструментальная платформа (где создается программа) и целевая операционная платформа (где она исполняется) не совпадают») и т. п. [НСЗ 90: 358–368].

Анализ случаев употребления префикса *кросс-* (733 случая) на основе данных НКРЯ позволяет зафиксировать факт роста его продуктивности на рубеже XX — XXI вв., представленный на следующем графике (рис. 12):

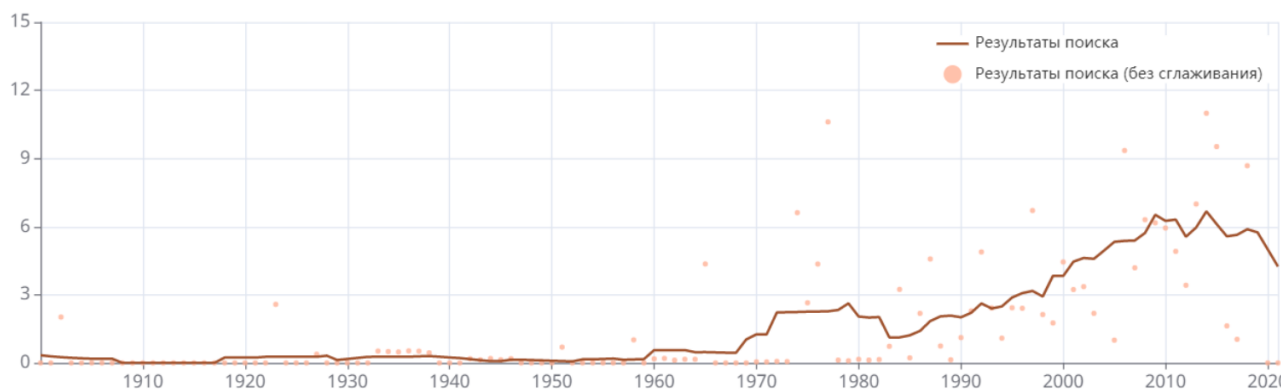

Рис. 12. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1970 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *кросс-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

С конца 90-х годов прошлого столетия в дискурсивных практиках экономического, социологического и гуманитарного профиля начинает активно использоваться сочетание *кросс-культурная (межкультурная) коммуникация*. Примечательно, что собственная форма с *меж-* употребляется значительно чаще, чем прямое заимствование (742 000 результатов по запросу *межкультурная коммуникация* в поисковой системе Google при 76 800 по запросу *кросс-культурная коммуникация*).

Модный термин активным образом эксплуатируется российскими учеными. Так, запрос по ключевому слову *кросс-культурный* в российской системе индексирования e-library дает 612 статей (*кросс-культурный менеджмент, анализ, диалог, потенциал, подход* и др.); запрос по ключевому слову *кросс-культурная* дает еще большее (735) количество статей (*кросс-культурная коммуникация, психология, компетенция, компетентность, адаптация, среда, модель образования* и др.). Включение в запрос слова *межкультурный* дает, однако,

значительно более высокие результаты: около 2500 для поиска по прилагательному в мужском роде и около 16 000 статей для поиска по прилагательному в женском роде. Такое огромное количество статей, нацеленных на изучение вышеуказанных форм, являет собой эксплицитное свидетельство вовлеченности российских ученых в процессы интернационализации исследований в области экономики, педагогики, лингвистики, культурологии и т.п.

Примечательно, что английское существительное *cross-culture* имеет только форму прямого заимствования *кросс-культура*, что можно объяснить устоявшейся конвенцией присоединения приставки *меж-* только к прилагательным.

3.3. Препозитивный компонент *транс-*

Компонент *trans-* восходит к латинскому предлогу, употреблявшемуся в пространственном значении «через, сквозь, над» и описывается словарями как словообразовательный элемент со значениями «через, сквозь, кроме, на другой стороне»:

«Trans- from Latin *trans* (prep.) "across, over, beyond" word-forming element meaning "across, beyond, through, on the other side of, to go beyond"» [OED].

Оксфордский словарь 1990 года издания фиксирует употребление префикса в производных в четырех значениях: «через, вне»; «на другую сторону чего-либо»; «сквозь»; «(переход) в другое состояние или место»:

«trans- prefix 1. across, beyond (*transcontinental*; *transgress*). 2. on or to the other side of (*transatlantic*). 3. through (*transonic*). 4. into another state or place (*transform*; *transcribe*)» [COED 1990: 1295].

Акциональная составляющая семантики префикса обуславливает его присоединение не только к основам существительных или прилагательных, но и к глаголам. Например, *transport* — «to take something/somebody from one place to another» (перевезти что-то / кого-то из одного места в другое); *transit* — «to go 'across'» (идти через); *transmit* — «to pass on from one person or place to another; broadcast» (передавать от одного человека другому или из одного места в другое;

транслировать); *transplant* — «to put someone's organ into another person» (пересадить чей-то орган в тело другого человека); *translate* — «carry one language 'across' to another» (передавать один язык через другой); *transform* «to change completely the appearance or character of something or someone» (полностью изменить внешность или характер чего-то или кого-то) [MD] и др. Согласно данным электронной словарной базы «The Free Dictionary» в современном английском языке функционируют 1 025 дериватов с префиксом *trans-* [FD].

Вышеприведенные примеры, как и перечень значений в словарной дефиниции, позволяют не только увидеть логику перехода от одного значения к другому, но и проследить их непосредственную связь с развитием технологических возможностей человечества. Лингвокогнитивный вектор семантических преобразований компонента *trans-* вполне очевиден: пересечение или преодоление пространства ведет к выходу за его пределы, в то же время выход из одного состояния в другое дает эффект преобразованной субстанции, или трансформации. В результате префикс образует производные с локативным значением преодоления пространства (*transit, transatlantic*), с интерактивным значением «передачи чего-либо от одного субъекта к другому» (*transplant*) и с трансформационным значением превращения одного объекта или состояния в другое (*translate, transform*). Данные словообразовательные модели становятся все более продуктивными как в современном английском, так и в русском языке. Наиболее ранними следует признать производные с локативным значением.

Существительное *транспорт* было заимствовано русским языком в первой четверти XVIII в. из французского языка [Черных 1999b: 257–258] и получило на почве принимающего языка дериваты *транспортировать* и *транспортировка*. Многие прилагательные с данным префиксом представляют собой адаптированные к принципам русской морфологии заимствования: *трансгалактический, транскосмический, трансатлантический*, либо присоединения заимствованного префикса к российским топонимам: *транскавказский, транссибирский* и др. Сочетаемость адъективных производных сводится, в основном, к

существительным со значением движения или средств передвижения (*трансгалактический полет, трансатлантический лайнер* и др.), а также к существительным со значением объектов, локализованных на «пересекаемых» территориях (*транскавказская магистраль, трансатлантический кабель* и др.). Довольно часто в качестве определяемых выступают также организации или объединения, деятельность которых распространяется на гетерогенную территорию: *трансатлантическая корпорация, трансатлантический альянс* и т.п.

В русском языке новейшего периода особую популярность получает прилагательное *трансграничный* со значением «связанный с пересечением границ, выходящий за пределы государства» [НСЗ 80: 821]. Определение функционирует параллельно с содержащими автохтонные приставки прилагательными *приграничный, межграничный*, или, напротив, английский префикс *кросс-:* *кросс-граничный*. Отметим, что поисковая система Google предоставляет практически вдвое больше результатов по запросу *трансграничный* (550 000), чем *кросс-граничный* (224 000).

Кроме существительного *сотрудничество*, чаще всего *трансграничный* характеризует объекты, относящиеся к области экономики: *зона, проект, предпринимательство, сделка, торговля* и т.п. В медиа-дискурсе встречаются высказывания, которые представляют собой нагромождение модных терминов с соответствующими префиксами во всевозможных вариациях, например: «*Трансграничное сотрудничество России и Евросоюза между (де-)секьюритизацией и парадипломатией: в поисках новых подходов к cross-border governance*» [Яровой 2021].

К области заимствований из английского языка относится также прилагательное *трансрегиональный* с той же сочетаемостью, что и *трансграничный*. Образованное от него существительное *трансрегионализм* используется в качестве термина в современном экономическом дискурсе со значением «создание интегрированных объединений между различными региональными кластерами, не привязанных к географическому фактору» [Ефремова 2017: 68]. От

прилагательного *транснациональный*, чаще всего характеризующего корпорации с международным капиталом, возникает терминологема *транснационализм*. Необходимость ее введения в научный оборот мотивируется российскими учеными тем, что «при помощи новой терминологии («транснационализм» и «транслокальность») исследователям будет легче описать <...> миграционные явления, связанные с процессами стремительной глобализации мировой экономики и международных отношений» [Бабашкин 2021: 903]. Под *транслокальностью* (*translocality*), в свою очередь, понимается ситуация, в которой человек постоянно меняет место проживания и место работы. Данное состояние описывается также с помощью термина *трансмиграция*, субъекты которой получают название *трансмигранты*.

Рост продуктивности дериватов с префиксом *транс-* в экономическом дискурсе вызван увеличением числа субъектов, форм и типов международного экономического и геополитического сотрудничества, ростом потоков и типов мобильности населения, что приводит к активизации локативной словообразовательной модели.

Следующая группа производных с префиксом *транс-* основана на словообразовательной модели, обозначающей смену субъектов или объектов действия. Дериваты данного ряда представляют собой прямые заимствования из английского языка: *трансляция* — передача на расстояние речи, музыки, изображения средствами радио или телевидения; *трансмиссия* — совокупность механизмов для передачи движения от двигателя к рабочим частям машины, *трансплантация* — пересадка органов от одного человека к другому.

Более поздние заимствования относятся к области экономики. Важным термином становится существительное *транзакция* (англ. *transaction*), имеющее в языке-доноре значение «an occasion when someone buys or sells something, or when money is exchanged» (ситуация, в которой кто-либо покупает или продает что-либо, или ситуация обмена денег) [CD]. В словарях русского языка *транзакция* описывается как многозначное слово: «1. Юридическое или

политическое соглашение, сопровождающееся взаимными уступками. 2. Перевод денежных средств (в том числе и за границу) для каких-либо целей. 3. Перепродажа акций, облигаций и иных ценных бумаг (в том числе и своих)» [НСРЯ]. В связи с регулярностью появления термина при осуществлении различных операций в банке, *транзакция*, получает, однако, в русском языке основное значение банковской операции.

Широкое распространение получило также заимствование *трансфер*, которое в силу семантической непрозрачности транслитерированной основы подвергается опрощению⁴. В современном английском языке глагол значительным образом расширил свою сочетаемость, включив в синтагматический ряд существительные не только с конкретным, но и с абстрактным значением (*transfer of information, data, knowledge*). Соответственно поменялась и сочетаемость существительного *transfer*: *intellectual, language transfer* и др. В сущности, слово стало модным обозначением для операции передачи самых различных объектов.

Все эти употребления копируются на почве русского языка, одно из них получает свое метонимическое развитие: существительное *трансфер* начинает обозначать сумму денег, выплачиваемых какому-либо спортивному клубу за переход игрока в другую спортивную команду: «Команда пополнилась Деннисом Лоу, за которого был уплачен рекордный по тем временам трансфер» [НСЗ 90-3: 1118]. Слово начинает использоваться в гуманитарных науках, особенно в культурологии и лингвистике, например: *культурный, лингвокультурный, межъязыковой трансфер; трансфер знаний, технологий, инноваций* и др. В филологическом дискурсе термин *трансфер* начинает вытеснять привычное сочетание *межъязыковая интерференция*, например: *позитивный и негативный трансфер при обучении русскому языку словацких студентов*. В качестве причин его предпочтения привычному термину следует указать не только

⁴ Заметим, что процесс опрощения характерен также для английского слова *transere*, в который глагол пришёл из французского *transférer*, образованного, в свою очередь, от латинского *trans* «через» + *ferre* «носить» [OED].

экономность однословной номинации или следование языковой моде, но и более динамичную семантику, присущую префиксу *транс-*.

Транс-образования различного типа активно присутствуют в филологическом дискурсе. Так, в сборнике «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» в вводной статье под названием «Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов» встречаем такие инновации, как *трансязыковой текст, фонетическая трансференция, транскультурный диалог, транскультурная компетенция, транскультурное влияние, транслингвальная ситуация, транслингвальность, транслингвизм* [Прошина 2016: 6–9].

Третий тип словообразовательной модели, получающей особую востребованность в современный период, основан на трансформационном значении префикса *транс-*, то есть обозначает переход некоторого объекта из одного состояния или качества в другое. В качестве общего имени данного словообразовательного ряда выступает давно заимствованное существительное *трансформация*. Согласно данным НКРЯ, частота употребления слова стремительно выросла с 2000 года, что, безусловно, связано с эпохой перемен экономического и социально-культурного характера в России.

Вхождение России на рубеже XX — XXI столетий в глобализационное пространство привело к тому, что ряд давних заимствований из различных терминологических областей (*транслитерация, транскрипция, транспонирование* и др.) пополнился новыми лексическими единицами, обозначающими гендерные трансформации человека. Популяризируемая на западе идея свободы гендерного самоопределения вместе с возникновением медицинских технологий ее реализации вызвала необходимость появления соответствующих префиксальных номинаций: *трансгендерный* [wiki], *трансгендер* [Там же], *транссексуал, транссексуалка, транссексуальность, транссексуальный* [НСЗ 90-3: 1116–1117]:

— «В Германии транссексуальность не считается извращением или причудой психически ненормальных людей. КПр 20.6.95»;

— «Транссексуальные женщины обычно влюбляются в «нормальных» — гетеросексуальных, которых, конечно же, не устраивает лесбийская связь. *АиФ (Пб)*, 1994, 25» [Там же].

Калькированные сочетания *транс-мужчина*, *транс-женщина* получают написание через дефис, как и некоторые другие: *транс-вечеринка* [katehon.com 2021], *транс-бар* [aviasales.kz 2019].

На почве русского языка происходит лексикализация префикса, его переход в существительное со значением трансгендерного лица:

— «Я уверен, что ты знаешь этих трансов» [rikabu.ru 2014];

— «Эти транссы непонятные угрожают вашим детям» [currenttime.tv 2020].

Употребление данных слов маркировано контекстом западных либеральных ценностей, вызывающих очевидное лингвокультурное сопротивление россиян. Ярким примером неприятия инноваций данного типа может служить заголовок в «Аргументах и Фактах»: «Америка в транс. Элита в США стала самой нетрадиционной за всю историю» [«АиФ» 2022]. В основе используемого в нем приема языковой игры лежит омонимия новообразованного существительного *транс* с восходящим к французскому языку состоянием (*transir* «оцепенеть»): «быть в транс».

Префикс *транс-* как маркер видоизмененного состояния активным образом используется также в образовании терминообозначений в различных областях гуманитарного знания (*транскультура*, *транскультурация*, *транскультурализм*, *трансгуманизм*). Данные номинации еще не получили четких дефиниций, а попытки их определения вызывают вопросы в целесообразности построения данных концепций. Так, *транскультура* характеризуется как «особое состояние человека, освобождённого культурой от природы и культурологией от культуры» [Эпштейн 2004: 625]. Под *транскультурацией* предлагается понимать синтез двух происходящих одновременно процессов — аккультурации и декультурации, то есть приобретения черт чужой культуры и утраты своих собственных

[Там же]. Реализация данных проективных транскультурных образований подразумевает «синтез двух взаимобратно направленных экзистенциальных состояний, что способно дать в результате онтологический ноль» [Шкапенко, Шаповаленко 2022: 91]. Иными словами, проекты транскulturации способны привести к «смерти аутентичности» [Цирулев 2020]. Различные версии «обновления» человека заложены в идеях *трансгуманизма*, ищущего способы управления геномом человека и борьбы со старением с помощью регенеративной медицины или киборгизации человека.

Названные выше факторы обуславливают значительное усиление активности компонента *транс-* (НКРЯ насчитывает более 10 000 словоупотреблений при снятой омонимии) особенно в последние десятилетия, что подтверждает следующий график (рис. 13):

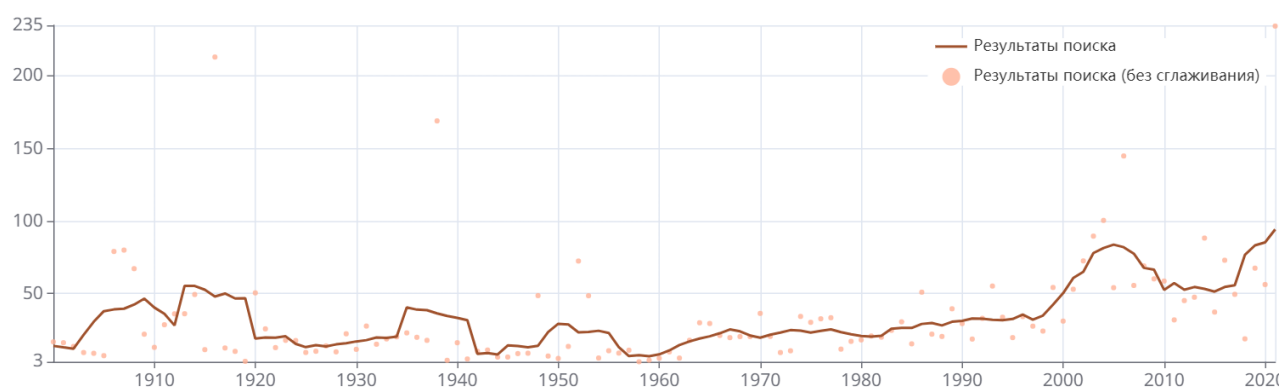

Рис. 13. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 г. по 2021 г. употребления префиксативного компонента *транс-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Таким образом, префикс *транс-* образует целый ряд дериватов по трем основным моделям: локативной, интерактивной и трансформационной, степень продуктивности которых обусловлена различными экстралингвистическими факторами.

§ 4. Препозитивные компоненты *моно-, поли-, мульти-, гомо-, гетеро-*

4.1. Препозитивные компоненты *моно-, поли-, мульти-*

Выражение множественности / единичности, однородности / неоднородности в языке осуществляется как с помощью грамматических категорий, так и с помощью словообразовательных и лексических средств. Идентификация данных состояний объекта в науке осуществляется преимущественно с помощью префиксов латинского и греческого происхождения. Анализ их участия в образовании соответствующих терминологических единиц в синхронно-диахронической перспективе позволяет обнаружить, что роль и функции, выполняемые компонентами *моно-, поли-, мульти-, гомо-, гетеро-* в различные периоды существования человечества изменяются.

Компоненты *моно-* / *поли-* используются как маркеры единичности / множественности в интернациональных лексических единицах, относящихся к области естественных наук, в первую очередь, химии и биологии: *монокромный / полихромный, моновалентный / поливалентный* и т.п., а также социальных и гуманитарных наук: *моногамия / полигамия, монотеизм / политеизм* и др.

Интернациональный словообразовательный формант *моно-* (*моно-*) восходит к древнегреческому прилагательному *μόνος* со значением «единичный, одинокий; содержащий один элемент»:

Mono — «word-forming element of Greek origin meaning "one, single, alone; containing one (atom, etc.)," from Greek monos "single, alone"» [OED].

В английском языке *моно* может употребляться как существительное и как прилагательное в значении «звук, транслируемый из одного источника» («recorded or broadcast sound that comes from a single direction» [CD].

Из 1022 английских слов, содержащих префикс *моно-* [WE], только незначительная часть относится к словам, возникшим в начале текущего столетия. Это филологические и культурологические термины: *monolingual, monoculture, monoethnic*. Их появление и активизация в гуманитарном дискурсе различной

направленности связаны с необходимостью обозначения тех явлений и фрагментов действительности, которые представляют собой своего рода антиподы соответствующим бинарным или множественным образованиям, отражающим современные реалии: *bilingual, multicultural, multiethnic*.

В русском языке слова с *моно-* заимствуются двумя способами: с сохранением интернационального терминологического элемента *моно-* (*monochromatic* — *монохроматический*), или с заменой его на *одно-*, в котором корень *одн-* присоединяется к основе с помощью интерфикса *о-*: *monobasic, monosyllabic* — *одноосновный, односложный*. В отдельных словах, давно функционирующих в русском языке, *моно-* подвергается опрощению и практически уже не вычленяется в качестве приставки, например: *монокль, монолитный, монолог* и некоторые другие.

В словарях русского языка *моно-* описывается как:

«Начальная часть сложных слов, вносящая значение: одно, едино (*монография, монолитный, монотеизм* и т.п.)» [НСРЯ].

Вслед за английским языком в моду входит термин *монолингвальный*, соответствующий определению «толковый», или «одноязычный» словарь. Другие немногочисленные образования новейшего периода также относятся к области гуманитарного дискурса: *моноэтнический, мононациональный, монокультурный*. Например:

— «Археология знает культуры и моноэтнические, и полиэтнические, и характеризующие более сложные ситуации, и не соответствующие этносам, и во все неопределимые в этническом отношении» (2003 г.);

— «Сейчас можно создать что-то новое в противовес той монокультурной экономике, которая у нас сложилась» (2015 г.) [НКРЯ].

Слов, образованных с *моно-* в препозиции, фиксируется значительно меньше, чем в английском языке — например, словарь Т.Ф. Ефремовой включает 57 единиц, все из которых представляют собой термины [Там же]. Согласно данным НКРЯ, частотность употребления *моно-* (7 925

словоупотреблений) усилилась лишь в последнее десятилетие (см. рис. 14), что связано с действием обозначенных нами экстралингвистических факторов:

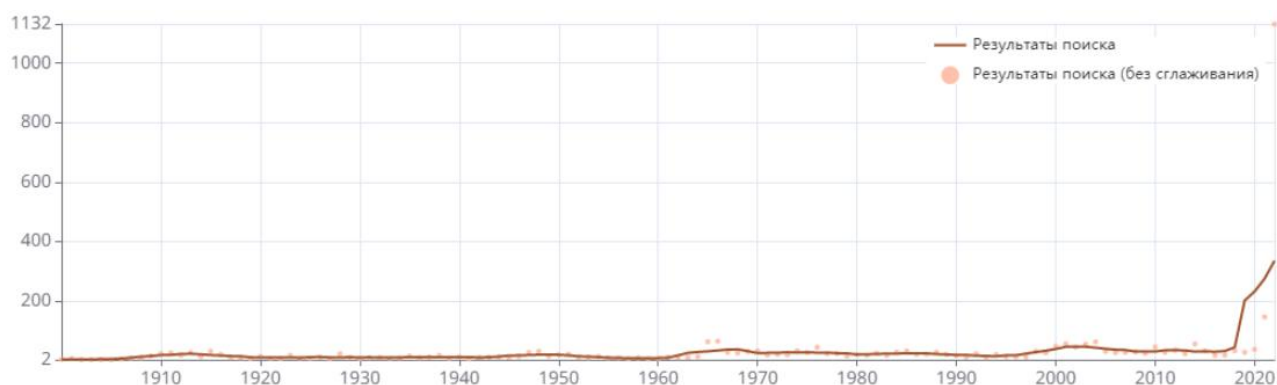

Рис. 14. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *моно-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Образованиям с *моно-* семантически противоположны образования с *поли-*, префиксом, восходящим к древнегреческому прилагательному *πολύς* со значением «многочисленный»:

Poly — «word-forming element meaning from Greek *polys* "much"» [OED].

Современные словари английского языка описывают *poly-* как префикс со значением «больше, чем один», участвующий в образовании существительных и прилагательных, например, *polysemous* (полисемический), *polygamy* (полигамия): «*poly-* more than one: used with some adjectives or nouns» [MD]. Из 1430 дериватов с *poly-* в английском языке абсолютное большинство представляют собой терминологемы из области химии, социологии, религии и филологии. С конца XX столетия, однако, данный префикс утрачивает свою активность, уступая место префиксу латинского происхождения *multi-*.

Морфемный статус *поли-* в русском языке определяется как префикс [БЕ] или же первая часть сложных слов [НСРЯ; РГ–80: 241–242], словарь «Аффиксоиды русского языка» относит *поли-* к префиксоидам, выделяя два основных значения: 1. «связанный с множественным проявлением того, что указано в слове далее: *поливозрастной, полигенный, полижанровый, поликомпонентный, полимагистраль, политеизм, полиэкран*»; 2. «имеющий разнообразную,

сложную структуру, состоящий из разных компонентов (о том, что указано в слове далее): *полигибриды, поликардиограмма, поликормá, поликристаллы, поликультура, полисемантический, полифония, полиэтнос*» [АРЯ: 190].

Компонент используется в терминообозначениях различных областей науки и культуры: *полиакриловый, полимеры, поливитамины, полиартрит, полисемия* (при отсутствии предполагаемых антонимичных номинаций с приставкой *моно-*).

Согласно данным НКРЯ, частотность употребления *поли-* (8 535 случаев словоупотребления) на протяжении XX века и первых десятилетий XIX столетия не демонстрирует значимых изменений (рис. 15):

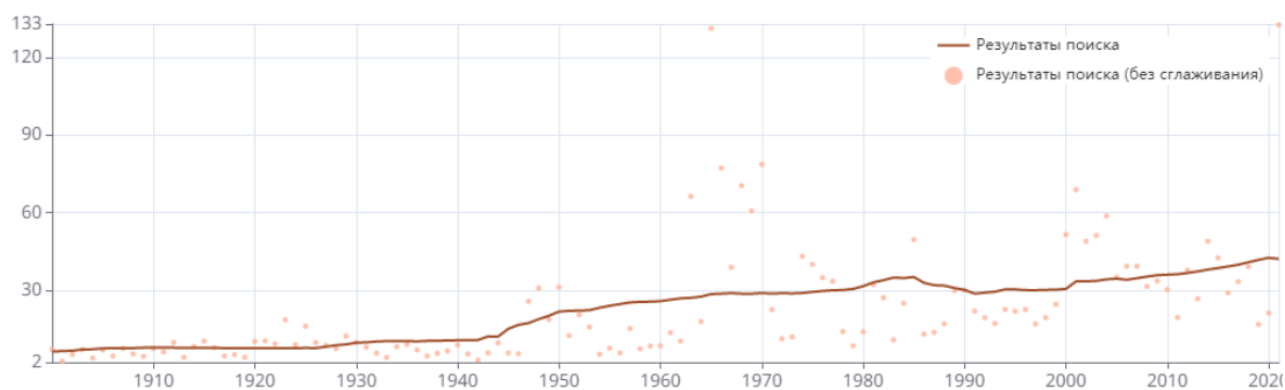

Рис. 15. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *поли-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

В целом, образований с *поли-* значительно меньше, чем в английском языке, к числу собственных терминов следует отнести образованное в лингвосемиотике определение *поликодовый*, номинирующее текст, включающий в себя элементы различных семиотических кодов. «В научной литературе поликодовые тексты называются в работах ученых по-разному: креолизованные тексты; поликодовые, синкретические, изовербальные, визуально-словесные, мультимодусные, гетерогенные, мультимедийные, семиотически осложненные, семиотически неоднородные» [Мыслицкая, Серeda 2018: 87]. В англоязычном дискурсе тексты данного типа предпочитают именовать как *мультимодальные* — *multimodal texts*.

Использование префикса *поли-* характерно и для других областей новейших гуманитарных исследований, в которых терминоэлемент часто конкурирует с *мульти-*: *поликультурный* (64 000) и *мультикультурный* (255 000), *полиэтнический* (12 200) и *мультиэтнический* (134 000), *полижанровый* (9 020) и *мультижанровый* (33 100), *поликкомпонентный* (80 700) и *мультикомпонентный* (111 000) и. т. п.⁵.

Этимологические словари обращают внимание на этот факт конкуренции, отмечая, что древнегреческому по происхождению компоненту *поли-* соответствует *мульти-* («*poly...* equivalent to Latin *multi-*»), восходящий к латинскому прилагательному *multus* со значением «многочисленный» («Latin *multus* "much, many"») [OED].

Словообразовательный формант имеет высокую продуктивность в английском языке (1 689 дериватов [FD]), участвуя в номинациях следующих типов объектов и их признаков:

— объектов, которые имеют одновременно множество функций и множество способов использований: *multiplex*, *multitrans*, *multimedia* (*мультиплекс*, *мультитранс*, *мультимедиа*);

— характеристик объектов и явлений, основанных на множестве параметров: *multifunctional*, *multicomponent*, *multifaceted*, *multidimensional*, *multimodal* (*мульти-* *-функциональный*, *-компонентный*, *-аспектный*, *-мерный*, *-модальный*);

— социально-культурных и политических феноменов, отражающих тенденцию современного мира к усилению мобильности населения и стремлению к многообразию — этническому и культурному: *multiethnic*, *multinational*, *multicultural*, *multiracial* (*многонациональный*, *мультикультурный*, *многорасовый*) [Там же].

⁵ В скобках указано количество результатов по запросу в поисковой системе Google, иллюстрирующее, насколько чаще на современном этапе употребляется компонент *мульти-*.

Достаточно агрессивная политика внедрения идей мультикультурализма в систему ценностей современного западного общества вызывает в качестве обратной реакции появление неформального определения *multiculti*, представляющего собой усечение от *multicultural*. В английском языке оно получает значение «человека, который продвигает ценности мультикультурализма и помечено как «уничижительное» (derogatory) [wiki].

Примечательно, что в английском языке *multi-* может получать статус корневой морфемы и рассматриваться как «препозитивная радикальная часть сложных слов английского языка» в составе прилагательного *multiple* [Ваганова 2014: 38].

В русском языке, согласно корпусным данным, компонент *мульти-* начинает использоваться впервые во второй половине XIX в. в составе заимствованного термина *мультипликатор* в значении «гальванометр» («Дюбуа-Реймоном приведены удовлетворительные доводы в пользу того, что и довольно сильные униполярные разряды не могут отразиться на игле мультипликатора» [НКРЯ, 1884]). Позднее, в первой половине XX в., корпус фиксирует слова *мультипликация*, *мультипликаторный* в более привычном для носителя современного русского языка значении «анимация»: «Эта фильма сделана по новому мультипликаторному (рисовальному) способу» [Там же, 1925]. С развитием анимационной техники в русском языке получает широкое распространение слово *мультифильм*, в котором *мульти-* представляет собой результат усечения, а затем, в разговорной речи подвергается универбации с одновременной диминутивной суффиксацией: *мультик*.

Увеличение словообразовательной активности форманта *мульти-* наблюдается, согласно данным НКРЯ, с начала XXI в., в чем видится непосредственное влияние лингвокультурной англоглобализации. Как показывают корпусные данные, *мульти-* только начинает развивать свою деривационную активность в современном русском языке, не имея такой долгой и богатой традиции терминологического употребления, как *поли-* и *моно-*. Несмотря на меньшее, по

сравнению с *поли-* и *моно-*, количество зафиксированных употреблений производных с *мульти-* (всего 2 342 случая) в НКРЯ, тенденция к резкому усилению частотности в течение последнего десятилетия представляется очевидной (рис. 16):

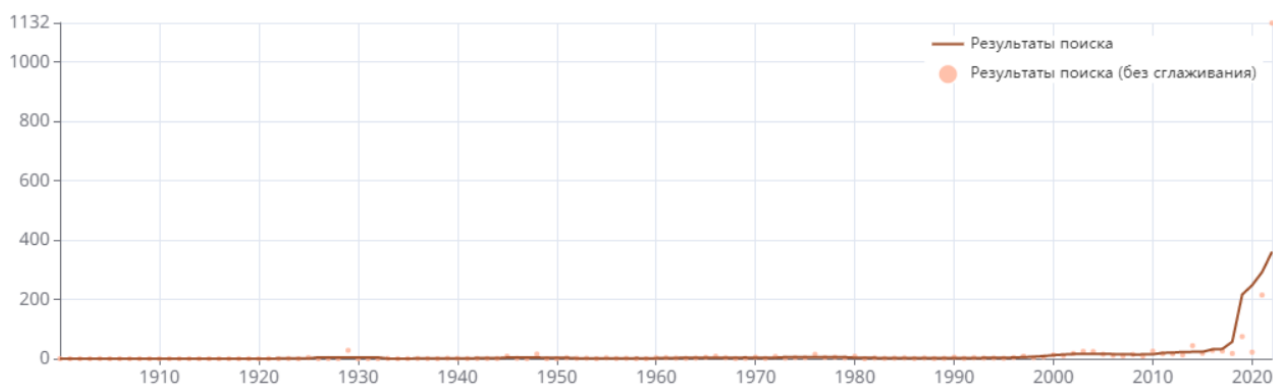

Рис. 16. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 г. по 2022 г. употребления префиксативного компонента *мульти-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Обозначенная выше тенденция проявляет себя в переносе на почву русского языка:

— различных наименований социокультурного плана: *мультинациональный* (1992 г.), *мультикультурный* (1997 г.), *мультирегиональный* (2004 г.) и т. п. [НКРЯ];

— обозначений мультифункциональных объектов: *мультипак* («контейнерная упаковка, включающая несколько единиц индивидуально упакованного товара» [НСЗ 90-2: 882-883]), *мультиплекс* и *мультиплексный* («*Две трети будапештских зрителей предпочитают смотреть фильмы в новых, очень современных мультиплексных кинотеатрах. К, 1998, 30*» [Там же: 883–884]), *мультикоптер* [wiki], *мультиварка* [Там же] и т. п.;

— обозначение гетерогенности информационного пространства и соответствующих ему способов восприятия, исследования, потребления: *мультимодальный*, *мультипрограммный*, *мультипараметрический* [АРЯ: 160] и т. п.

В российских масс-медиа активным образом используется номинация *мульти-культи*, как пейоративное обозначение политики «перегибов» по

отношению к приезжим мигрантам. Например: «*Самоликвидирующаяся Германия*» и недавние едкие высказывания канцлера Анжелы Меркель в адрес «*мультикультури*» (модели построения мультикультурного общества)» [ng.ru 2010].

На почве русского языка никаких морфологических преобразований с компонентом *мульти-* не происходит, что можно объяснить его функционированием только в научном дискурсе или в номинативных практиках для обозначения групп вышеперечисленных объектов. В отличие от компонента *mega-*, *multi-* не подвергается экспрессивизации. На наш взгляд, словообразования *multimillioner*, *multirespect*, характеризуемые как экспрессивные Н.В. Вагановой, вряд ли выражают эмоциональное отношение [Ваганова 2014: 38]. Лексикографические источники [CD; MD; MWD; LD] без каких-либо помет истолковывают значение слова *мультимиллионер* как «очень богатый человек, у которого есть деньги или имущество стоимостью несколько миллионов долларов». («*A multimillionaire is a very rich person who has money or property worth several million dollars*» [CFOD]), а слово *multirespect* отсутствует как в словарях, так и в корпусах английского языка.

Морфологический статус *моно-*, *поли-*, *мульти-* описывается как префиксы [БЕ], начальные части сложных слов [НСРЯ] или префиксоиды [АРЯ]. Анализируя дериваты с формантом *мульти-*, Н. В. Ваганова приходит к выводу, что морфема *мульти-* (как и, по нашему мнению, смежные с ней по своей природе компоненты *моно-* и *поли-*) подвергается процессу «генерализации и типизации её значения» [Ваганова 2013: 39]. Вследствие своей «абстрактной» семантики *моно-*, *поли-*, *мульти-* не способны употребляться в современном русском языке в качестве производящей основы. Соглашаясь, в целом, с автором, следует, однако, вспомнить, что прецедент радикации префикса на почве русского языка уже существует с слове *мультик*. Следовательно, окказиональные случаи перехода префиксального компонента в корневую морфему имеют место.

4.2. Препозитивные компоненты *гомо-*, *гетеро-*

Многообразие форм существования общества, индивида и медиапространства привело к активизации префиксов греческого происхождения, используемых чаще всего в эксплицитной или имплицитной оппозиции друг к другу: *гомо-* / *гетеро-* (*homo-* / *hetero-*). Указанные словообразовательные компоненты были заимствованы европейскими языками из древнегреческого, где функционировали в качестве прилагательных *ὁμός* «одинаковый, тот же» и *ἕτερος* «различный, другой» [ДРС: 1171; Там же: 677–678; GEL]. Согласно этимологическим данным, оба прилагательных восходят к индоевропейскому корню **sem-* «один», получившему ряд когнатов в европейских языках (ср. лат. *similis*, англ. *same*, рус. *сам* и др.) [OED]. Если греческое производное *ὁμός* сохраняет исходное значение индоевропейского корня, то *ἕτερος* является результатом сложения корня **sem-* и второго элемента со значением противопоставления **-ter* (ср. лат. *al-ter*, др.-англ. *o-ðer* «другой») [Там же]. Как видим, несмотря на общность происхождения, древнегреческие прилагательные представляют собой маркеры двух частей дихотомии и обладают противоположной семантикой однородности / неоднородности.

Следует отметить, что второй вариант фонетической адаптации компонента *ὁμός*: *омо-* получил в русском языке привязку только к лингвистическому курсу. *Омо-* употребляется в русском языке в составе заимствованного термина *омоним* (*ὁμόνυμος* «носящий то же имя; грам. одноименный, (г)омонимный» [ДРС: 1171], а также для именованя видов омонимов (*омограф*, *омофон*, *омоформа*).

История функционирования *homo-* / *hetero-* в английском языке начинается с заимствования латинских терминов *homogenēs* и *heterogenēs* (*homogeneous* / *heterogeneous*), используемых первоначально в естественных науках для идентификации субстанций на основе признака однородности / неоднородности. Употребление данных терминов начинается с начала XVII в. в биологии,

постепенно расширяясь на другие дисциплины: химия, медицина, геология, математика, физика, информатика и социология [OED]. В качестве определяемых основ в естественных науках выступают чаще всего химические составы, смеси, реакции и т.п. (*substances, mixtures, reactions* и т.п.). Использование данных компонентов в составе терминообозначений в других науках являлось до конца XX в. нерегулярным и зачастую конкурировало с получившими более раннее закрепление компонентами *mono-* / *poly-* [Там же]. Так, интернациональные термины *моногамия* и *полигамия* в английском языке получают также дублет: *homogamy* / *heterogamy*, *polycyclic* / *multicyclic*, хотя подавляющее большинство имело только одну форму: *polyhybrid*, *poliglotism* и др.

В конце XX столетия характеристики гетерогенности / гомогенности переносятся из области естественных наук в область гуманитарных исследований, особенно социологии, культурологии и лингвосомиотики. Регулярно используемыми в рамках гуманитарного дискурса становятся коллокации следующих прилагательных с существительным *heterogeneity* (гетерогенность): *demographic*, *ethnic*, *racial*, *religious* (демографическая, этническая, расовая, религиозная и др.).

Особую социокультурную значимость префиксы приобретают в рамках протекающей в Америке и других западных странах политики реабилитации гомосексуальной ориентации и поощрения многообразия форм сексуальной активности людей. Научной основой для внедрения новых взглядов на природу однополых контактов стала международная классификация заболеваний МКБ-10 1990 г., которая не рассматривает гомосексуальность в качестве патологии [МКБ-10]. С последней четверти XXI столетия использование терминов *heterosexual* / *homosexual* выводится за пределы научного дискурса, политизируется и навязывается многим странам, вошедшим на орбиту англо-американской глобализации.

По данным электронной словарной базы современного английского языка, компонент *homo-* участвует в образовании 386 дериватов, *hetero-* — 492 [FD], что свидетельствует о достаточно высокой продуктивности компонентов.

Согласно данным НКРЯ, в русском языке определения *гомогенный / гетерогенный* начинают употребляться с конца XIX в. в трудах по химии и физике: *гетерогенное / гомогенное состояние, гетерогенная / гомогенная клетка* и т. п. [НКРЯ]. Постепенно термин становится востребованным в медицине, генетике, в различных технологических дисциплинах. Так, по запросу *гетерогенный* в системе e-library значительная часть сочетаний включает в себя термины данных наук, например: *катализатор, биокатализ, фотокатализ, гидрогель, агроценоз, шлюз, робот, сегмент сети, детонация* и т. п., но значительная часть относится также к понятиям, функционирующим в дискурсе гуманитарных наук: *текст, кластер, предикат, коллектив, текст, дискурс, предлог концепт, дизайн, этнос, речь, культура, семья, поэтика, мышление, государство* и др. Несмотря на то, что в синтагматике продолжают преобладать термины точных или естественных наук, тенденция к расширению значения и использованию термина по отношению к социальным или культурологическим процессам является очевидной.

В общей сложности в e-library насчитывается 219 сочетаний с ключевым словом *гетерогенный*, 271 — *гетерогенная* и 106 — *гетерогенное*. При этом по запросу *гомогенный* находим соответственно 97, 97 и 55 ключевых слов. Такое соотношение представляет собой эксплицитное свидетельство преобладания гетерогенных процессов в изучаемых фрагментах действительности.

Согласно корпусным данным, резкий рост словообразовательной активности компонентов *гомо-* (3 140 случаев словоупотребления) и *гетеро-* (1 235 случаев словоупотребления) наблюдается на рубеже XIX–XX вв., что представлено на графиках (рис. 17, рис. 18):

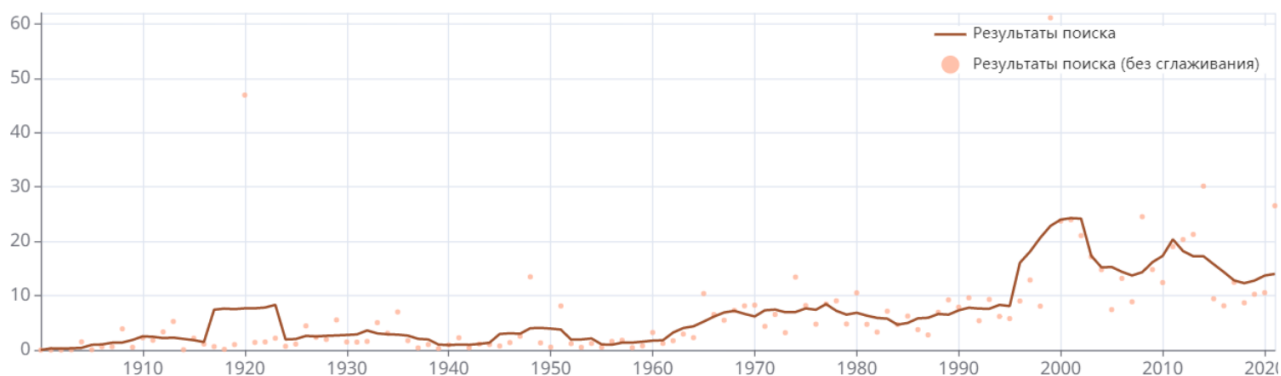

Рис. 17. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *гомо-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

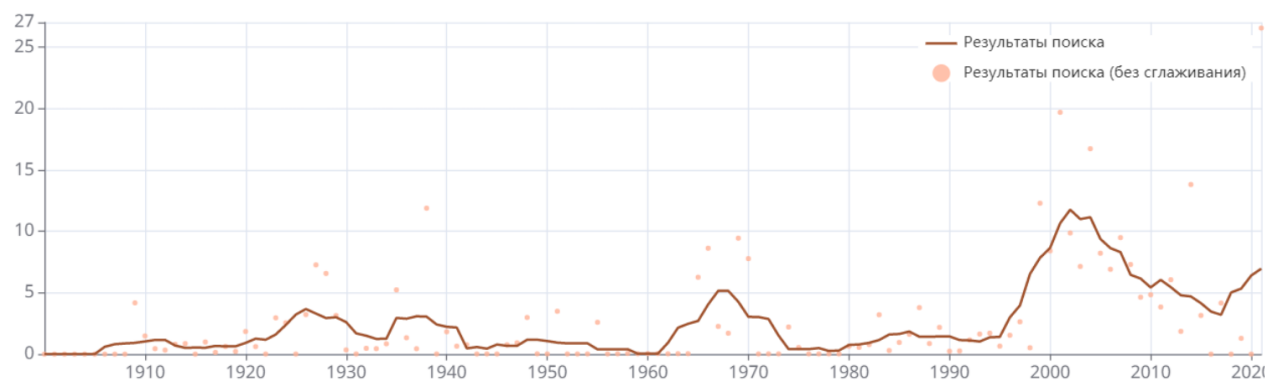

Рис. 18. Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 г. по 2021 г. употребления препозитивного компонента *гетеро-* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

С усилением миграционных процессов растет этническое, культурное, языковое и религиозное разнообразие общества. В результате характеристика *гетерогенности* становится все более востребованной в области социологии, психологии, философии, культурологии, социо- и медиалингвистики. В научной и научно-популярной рефлексии активно употребляются такие характеристики, как «*цивилизационная гетерогенность России*», «*этническая гетерогенность регионов России*», «*гетерогенность и социальное неравенство*» и т.п. [cyberleninka].

Стремительное развитие компьютерных технологий и медиатизация информационного пространства привели к возникновению семиотически осложненных текстов, получивших определение как поликодовых, мультимодальных или

гетерогенных. Например: «В гетерогенном экранном тексте мысли обретают различную материальную форму, как вербальную, так и невербальную» [Евграфова 2020: 343]. Подобные употребления свидетельствуют о происходящем процессе ретерминологизации, под которым понимается «перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным переосмыслением» [ЛЭС].

Данный процесс в еще большей степени характерен для использования префиксов *гомо-* и *гетеро-* в препозиции к основе *сексуальный*, которые вводятся в русский язык в дискурсе, посвященном не столько проблеме данного феномена, сколько описанию тех девиантных форм, которые приобрела на Западе борьба за права сексуальных меньшинств.

В русском языке рубежа XIX–XX вв. слово *гомосексуализм* используется в рамках синонимической дефиниции в словаре Брокгауза и Ефрона, истолковывающего с его помощью слова *уранизм*, *педерастия* и *мужеложество*:

«Уранизм, иначе *гомосексуализм*, греч., половая склонность к лицу своего же пола. Мужчины, которым свойственно такое половое извращение, назыв. *педерастами* или *урнингами*, женщины, предающиеся лесбийской любви, наз. *трибадами*» [БЕ].

Словарные дефиниции эксплицитным образом характеризуют данный тип сексуальных отношений как девиацию, что было закреплено законодательно в России и других европейских странах. В России однополые контакты среди мужчин подлежали уголовному преследованию с 1832 г., затем были разрешены в 1917 г. и снова причислены к преступлениям против личности (УК РСФСР, ст. 121) в 1934 г. [Клейн 2000: 60–61]. Данная статья была отменена в России в 2003 году на основании изменений в Международной классификации болезней Всемирной организации здравоохранения [МКБ-10].

Анализ данных НКРЯ позволяет констатировать, что дериваты с *гомо-* присутствуют гораздо чаще, чем с *гетеро-*: *гомосексуализм* (370 вхождений), *гомосексуальность* (59 вхождений), *гомосексуалист* (461 вхождение), *гомосексуал*

(141 вхождение), в то время как *гетеросексуализм* (2 вхождения), *гетеросексуальность* (7 вхождений), *гетеросексуалист* (4 вхождения) и *гетеросексуал* (27 вхождений) [НКРЯ].

Такая разница может быть объяснена тем, что *гетеро-* в препозиции к основе *сексуальный* возникает позднее, как результат необходимости присвоить термин представителям другой ориентации. Если обозначающие сексуальную ориентацию дериваты с *гомо-* фиксируются НКРЯ уже с 1908 г., то производные с префиксом *гетеро-* появляются лишь в 1989 г. Можно предположить, что отсутствие *гетеро-* обозначений в языке обуславливалось их соответствием прокреационным формам женско-мужских контактов, рассматриваемых обществом как естественных и нормальных и, следовательно, не требовавших отдельного лексического обозначения.

По данным e-library, феномены гомо- и гетеросексуальности редко становятся объектом анализа в российской науке: всего 15 ключевых слов, в которых *гетеросексуальный* сочетается с: *дебют, брак, путь заражения, ориентация, матрица, педофилия, идентичность*, и 28 с прилагательным *гомосексуальный*: *опыт, партнер, союз, дискурс, путь передачи ВИЧ, маскулинность, идентичность, субкультура*.

В то же время активизация указанных компонентов характерна для ненаучного дискурса, где *гомо-* и *гетеро-* используются в качестве сексуального маркера в различных существительных в разговорной речи: *гомопарень* [scryde.ru 2022], *гомопевец* [topwar.ru 2013], *гоморежиссёр* [vk.com 2012], *гомописатель* [2ch.hk 2019], *гоможурналист* [yaplakal.com 2022], *гомомужик* [mail.ru 2018] и др. Появляются дериваты со значением предназначенности объектов для лиц соответствующей ориентации: *гомоклуб* [mk.ru 2023], *гомобар* [livejournal.com 2012], *гомомагазин* [otzovy-moskvy.ru 2021], *гомосайт* [ixbt.com 2012]. Еще более примечательно наличие производных, относящихся к целостным областям культуры: *гомоискусство* [veloroad.spb.ru 2006], *гомолитература* [elibrary.ru 2018] и даже формам жизни, любви, ценностей и т.п.: *гоможизнь* [baginya.org

2018], *гомолюбовь* [liveinternet.ru 2013], *гомоценности* [rutube.ru 2022], *гомо-идеология* [objektiiv.ee 2021].

Ряд дериватов непосредственным образом указывает на геополитические источники гомосексуализации: *гомоевропа*, *гомоамерика*, *гомозапад*, а контекст их употребления свидетельствует о характере их восприятия:

— *«Россия — это вам не Зимбабве и не ваш любимый гомозапад. Так что катитесь в свою зимбабву или в гейропу»* [76.ru 2015];

— *«И нам вообще-то не нужна прогнившая гомоамерика. Не лезьте к нам и будете дальше дышать»* [topwar.ru 2014];

— *«Гомоевропа огеивает детей с колыбели... Новые евродети уже не знают кто они: девочки или мальчики. Вы не верите?»* [livejournal.com 2015].

Еще более явственно прагматический вектор оценки данных веяний прослеживается в таких разговорных производных, как давно уже бытующие *гомик* и *гомосек*, и более «свежее»: *гомосятина*, с суффиксом *-ятина*, характерным для существительных, обозначающих совокупность явлений с неодобрительной оценкой [ССА: 285]. В данных производных *гомо-* приобретает черты корневой морфемы. Кроме того, компонент начинает функционировать как полноценное существительное *гомо*. Например:

— *«Роналду признался, что он гомо, но затем поцеловался с девушкой»* [topnews.ru 2016];

— *«Этим гомо, если не в моготу, никто не запрещает делать тоже самое дома!»* [inosmi.ru 2010];

— *«В 14 лет он влюблен во всех, не разбирая пола, в 16 он гомо, в 20 он немножко гетеро, в 23 он би»* [livelib.ru 2015].

Компонент *гетеро-* проявляет меньшую словообразовательную активность, случаи использования его в дериватах, как правило, вызваны необходимостью дифференциации от *гомо-*маркированных единиц. Например: *гетеромужик* [twitter.com 2022], *гетеронарень* [vk.com 2014], *гетеросемья* [tiktok.com 2022], *гетероклуб* [astraclub.ru 2008], *гетеромир* [kinopoisk.ru 2011], *гетероценности*

[telegrammy.net 2016] и др. «Активизация в языке различных единиц со значением гомосексуальности требует наличия лексического противовеса, эксплицитным образом указывающего на «непричастность» обозначаемых субъектов или объектов к разряду гомо» [Шкапенко, Шаповаленко 2021: 136].

Компонент *гетеро-*, как и *гомо-*, хоть и значительно реже, участвует в суффиксальных образованиях в качестве усеченной основы. Так, в разговорной речи обнаруживаются также негативно маркированные неогериваты *гетеросек* или *гетеросятина*, а контекст их употребления свидетельствует о наличии противостояния между двумя группами:

— «Кроме того гетеросек вынужден идти у баб на поводу, а они существа корыстные, и верность идее хранить не в состоянии, по природе своей» [korrespondent.net 2013];

— «Что-то гетеросятина совсем мозги где-то забыла. Повинуется рабски сызмальства внушённому стереотипу, а подумать над ним даже не пытаются» [omsk.kz 2010].

Процесс радикации компонента также проявляется в появлении несклоняемого существительного *гетеро*:

— «Быть гетеро модно? Почему никто не задается этим вопросом?» [woman.ru 2022].

В лексикографических источниках морфологический статус исследуемых компонентов определяется как первая (или начальная) часть сложных слов» [БТСРЯ; НСРЯ], значение описывается следующим образом:

«ГОМО... [греч. *homos* равный, одинаковый]. Первая составная часть сложных слов, обозначающая: сходный, равный, подобный и соответствующая русскому одно..., напр.: *гомогенный*, *гомогамия*; противоп. гетеро...» [СИСРЯ: 214];

«ГЕТЕРО... [тэ] [греч. *heteros* другой, иной]. Первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению русской части разно..., напр.: *гетерогенный*, *гетеронимия*; противоп. гомо...» [Там же: 194].

В словаре «Аффиксоиды русского языка» уже фиксируется второе значение компонента *гомо-*:

гомо- 1. «(< греч. *homos* — равный, одинаковый) — сходный, равный, подобный. Многочисленное семейство часто мало похожих друг на друга зверей на самом деле в высокой степени гомогенно»; 2. «(< гомосексуальный, гомосексуал) относящийся к гомосексуализму; предназначенный для гомосексуалов. К уже существующим 160 гоможурналам прибавляется два новых» [АРЯ: 70–71].

В то же время словарь даёт более общее определение словообразовательного значения *гетеро-*, что, по всей видимости, связано с фактом его менее активного употребления в качестве маркера сексуальной ориентации:

«ГЕТЕРО... (< греч. *heteros* — другой) — основанный на различии, разности, непохожести. <...> При гетеросексуальных контактах жертвами чаще всего становятся женщины» [Там же: 65–66].

По нашему мнению, морфологический статус компонентов может быть определён при разграничении функций, выполняемых ими в конкретных производных. Так, в рамках научного дискурса компоненты *гомо₁-* / *гетеро₁-* представляют собой заимствованные префиксоиды либо префиксы со значением однородности / неоднородности того, что называет вторая часть слова или производящая основа. Также по преимуществу в разговорной речи функционируют компоненты *гомо₂-* / *гетеро₂-*, выполняющие функцию маркирования сексуальной ориентации и выступающие в роли одной из основ, участвующей в слово-сложении композитов типа *гомопарень* / *гетеропарень*, образованных в результате усечения (*гомопарень* ← *гомо*[сексуальный *парень*]). В современном русском языке *гомо₂-* / *гетеро₂-* подвергаются лексикализации и в различной степени проявляют словообразовательную активность уже в качестве корневой морфемы.

§ 5. Препозитивные компоненты *нео-*, *ре-*, *пост-*

5.1. Препозитивный компонент *нео-*

Словообразовательный компонент *нео-* восходит к праиндоевропейскому корню **нецо-* со значением «новый», имеющему ряд когнатов в европейских языках (прасл. **novъ*, лит. *naujas*, лат. *novus* и т.п.). По этимологическим данным, *нео-* ведет свое происхождение от древнегреческого прилагательного *νέος* «новый, недавний». В качестве словообразовательного форманта со значением «новый, юный, недавний» начинает использоваться в многочисленных прилагательных и существительных со второй половины XIX столетия: «*neo-* word-forming element meaning "new, young, recent" used in a seemingly endless number of adjectives and nouns, mostly coined since c. 1880, from Greek *neos*» [OED].

Словари современного английского языка определяют морфологический статус *нео-* исключительно как приставки [MD; CD; LD] со значением «новая или иная форма чего-то, что существовало в прошлом (например, теория, стиль, язык или философия)»: «*neo-*: a new and different form of something that existed in the past (such as a theory, style, language, or philosophy)» [BD]. Согласно данным электронной словарной базы «The Free Dictionary» в современном английском языке функционируют 545 дериватов с префиксом *нео-* [FD].

Достоверный анализ частотности употребления префикса *нео-* (как и префиксов *ре-*, *пост-*) осложняется высокой степенью омонимии получаемых результатов при использовании Национального корпуса русского языка. Однако факт усиления словообразовательной продуктивности данных элементов устанавливается в результате различных языковых данных в многочисленных исследованиях российских лингвистов [Злотникова, Гапонова 2017: 208; Валгина 2003: 139–140; Беляев 2017: 16; Кушнир 2011: 38; Жданова, Рацибурская 2015: 47].

Словари русского языка, как правило, описывают *нео-* как первую часть сложных слов [БТСРЯ; СИСРЯ; НСРЯ]:

«НЕО... [греч. *neos* новый]. Первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову новый, напр.: *неогегельянский, неореализм*» [СИСРЯ: 521].

Функционирование дериватов с данным префиксом имеет четкую приписанность к интеллектуальному, в первую очередь, политологическому, социологическому, культурологическому, литературному и философскому дискурсу. В качестве производящих основ чаще всего выступают наименования, присвоенные конкретным направлениям в вышеуказанных отраслях гуманитарного знания: (*нео-*) *позитивизм, дарвинизм, романтизм, импрессионизм, кантианство, гегельянство, либерализм, фашизм, колониализм, либерализм* и т.п.. Кроме того, регулярными производными являются существительные, именующие представителей данных направлений (*дарвинист, гегельянец* и т.п.), или прилагательные, маркирующие принадлежность определяемых объектов к данным направлениям (*неомарксистский, неоромантический* (теория, взгляды и т.п.). Практически все данные наименования относятся к интернациональным, присутствующим в интеллектуальном дискурсе различных языков.

Маркирование с помощью *нео-* «течений, с одной стороны оглядывающихся на прошлое истории культуры, а с другой — провозглашающих обновление определенного культурного феномена» [Зусева-Озкан 2019: 30] начинается уже в конце XIX в, когда появляются понятия «неоклассицизм», «неоромантизм» и «неореализм». Характер отношения нового к старому в терминологических обозначениях с *нео-* устанавливается по-разному. Так, словари английского языка подчеркивают незначительные изменения в состоянии понятий, получающих статус *нео-*:

«*neo-* modern, or new: used with many nouns and adjectives to make nouns and adjectives describing things that exist in the present in a slightly different form from the way that they existed in the past» («современный или новый: используется для образования существительных и прилагательных, описывающих вещи,

существующие в настоящем, в форме, немного отличающейся от той, в которой они существовали в прошлом») [MD].

Знаменательно, что словарь Д.Н. Ушакова указывает на ухудшение состояния нео-течения по сравнению с его прототипом:

«*нео* [нэ] [от греч. *neos* — новый] (книжн.). Первая часть составных слов в знач.: в новой, видоизмененной и чаще всего ухудшенной форме, напр. *неовитализм, неодарвинизм, неокантианство, неомальтузианство, неоклассицизм, неоромантизм* и т. д» [Ушаков 1938: 522].

В.Б. Зусева-Озкан, анализируя различные нео-ответвления уже в современный период, отмечает, что для ретроспективных течений свойственна широкая вариабельность, когда под «неоминацией» скрываются зачастую довольно далеко друг от друга отстоящие культурные явления» [Зусева-Озкан 2019: 30]. Полностью справедливым представляется утверждение того же автора о том, что термины с *нео*- «призывают к их пониманию сразу в двух отношениях — исторически конкретном и типологическом» [Там же]. В общем плане соотношение между новым и старым сформулировано С. А. Шавелем, который указывает, что «префикс *нео*- означает не отрицание, а переосмысление содержания базового термина, — своего рода контаминацию = новое + сохраненный инвариант прежнего» [Шавель 2015: 238].

На семантику незначительного характера изменений и сохранения прежних характеристик в новом воплощении указывается в словаре-справочнике «Аффиксоиды русского языка», рассматривающем *нео*- в качестве префиксоида:

1. «впервые появившийся, новый. *Неологизмы, чуждые духу языка, никогда не войдут в плоть и кровь его*»; 2. «пришедший на смену старому; прежний, но в новом обличье. *В определенных пределах неозападники не могут не считаться с тем обстоятельством, что западная цивилизация — результат победы разума и научного знания*» [АРЯ: 165].

Присоединение *нео*- к наименованию каких-либо течений до начала XX столетия не было высокочастотным. Использование префикса в рамках

современного интеллектуального нарратива, наряду с префиксом *post-*, стало настолько регулярным, что практически все больше утрачивает функцию идентификации, превращаясь в модный маркер, позиционирующий не только определяемое явление, но и самого говорящего, как знатока и интеллектуала. О все большем размывании семантики префикса и диффузном состоянии определяемых объектов могут свидетельствовать следующие высказывания:

— «Известно, что существует некоторый ряд авторов, которых принято относить не то к *post-*, не то к *neo-*, не то еще к какой-нибудь сомнительной трансформации авангарда» (2014 г.);

— «Чаще всего — от направлений прошлого: барокко, сентиментализма, модернизма, авангарда... Приклеиваешь «*neo*», «*post*» или «*транс*» — и можно с усталым удовлетворением откинуться на спинку кресла и попить кофе» (2013 г.) [НКРЯ].

О недолгой жизни различных течений говорится в следующей цитате:

— «... накопилось уже порядком и *neo-стилей*, когда сам стиль еще не успевает отжить, а уже воспринимается с позиции *ретро* — авангардистский способ мышления тоже не в состоянии описать нынешнюю ситуацию» (2015 г.) [Там же].

В связи с таким утверждением не являются удивительными сочетания следующего типа: *neo-ретро-проект*, *неоретроэстрада*, *неоретроавангардист*, *неоретровестерн* и т.п.

Интересной авторской трансформации префикс подвергается в известном американском фильме «Матрица» (1999 г.), в котором главный герой, хакер, живущий в мире иллюзорной реальности, получает имя Нео (англ. Neo). Интересно, что в английском языке Нео можно интерпретировать и как анаграмму к слову «*One*», которое в данном случае переводится как «Избранный». Имя героя неоднократно упоминается также в книге В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам»:

«Поэтому тогдашние фантасты и предположить не могли, что избранными, как Нео, в будущем станут все без исключения» (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014 г.)) [Там же].

В этом случае префикс *нео-* подвергается проприации, становясь не только именем собственным, но и именем героя культового фильма.

Кроме привычных, «интеллектуализирующих» функций, *нео-* в современном русском языке начинает маркировать различные объекты, которые, согласно замыслу номинатора, должны восприниматься как что-то новое. Стремление подчеркнуть новизну продаваемого продукта, характерное для рекламы, также находит свое выражение в употреблении маркера *нео-*, например:

— «Иммунеле. Неоакция для неоптимистов!» [moluch.ru 2018];

— «VK запустил рекламу новой умной колонки VK Кансула Нео» [sostav.ru 2023].

Версий написания *нео-* с определяемой основой достаточно много, среди них преобладают дефисное или слитное написание, кроме того, *нео-* стоит не только в препозиции к определяемому, но и в постпозиции, приобретая в данном случае статус онима.

5.2. Препозитивный компонент *re-*

Согласно этимологическим данным, *re-* восходит к латинскому словообразовательному форманту, от индоевропейского **wret-*. Значение префикса описывается как «назад, обратно, в исходное место»; также «снова, заново, еще раз», передает также смысл «отмены» («back, back to the original place;» «again, once more», also conveying the notion of "backward"») [OED]. В английский язык префикс *re-* проникает в составе заимствований в XV в. из старофранцузского языка, в котором имел значение повторного и обратного (или взаимообратного) действия. Используется, однако, только в значении повторного действия в глаголах и девербативах (*reread, rewrite* — перечитать, переписать). Присущие

латинскому префиксу *re-* пространственные значения на почве английского языка не активизировались [Беляева 1979: 83].

В лексикографических изданиях русского языка *re-* квалифицируется как «приставка, обозначающая: 1) возобновление или повторность действия, напр.: *ремилитаризация, ревакцинация*; 2) противоположное действие или противодействие, напр.: *реприватизация, реэвакуация*» [СИСРЯ: 652].

В русском языке префикс также появляется в составе заимствованных слов, в которых часто подвергается опрощению и не идентифицируется как самостоятельная морфема (*репетиция, регресс*). Однако высокочастотное функционирование компонента *re-* в терминологических лексемах способствует его закреплению в качестве автономной морфемы со значением «повторного действия»: *ре-активировать, ре-абсорбировать, ре-транслировать* и т.п.

Л.М. Баш объясняет закрепление за компонентом *re-* префиксальной функции тем, что часть производящих основ функционирует в современном языке в свободном состоянии: *ретрансляция (трансляция), ревакцинация (вакцинация)*. И хотя «группа слов, у которых производящая основа находится в свободном состоянии, не столь многочисленна, но наличие именно этой группы дает возможность выделить сугубо иноязычный префикс на почве русского языка, и это, в свою очередь, приводит к тому, что он начинает функционировать отдельно, как вполне законный словообразовательный элемент» [Баш 1980: 72].

Вычленяемость *re-* как префикса, тем не менее, не влияет на проявление его словообразовательной активности на почве русского языка. Почти все производные представляют собой заимствования из современного английского языка, относящиеся к сфере коммерческого или рекламного дискурса: *реэкспорт, ребрендинг, рестайлинг*. Если до начала XX столетия практически все заимствования были образованы по модели: «*re-* + существительное с процессуальным значением», чаще всего имеющее в русском языке суффикс *-ация*: *реорганизация, реформация, реприватизация, ретрансляция* и др., то

заимствования в период новейшего времени содержат суффикс *-инг*, характерный для английского языка.

Словарь «Новые слова русского языка» фиксирует лексемы *реэкспорт*, *реприватизация* [Академос], однако, несмотря на то, что эксплицитно значение слов подразумевает только повторное действие, данные дериваты именуют процессы, в результате которых происходит реальная смена акторов, имеющая юридическое сопровождение. Иначе говоря, операция экспорта или приватизации повторяется, но с целью изменения экономических субъектов.

С развитием маркетинга в России, полностью ориентирующегося на принципы его организации в странах Запада, в русский экономический и рекламный дискурс проникают английские слова, в которых *ре-* начинает функционировать в видоизмененном виде: повторные действия имеют цель обновления какого-либо товара, фирмы, позиционирования ее на рынке с целью усиления продаж. Все заимствования внедряются в соответствующий дискурс посредством транскрипции с определенными модуляциями: *ребрендинг*, *рерайтинг*, *релейминг*, *репозиционирование*, *ремаркетинг*, *рестайлинг*, *редизайн*. В данных словах *ре-* несет уже новую смысловую нагрузку: переделывание логотипа, бренда, стиля и т.п. осуществляется с маркетинговой целью: обновить существующий ранее вид и тем самым привлечь внимание потребителя, интерес которого уменьшается по мере привыкания к маркетинговым составляющим кампании. То есть, *ре-* перестает означать точное воспроизведение уже существующего объекта, а напротив, включает в себя значение запланированного обновления. Происходит актуализация потенциальной семы: сделать что-либо по-другому, обновить, или «осуществить комплекс мероприятий по обновлению и “модернизации” бренда или продуктов компании...» [bulengrin.com 2013].

Таким образом, в коммерческом дискурсе *ре-* начинает пересекаться со значением *нео-*, однако дериваты этого типа именуют преднамеренную, запланированную акцию, в то время как присвоение термина *нео-* в культурологическом

дискурсе происходит уже после осмысления направления в искусстве, в науке или в социально-политической жизни общества.

Следует также отметить, что в речевых практиках, описывающих действия в интернете, появились заимствованные из английского языка глагольные лексемы, в которых префикс *re-* уже не заменяется автохтонным *пере-*: *ретвитнуть* и *репостить* (вместо предполагаемых *перетвитнуть*, *перепостить*). В то же время данная модель легла в основание инновации *ревконтакт*, по образцу *ретвит*, *репост*.

5.3. Препозитивный компонент *пост-*

Согласно этимологическим данным, *пост-* (*post-*) восходит к латинскому предлогу со значением «сзади, после, впоследствии»: «*post-* word-forming element meaning "after," from Latin *post* "behind, after, afterward» [OED]. Устойчивые латинские сочетания, в которых *post* выполняет функции темпорального или локативного предлога: *post factum*, *post scriptum* и др., вошли во многие языки мира в транслитерированной или оригинальной латинской форме.

Поскольку в английском языке *post* омонимичен с существительным в значении «почта», а в русском языке — с существительным в значении «воздержание от скоромной пищи», точные подсчеты количества дериватов с префиксами *пост-* (*post-*) затруднены, хотя в большинстве случаев префикс отделяется от основы дефисом, например: *post-graduate*, *post-apocalypse* и др. По приблизительным подсчетам в английском языке насчитывается около 676 зафиксированных дериватов [FD].

Словари русского языка классифицируют *пост-* как первую часть сложных слов [БТСРЯ; СИСРЯ; НСРЯ]:

«ПОСТ... Первая часть сложных слов. [от лат. *post* — после, спустя] (служит для образования прил. и сущ.). Книжн. Вносит зн.: существующий, происходящий после того, что указано во второй части слова. *Постадаптация*,

поствулканический, постимпрессионизм, постмодернизм, постиндустриальный, постэмбриональный, постядерный» [БТСРЯ].

В сущности, присоединение *пост-* к существительным или прилагательным должно иметь широкое онтологическое основание: каждое явление может иметь свою *пост-*версию. Анализ семантики присоединяемых основ, однако, свидетельствует о том, что подавляющее большинство определяемых, особенно прилагательных, маркируют явления негативного характера, относясь чаще всего к болезням или к кризисным состояниям общества. Например, *постакне, постковидный, постпандемический, посткризисный, посткарантинный, постоперационный* и т.п. Слов, именующих состояние после некоего нейтрально или положительно оцениваемого явления, намного меньше: *постиндустриальный, постсоциалистический, постдипломный* и некоторые другие. Тяготение префикса к основам со значением негативных процессов вполне объяснимо, так как именно они влекут за собой определенные последствия.

Кроме существительных со значением негативных явлений, *пост-* традиционно присоединяется к названиям направлений в искусстве или в политическом устройстве общества: *постимпрессионизм, постпозитивизм, постмодернизм, постиндустриализм, постколониализм* [НКРЯ] и др.

Е.В. Петрухина отмечает, что приставка *пост-* присоединяется к основам, «обозначающим объекты, для которых наступление последующей фазы существования означает разрушение самого объекта (например, в таких неологизмах, как *посткультура*)» [Петрухина 2017: 13]. Контексты употребления термина *посткультура*, приводимые ученым, свидетельствуют о негативной оценке явлений, обозначаемых данным дериватом:

- «*Культура уходит. Наступает эпоха посткультуры*»;
- «*Наше культурное пространство потихоньку переделывается на посткультурный лад. <...> Наша задача — остановить это перерождение*»;

— *«Посткультура — это образование без воспитания, общество без авторитетов, <... > религия без вероучения, право без государства, искусство без идеалов, наука без титулов...»* [Там же].

Другое отношение к традиции маркирования культуры и входящих в нее направлений искусства как пост-феноменов характерно для М. Эпштейна. Анализируя философскую рефлексию конца двух последних столетий, автор «Манифеста нового века» указывает на атмосферу «не просто «конца века», но «времени конца» — состояние усталости, безнадежности, имморализма. «Конец века воистину располагает себя в конце всего: после авангарда и реализма, после индустриализма и коммунизма, после идеологии и тотальных дискурсов, после колониализма и империализма». Одновременно М. Эпштейн пытается внушить оптимизм, указывая, что после каждого *пост-* следует *прото-* [Эпштейн 2001].

Обращает на себя внимание, что с конца XX столетия присоединение префикса *пост-* становится намного более высокочастотным, нежели префиксальной версии *нео-*. Весьма симптоматично в этой связи выглядят высказывания различных публицистов:

— *«Прибавление к модернизму «нео» (вместо увязшего на зубах «пост») напрашивалось само собой»* (2013 г.);

— *«Причиной этому служит то, что глобализация, <...> явилась процессом, приводимым в действие наиболее острыми (уже не «пост...», а скорее «нео...») современными противоречиями»* (2003 г.) [НКРЯ].

Отдельные авторы, однако, пытаются внести определенность в использование идентифицирующих префиксов *нео-* и *пост-*:

— *«Я бы упрощенно сказал, что пост- относится к форме, а нео- — содержанию»* [yandex.ru 2017];

— *«Иными словами, «...изм» — это конвергентный этап в развитии искусства, а «пост...изм» — дивергентный»* [livejournal.com 2014].

Мода на употребление *нео-* или *пост-* приводит к все большему размыванию их семантики, к тому, что В. Б. Зусева-Озкан называет «метафорически-безответственным употреблением» [Зусева-Озкан 2019: 30–31].

О специфике словообразовательной моды рубежа двух столетий говорит в своей программной статье «Культурология префиксов» также С. Н. Зенкин. По мнению ученого, сложно сказать, стоит ли за модным понятием пост-культуры «какая-либо строго определенная реальность» [Зенкин 2012: 137]. «Творцы исторических наименований, ощущая то ли недостаток новых терминов, то ли, что вероятнее, инфляцию старых, начали все чаще размножать культуру способом почкования, прибавляя к старому названию новый префикс. В моде на префиксы прочитывается воля к схематизации, упрощению культуры, представление о ее завершенности и исчислимости, то есть, в конечном счете, о ее смерти» [Там же: 137–138].

Действительно, множественность различных направлений в искусстве или в науке, их пересекаемость с прошлыми при одновременном декларировании инновационности, находят свое отражение в нагромождении приставок, сочетание которых не вносит определенности в попытках идентифицировать их характер. Такие сочетания становятся все более устойчивой традицией, достаточно обратить внимание на названия различных статей или фрагменты их аннотаций:

«Лингвистика в эпоху неопостпозитивизма: возможные пути развития» (В.В. Красных); (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем» (Зыкова И.В., Уфимцева Н.В., Красных В.В. Бубнова И.А. 2017); «Понятие динамического объекта в постнеклассической лингвистике» (Кириллина А.В. 2014); «Постнеклассическая методология формирования образа будущей России» (Лепский В.Е. 2015), «Гламур как новая форма религии — (пост)неоязычества (Яковлева Е.Л. год), «Мультилингвизм и интрузия в зеркале интроспекции (Лосева Н.В., Александровская Е.Б. 2015) [elibrary.ru] и т.п..

Д. Т. Базаргани отмечает, что «для характеристики новой культурной реальности исследователи используют такие термины, как гипермодернизм, альтермодерн, постпосмодернизм, метамодернизм и пр. [Базаргани 2015]. Е. В. Петрухина озаглавливает свой доклад на IX Международном конгрессе по когнитивной лингвистике «Интегративные процессы в когнитивной лингвистике» как «Игры с реальностью: когнитивно-дискурсивный анализ неологизмов *постреальность, гиперреальность, сверхреальность, суперреальность, трансреальность*» [Петрухина 2008]. Употребляя данные префиксальные образования в одном ряду, ученый замечает, что во многих этих номинациях выражается общая идея отказа от культуры, однако, если в слове *посткультура* профилируется отказ от культуры или ее завершения, то в *транскультуре* выражается «преодоление, нарушение пределов объекта (не только пространственных, но и онтологических, сущностных): нарушение конституирующих границ ведет к полному изменению объекта или явления, названного мотивирующей основой» [Петрухина 2017: 13].

Способы множественного соединения префиксов становятся модным явлением в рефлексиях авторов, публикующихся на различных интернет-порталах, например:

— «Фильм — это очевидная *пост-мета-гипер-ирония, деконструкция жанра и вообще чистейший фан-сервис*» [podcast.ru 2022];

— «*Это же пост-мета-гипер-пипер-модерн. Интересно, разовьют ли в следующих сериях то безумие, какое позволяет творить задумка*» [author.today 2021].

Если мысль об исчерпанности истории культуры как основы префиксальной идентификации может представляться вполне оправданной, то появление таких лингвоконструктов как *пост-правда, пост-ирония, пост-наука, пост-человек, пост-человек, пост-человечество* имплицитно подразумевает конечность существования всего, что ранее осмысливалось как непрерывные, вечные феномены. Среди всех инноваций подобного рода особого внимания заслуживает дериват *пост-*

правда, вошедший в русский язык как калька с английского *post-truth*. Данный неологизм был признан словом 2016 года по версии Оксфордского словаря. Его значение в различных англоязычных источниках объясняется как: «relating to a situation in which people are more likely to accept an argument based on their emotions and beliefs, rather than one based on facts» [CD]). В русскоязычных источниках определение пост-правды дается в точном переводе с английского: «относящийся к ситуации, в которой люди с большей вероятностью воспримут аргументы, основанные на эмоциях и их убеждениях, чем аргументы, основанные на фактах [wiki].

Особая популярность неологизма связана со все большей невозможностью верифицировать факты в условиях массового производства фейков. Феномен пост-правды активным образом обсуждается на самых различных публичных площадках:

— «*Так сейчас застой или оттепель? Постправда сейчас. Балаган и цирк. Это «постправда» — псевдореальность, нужная для политических целей*», — написал Пушкин» [lenta.ru 2013];

— «*Организаторы конференции подготовили к ее открытию внушительный 90-страничный доклад с названием „Постправда, пост-Запад, постпорядок?“*» [lenta.ru 2017].

Как видим, *пост-* начинает с легкостью присоединяться к словам с русскими основами, маркируя конечность предшествующего состояния. В Рунете создается и функционирует портал «ПостНаука», позиционирующий себя как «проект о современной фундаментальной науке и учёных, которые её создают, о популяризации научных знаний» [postnauka.ru 2023]. Вслед за английским *posthuman* (*post-human*) появляется калька *постчеловек* — гипотетический образ будущего человека, который отказывается от привычного человеческого облика посредством внедрения инновационных технологий. Обращает на себя внимание, что в качестве определяемых основ в этом новом словообразовательном

ряду выступают существительные с нейтральной или положительной семантикой.

ВЫВОДЫ

Осуществленный в работе анализ лексикографических источников в длительной хронологической перспективе с учетом данных английского языка предоставил достоверные данные о том, что изменения в именной префиксации русского языка берут свое начало в английском языке как доноре лингвокультурной глобализации, а затем транслируются на почву русского языка. В результате префиксальная деривация, свойственная ранее в русском языке преимущественно глагольному образованию, переносится в плоскость именной деривации.

Инвариантным значением анализируемых препозитивных единиц является модификация значения производящей именной основы. В роли модификаторов анализируемые в работе префиксы выполняют функцию дифференцирующего (видового) определителя или прагматического (оценочно-экспрессивного) интенсификатора.

Направление прагмасемантического развития префиксов *мега-*, *супер-*, *экстра-* предопределяется лингвистическими факторами (характером их прототипического значения в языке происхождения) и экстралингвистическими факторами (развитием общества потребления с соответствующей системой ценностей). Изначальная локативная семантика «большого размера», «верха» или «выхода за пределы» обуславливает направление метафорического переноса в сторону оценочности. В результате префиксы *мега-*, *супер-*, *экстра-* выполняют функции прагматической аттракции в коммерческом и рекламном дискурсе и экспрессивной эвалюации в неформальном общении.

Препозитивные компоненты англо-американского происхождения *топ-* и *ВИП-/VIP-* используются в качестве маркеров коммерческого ранжирования и социальной стратификации. В российском медиа-дискурсе конструирование

различных топ-списков становится устойчивой традицией, формирующей привычку индивида к существованию в конкурентном обществе. Идентификация с помощью префикса *ВИП*- различных личностей и предназначенных для их исключительного использования объектов кодирует на языковом уровне социально-экономическое разделение общества.

Препозитивные компоненты *интер*-, *кросс*-, *транс*- имеют сходное прототипическое значение «между, через, сквозь», однако свойственная двум последним префиксам большая акциональность семантики обуславливает их дифференцированное участие в современных словообразовательных процессах. Компонент *интер*- специализируется в номинациях технологических устройств, *кросс*- и *транс*- именуют процессы перекрестного, взаимно направленного взаимодействия.

Активизация препозитивного компонента *транс*- в экономическом дискурсе связана с усилением процессов и форм мобильности человечества. Причинами активизации префикса в социально-культурологическом дискурсе является стремление человека к выходу из биологически и онтологически заданных рамок существования. Под влиянием транслируемых в российское медиапространство западных ценностей препозитивные компоненты *гомо*- и *гетеро*- переносят свою деривационную активность из научного дискурса в область идентификации человека на основе его гендерной или сексуальной ориентации. Морфологический и контекстуальный анализ дериватов данного типа в современном русском языке свидетельствует о лингвокультурной резистентности принимающего языкового сознания.

Активизация префиксов с семантикой множественности и неоднородности (*мульти*-, *поли*-, *гетеро*-) или обновления (*нео*-) обусловлена ростом многовариантности форм бытия и смешением кодовых систем репрезентации информации в условиях опосредованного компьютером общения. В культурологическом дискурсе наблюдается тенденция к идентификации различных культурных

феноменов с помощью префиксов *нео-* и *пост-*, фиксирующих соответственно фазу обновления или разрушения объекта.

На почве русского языка препозитивные компоненты развивают собственную деривационную активность, образуя суффиксальные производные, в которых бывший префикс подвергается радикации.

Характер морфологической адаптации препозитивных компонентов в русском языке зависит как от выполняемых ими семантических и прагматических функций, так и от их морфонологических особенностей. Полный спектр преобразований имеют единицы с консонантной финалью: *супер-*, *топ-* и *ВИП-*, которые подвергаются радикации и образуют словообразовательные гнезда: *суперский*, *по-суперски*, *суперскость*, *суперовость*; *виновый*, *випировать*, *виповость*; *топовый*, *топовость* и т.п.), а также лексикализуются, выступая в качестве различных частей речи. Компоненты с вокальной финалью (*экстра-*, *мега-*) более устойчивы к морфологическим трансформациям на почве русского языка.

Морфологический статус препозитивных компонентов в современном русском языке можно дифференцировать в зависимости от типа модели, лежащей в основе конкретных производных. Вершиной морфосемантического развития препозитивных компонентов является их лексикализация — переход в существительное, наречие, оценочный предикат и междометие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленный в диссертационном исследовании анализ прагмасемантических, морфологических и лингвокультурных функций, выполняемых препозитивными компонентами иноязычного происхождения в современном русском языке, позволил нам сделать ряд выводов и обобщений.

В русском языке новейшего времени активизировались структурно чуждые словообразовательные модели — производные имена существительные и прилагательные с препозитивными компонентами иноязычного происхождения. В зависимости от характеристик находящегося в препозиции члена все неодериваты принято делить на префиксальные производные и композиты (сложные слова), хотя четкой разграничительной линии между данными видами словообразовательных способов не существует. Данный факт в значительной степени связан с тем, что среди препозитивных компонентов наблюдается все большее разнообразие, их состав постоянно пополняется и становится все более гетерогенным.

К группе продуктивных префиксов греко-латинского происхождения, а также давно освоенным русским языком словам (*аудио-*, *видео-* и т.п.) присоединились транслитерированные английские слова (*арт-*: *арт-проект*, *арт-директор* и т.п.; *шоу-*: *шоу-бизнес*, *шоу-макет* и т.п.); части усеченных слов: (*био-*: *биопродукты*, *биоревитализация*; *эко-*: *экопродукты*, *экоактивисты* и т.п.) и аббревиатуры (*ВИП-*: *vip-персона*, *vip-зал* и т.п.). Данные новообразования, независимо от их конкретной структуры, составляют целые, потенциально открытые ряды, в которых стоящий в препозиции элемент выполняет по отношению к значению производящей основы роль видового определителя.

Словообразовательные форманты типа: *веб-*, *медиа-*, *крипто-*, *кибер-*, *онлайн-* и *оффлайн-*; *мульти-*, *би-*, *семи-*, *моно-*; *интер-*, *кросс-*, *транс-*; *арт-*, *боди-* и другие осуществляют логическую привязку различных объектов и феноменов к определенному фрагменту внеязыковой действительности. Иными

словами, заимствованные морфологические средства набрасывают определенную сеть координат, в которой сегодня существует и мыслит все глобализированное человечество. Роль препозитивных компонентов при этом не сводится только к видовой идентификации, но и во многих случаях сочетается с транслированием определенных оценочных смыслов. Массированное внедрение в современный русский язык англо-американских моделей данного словообразовательного типа, вместе с установленным репертуаром «импортируемых» препозитивных средств во многом предопределяет систему социокультурных ориентиров общества.

Наше исследование было выполнено в исчерпывающей синхронно-диахронной перспективе. Обращение к генезису препозитивных компонентов, к значению слова-прототипа позволило выявить логические основания перехода от локативной или размерной семантики слов-прототипов (*супер-, мега-, экстра-*) к прагматической оценочности. Привлечение данных английского языка предоставило возможность объяснить вектор исключительно позитивной оценочности данной группы формантов действием характерной для английского языка ориентационной метафоры. Анализ роста словообразовательной продуктивности анализируемых единиц на основании данных Корпуса исторического американского английского языка (СОНА) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в их непосредственной хронологии позволил убедиться в том, что активные процессы в префиксальном словообразовании английского языка на два-три десятилетия опережают их развитие внутри словообразовательной системы русского языка.

В ходе выполнения анализа словообразовательных формантов, объединенных в рамках отдельных параграфов, нами было установлено, что каждая группа выполняет свои собственные функции, во многом отражающие тенденции развития общества рыночной конкуренции и гедонистического потребления. Компоненты англо-американского происхождения *top-* и *vip-* составляют каркас социальной стратификации и коммерческого ранжирования. Префиксы

супер-, *мега-*, *экстра-* отражают действие тенденции эмоционализации, характерной для общества, в котором эмоции выдвигаются на одно из первых мест в системе ценностей человека. Активизация префиксов *интер-*, *транс-* и *кросс-* отражает действие тенденции к усилению взаимодействия и различных типов мобильности населения. В то же время производные с формантами *гетеро-* и *гомо-* транслируют сложившийся в рамках западной цивилизации способ идентификации человека на основе критериев его гендерного и сексуального самоопределения. Культурообразующие префиксы *нео-*, *пост-*, *транс-* формируют способы культурной рефлексии в рамках повторения или обновления (*нео-*), разрушения (*пост-*) или выхода за определённые, установленные прежним состоянием объекта границы (*транс-*).

В теоретической литературе широко распространено мнение о том, что быстрое усвоение русским языком новых префиксов и новых производных слов связано с тем, что они транслируют востребованные российским обществом смыслы и ценности. Как показал выполненный нами анализ, данное утверждение справедливо лишь отчасти. Наибольшее лингвокультурное сопротивление наблюдается в употреблении тех префиксальных единиц, которые маркируют область гендерных взаимоотношений. Доказательства неприемлемости для большинства россиян рекламируемой модели находим как в процессе анализа контекста, так и в анализе образованных на почве русского языка аффиксальных дериватов с пейоративной коннотацией.

Активизация префиксального словообразования связана также с общей тенденцией употребления заимствований любого уровня как модных речевых явлений, о чем может также свидетельствовать одновременное использование сразу многих компонентов в рамках одной реплики, копируемой из английского языка (*пост-нео-реализм*; *экстра-мега-супер-новинка*).

Собственно лингвистический анализ словообразовательной активности именных префиксальных образований выявил общие и частные тенденции в их реализации и развитии собственной активности на почве русского языка.

Процесс морфологической ассимиляции наиболее активно протекает в сфере неформального общения, однако лингвокреативные процессы ограничиваются морфонологическими особенностями компонентов. Консонантная финаль легче подвергается морфологическим преобразованиям (*супер* → *суперский*, *топ* → *топовость*, *вип* → *виповать* и т.п.), в то время как вокальная (*мега-*, *экстра-*) — остается более устойчивой к её оформлению аффиксами русского языка. Отдельные форманты не только подвергаются радикации, но и образуют собственные словообразовательные гнезда.

Конкурирование автохтонных префиксов с заимствованными проявляется только в случае препозитивных компонентов *кросс-* и *меж-*, при этом *меж-* намного превышает по своей продуктивности заимствованный префикс.

Безусловно, переориентация системы русского словообразования на именную префиксацию является следствием воздействия английского языка. Его аналитический и изолирующий характер детерминирует лёгкость межчастеречной конверсии, с одной стороны, и склонность к производству префиксов из односложных единиц, с другой, в чём нас убеждают такие примеры как *топ*, *кросс*, *вип*, *веб* и т.п. Давление новых деривационных моделей на систему русского словообразования очевидно и проявляется в интерпретационных сложностях определения статуса препозитивных компонентов, а также теоретического описания самих производных.

Продуктивность префиксов находит свое выражение в формировании целых рядов существительных и реже прилагательных, в которых реализуется родовидовая модель. Данная модель является востребованной самими условиями существования современного общества, для которого характерна диверсификация форм существования различных объектов и феноменов, требующая их спецификации, или видового маркирования.

Перспективы нашего исследования мы усматриваем как в дальнейшем расширении объекта исследования на другие группы препозитивных компонентов, так и в углублении типологической перспективы исследования. Нет сомнений в

том, что активизация в современном русском языке структурно чуждых способов словообразования приводит к изменениям типологического характера. В связи с этим весьма значимым представляется выполнение задач по дальнейшему наблюдению за формами взаимодействия двух систем, выявление степени активности традиционного для префиксальной деривации глагольного словообразования; теоретизации, сбора и классификации тех рядов производных, которые образуются при участии отдельных препозитивных компонентов. Интересной и значимой представляется также перспектива наблюдений за устойчивостью данных процессов в связи с изменением экстралингвистических факторов. Решение вышеуказанных задач позволит внести дополнительные научные сведения в теорию словообразования, неологию, а также контактную лингвистику в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Теоретическая литература

1. Абросимова Л.С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2014. — №2. — С. 7–13.
2. Авакова В.А. Новообразования с префиксом анти- в современных СМИ. // Культурная жизнь юга России (издание ВАК РФ). — Краснодар, 2007. — № 2 (21). — С. 89–93.
3. Авина Н. Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия. // *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. — Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009. — S. 63–65.
4. Адливанкин С.Ю. К вопросу о явлении заимствования в области словообразования. // Уч. зап. Пермского университета. — 1965. — С. 99–106.
5. Аксаков К.С. О русских глаголах. — М.: В тип. Л. Степановой, 1855. — 47 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная семантика: миф или реальность? // Вестник ТГПУ. — 2006. — №5. — С. 43–48.
7. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. — М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. — 218 с.
8. Антоненко Н.В. Особенности префиксации и роль префиксов re-/ре в современных английском и русском языках. // Известия ВГПУ. — 2013. — №9 (84). — С. 56–59.
9. Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема: суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров). — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. — 223 с.

10. Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения. // Вопросы языкознания. — 1971. — № 6. — С. 63–73.
11. Архангельская Э.М. Семантическая эволюция предлогов и приставок в истории русского языка XI — XVII вв. (На материале 133 приставки и предлога НА): автореф. дис. . канд. филол. наук. — М., 1983. — 16 с.
12. Астен Т.Б. Неизменяемые атрибуты в русском языке. // Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — №2. — С. 10–17.
13. Афинская З. Н. К вопросу о концептуальном потенциале префиксов // Вестник ТГГПУ. — 2017. — №3 (49). — С. 6–10.
14. Бабашкин В.В. Транснационализм и интернационализм: возрождение понятий. // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2021. — №4. — С. 903–910.
15. Базаргани Д. Т., Ларсари В. Н. «Постмодернизм»: может ли современная ситуация быть описана термином «постмодерн»? // Интернет-журнал «Гефтер». — 2015. — [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/14194> (дата обращения: 16.04.2022).
16. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Издательство иностранной литературы, 1955. — 416 с.
17. Баско Н.В. Словообразовательная антонимия в русском языке (лингвистический и методический аспекты). // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — Вып. 6. — С. 51–59.
18. Баш. Л. М. Слова с приставкой «ре-» в русском языке. // Рус. яз. в школе. — 1980. — № 4. — С. 71–75.
19. Белькова А. Е. Функционирование неологизмов в интернет ресурсах: на материале сайта NoName. — Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2018. — 112 с.
20. Беляев Д. А. Концепт «постчеловек»: освоение идеи сверхчеловека современной философией и технокультурой. // Биотехнологическое улучшение человека как проблема социальногуманитарного знания: материалы Школы

молодых учёных / под ред. Б. Г. Юдина, О. В. Поповой. — М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. — С. 16–23.

21. Беляева Т.М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. — М.: Высш. шк., 1979. — 184 с.

22. Бесекирска Л. Интернациональная лексика в медицинской терминологии русского языка: дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 1997. — 320 с.

23. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 384 с.

24. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. — М.: Просвещение, 1965. — 544 с.

25. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — 624 с.

26. Ваганова Н. В. Определение морфемного статуса некоторых препозитивных элементов в новых англицизмах. // *Universum: филология и искусствоведение*. — 2014. — №10 (12). — С. 36–40.

27. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Логос, 2003. — 304 с.

28. Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. — Екатеринбург: Изд-во. Урал. ун-та, 1996. — 177 с.

29. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). — М.: Индрик, 1998. — 240 с.

30. Вендина Т. И. Словообразование как способ дискретизации универсума. // *Вопросы языкознания*. — 1999. — № 2. — С. 27–49.

31. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. — М.: Изд-во МГУ, 1951. — 412 с.

32. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования. // В.В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — С. 155–165.

33. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. // Вопросы теории и истории языка. — М.: АН СССР, 1952. — С. 99–152.
34. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию. // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. — С. 419–442.
35. Волохина Е. А. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения / Е. А. Волохина, З. Д. Попова. — Воронеж: Изд-во. ВГУ, 1993. — 196 с.
36. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. — М.: Наука, 1978. — 200 с.
37. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, Издательство Тбилисского университета, 1984. — 1426 с.
38. Гарифуллина Р. В. Особенности образования терминов в современной словообразовательной системе (на примере терминологии физики и математики). // Вестник Башкирск. ун-та. — 2009. — №3. — С. 848–852.
39. Гильманов В. Х. Оценочный предикат круто как проблема современной онтодинамики. // Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка. — Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2019. — С. 8–31.
40. Гимпелевич В.С. Личные имена существительные с иноязычными интернациональными суффиксами в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1966. — 23 с.
41. Голев Н. Д. Лексическое функционирование словообразования и лексикословообразовательная системность русского языка в свете статистики Интернета // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. — 2011. — №1 (13). — С. 22–31.
42. Голев Н.Д. Словообразование как эволютивный синергетический процесс. // Актуальные проблемы современного словообразования. Вып. 2 / Под ред. Л.А. Араевой. — Кемерово, 2008. — С. 21–31.

43. Голованова Е.И. Переходные явления в современном русском языке в зеркале словосложения. // Переходные явления в лексике и фразеологии русского и других славянских языков. II Жуковские чтения. Материалы Международ. симпозиума. — В. Новгород, 2001. — С. 73–75.
44. Голованова Н. Ф., Ломакина И. С. Неолиберальная трансформация образовательных систем западных стран // Общество: социология, психология, педагогика. — 2021. — №10 (90). — [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoliberalnaya-transformatsiya-obrazovatelnyh-sistem-zapadnyh-stran> (дата обращения: 19.06.2022).
45. Гончарова В. А. Сопоставительный структурно-семантический анализ новообразований с элементом анти- / anti- в русском и английском языках: на материале современных масс-медиа: автореф. дис. . канд. филол. наук. — Майкоп, 2007. — 27 с.
46. Горбов А.А. Топ-метод экспресс-номинации экономкласса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине. // Вопросы языкознания 6. — 2010. — С. 26–36.
47. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. — СПб.: Тип. издателя, 1984. — 588 с.
48. Григорьева Т. В., Родионова С. Е. Грамматический статус новейших иноязычных заимствований в русском языке. // Вестник Башкирского университета. — 2022. — Т. 27. — №3. — С. 811–816.
49. Григорян А. А., Стрельчук Е. Н. Русскоязычные диминутивы в социальной сети "Инстаграм". // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12, № 4. — С. 981–995.
50. Гугунава Д. В. Проблема лексикографического описания морфем переходных типов. // Проза.ру. — 2002. — [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2002/12/18-119> (дата обращения: 15.01.2023).

51. Гугунава Д. В. Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма: автореф. дис. . канд. филол. Наук. — Нижний Новгород, 2003. — 24 с.
52. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка: Изданный вторым отделением Императорской Академии наук. — М.: Книга по Требованию, 2016. — 507 с.
53. Давыдова О.А. От топового огня к топовым объектам // Русская речь. — 2016. — № 5. — С. 58–62.
54. Демиденко К. А. Мотивационно-ассертивное моделирование гнезд однокоренных слов группы 'времена года' (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007. — 24 с.
55. Дмитриева О.И. Диахрония, синхрония, динамика: проблема синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем. // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. — 2012. — № 2. — С. 42–47.
56. Дозорова Д.В. Структура, семантика и функции универбатов в современной русской речи: автореф. дис. . канд. филол. наук. — М., 2018. — 28 с.
57. Дорохова Н. И., Тогунув Б. М. Префиксальное образование субстантивных терминов в английском языке в сопоставлении с русским (на материале современного англо-русского морского словаря). // Вестник АГТУ. — 2010. — №1. — С. 101–108.
58. Дьяков А.И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. — Новосибирск, 2001. — 295 с.
59. Евграфова Ю. А. Троп как результат семиотической интерполяции вербальных и невербальных единиц в гетерогенном экранном тексте (на примере кинотекста «Фауст» А. Сокурова). // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — №2. — С. 341–356.
60. Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход. — М.: Книжный дом «Либроком», 2012. — 312 с.

61. Евсева И. В. Словообразовательный тип как экспонент когнитивных процессов (на материале отсубстантивов с -ница): дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2000. — 217 с.
62. Ершова Н. И., Кузминова Н.А. К вопросу о лингвистическом статусе категории градуальности и смежных с ней категориях в современном русском языке. // Огарёв-Online. — 2017. — №4 (93). — С. 1–7.
63. Ефремова К.А. От регионализма к трансрегионализму: теоретическое осмысление новой реальности. // Сравнительная политика. — 2017. — №2. — С. 58–72.
64. Жданова Е. А. Особенности именного префиксального словообразования в русском языке конца XX века. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2010. — № 2 (12). — С. 56–61.
65. Жданова Е. А., Рацибурская Л. В. Медийные новообразования как средство отражения современной украинской действительности. // Вестник ТГГПУ. — 2015. — №2 (40). — С. 46–52.
66. Жукова Т. В. Словообразовательный тип и многозначное производное слово как системные взаимодействия: На материале отыменных существительных с суффиксом -ник: дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2002. — 172 с.
67. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации. // Способы номинации в современном русском языке. — М., Наука, 1982. — С. 45–109.
68. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1989. — 128 с.
69. Зализняк А. А. Русская аспектология: в защиту видовой пары. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 392 с.
70. Замальдинов В. Е. Активные процессы в русском словообразовании начала XXI века. // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура : Сборник статей по материалам Международной научной конференции

"Национальные коды в языке и литературе", Нижний Новгород, 01–03 декабря 2017 года / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. — Нижний Новгород: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Деком", 2018. — С. 113–120.

71. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта Наука, 2011. — 328 с.

72. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность. — М. : Наука, 1992. — 221 с.

73. Земская Е. А. Язык как деятельность / Морфема. Слово. Речь. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 688 с.

74. Зенкин С. Работы по теории: Статьи. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 560 с.

75. Злотникова Т.С., Гапонова Ж.К. Наш русский супер-гипер-мульти-проект. // Ярославский педагогический вестник. — 2017. — №4. — С. 280–289.

76. Зусева-Озкан В. Б. Префикс "нео-" в культурной и научной рефлексии. // *Studia Litterarum*. — 2019. — №4. — С. 28–43.

77. И.В. Гаврилова. — Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2021. — С. 14—20.

78. Ивлева Г.Г. О задачах теории слова и теории словарного состава (на материале немецкого языка). // Вестник Московского университета. — 1994. — №5. — С. 28–31.

79. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования: Монография. — Орел: Орловский государственный университет, 1998. — 149 с.

80. Кадькалова Э. Семантика как фактор развития словообразовательных структур. // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции: материалы Всесоюз. науч. конф. (Ужгород, 23–25 октября 1991 г.). — М.; Ужгород: Изд-во Ужгород. нац. ун-та, 1991. — С. 152–153.

81. Казак М.Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; количественные аспекты; потенциал; прогнозирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Белгород, 2004. — 26 с.

82. Каменев С. В. От предписаний — к предложениям: российское образование на путях реформирования // Манускрипт. — 2017. — №12-4 (86). — [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-predpisaniy-k-predlozheniyam-rossiyskoe-obrazovanie-na-putyah-reformirovaniya> (дата обращения: 17.07.2022).

83. Карашук П. М. Словообразование английского языка. — М. : Высш. шк., 1977. — 305 с.

84. Кечерукова М. А. Создание англоязычной образовательной среды в рамках интернационализации высшего образования в России. // Общество: социология, психология, педагогика. — 2016. — №5. — [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-angloyazychnoy-obrazovatelnoy-sredy-v-ramkah-internatsionalizatsii-vysshego-obrazovaniya-v-rossii> (дата обращения: 16.04.2022).

85. Клейн Л. С. Другая любовь. Природа человека и гомосексуальность. — СПб: Фолио-Пресс, 2000. — 864 с.

86. Клобуков Е. В. Словообразовательное поле в системе единиц языка. // Рациональное и эмоциональное в русском языке — 2016: Сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 25–26 ноября 2016 года / Редколлегия: П.А. Лекант (отв. ред.), Н.Б. Самсонов (зам. отв. ред.), Н.А. Герасименко [и др.]. — М.: Московский государственный областной университет, 2016. — С. 29–39.

87. Клобуков Е.В. Универбация в ее отношении к системе способов современного русского словообразования. // Язык. Литература. Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. II. — М., 2015. — С. 68–80.

88. Клобуков Е.В., Гудилова С.В. Языковая специфика непроемных слов (квазикомпозитов). // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 20. — М.: ООО «МАКС Пресс», 2001. — С. 12–25.

89. Клобуков Е.В., Шакар Р. Взаимодействие морфологических, лексических и словообразовательных средств выражения одушевленности-неодушевленности. // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология. — 2016. — №3. — С. 15–27.

90. Козера И. Префиксация в русском языке — корпусное исследование. // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сборник научных трудов Международного научного симпозиума / науч. ред. д-р филол. наук, проф. В. Н. Степанов ; отв. ред. Л. В. Ухова. — Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. — С. 396–405.

91. Копоть Л.В. Универбация как явление словообразования с точки зрения социолингвистики. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2007. — №2. — [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/univerbatsiya-kak-yavlenie-slovoobrazovaniya-s-tochki-zreniya-sotsiolingvistiki> (дата обращения: 07.02.2023).

92. Коряковцева Е. И. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI В.: словообразовательный и семантический аспекты / Е. И. Коряковцева, Л. В. Рацибурская, М. В. Сандакова. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2021. — Т. 20, № 5. — С. 6–19.

93. Коряковцева Е. И. Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. — М.: Изд-во ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1998. — 220 с.

94. Коряковцева Е. И. О деривационном статусе новых морфем. // Человек о языке — язык о человеке: Сб. статей памяти академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2012. — С. 191.

95. Коряковцева Е. И. Синхрония и диахрония в словообразовании: о теории и практике словообразовательного анализа. // Лингвистические традиции и современность: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко / Отв. ред. Л.В. Рацибурская. — Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. — С. 58–67.

96. Коряковцева Е.И. Единицы диахронического описания словообразовательной системы: словообразовательная категория. Новые пути изучения словообразования славянских языков. *Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen*. Bd. 3. Frankfurt am Main: Беленчиков Р. (изд.), 1999. — С. 15–37.

97. Коряковцева Е.И. Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса. // *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. — Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009. — S. 179–199.

98. Косова В. А. Ономаσιологический подход как основа исследования словообразовательной категоризации действительности. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2008. — №6. — С. 217–224.

99. Косырева М. С. Деривационно-фреймовая парадигма как единица когнитивного моделирования системных отношений между однокоренными словами: на материале интернациональной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук — Кемерово, 2008. — 23 с.

100. Кошкарова Н. Н. Аксиологические характеристики дискурса новой чувствительности: как реальность отражается в языке. // *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. — 2021. — № 2(46). — С. 53–68.

101. Кошкина Е. Г. Эволюция, или «дрейф» языка, основные тенденции его развития (на примере лексико-семантической системы). // *Современный немецкий язык: состояние и развитие* / Отв. ред.: Л. Нефедова. Вып. 2. — М.: МАКС Пресс, 2010. — С. 18–33. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/77488348> (дата обращения: 25.09.2022).

102. Красильникова Е.В. Об освоении иноязычных морфем системой русского словообразования (на примере морфемы -ДРОМ-) // Актуальные проблемы русского словообразования. — Самарканд, 1972. — С. 107–112.

103. Кронгауз М. А. От составителя // Изменения в языке и коммуникации: XXI век: Сб. статей / Сост. и отв. ред. М.А. Кронгауз. — М.: РГГУ, 2006. — С. 1–4.

104. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости. // Семантика и информатика. Вып. 34. — М., 1995. — С. 32–57.

105. Кронгауз М. А. Семантика русского глагола и его словообразовательные возможности. // Russian Linguistics, Vol. 17, № 1. — 1993. — С. 15–36.

106. Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию. — М.: Наследие, 1998. — 296 с.

107. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981 — 200 с.

108. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. — М.: Наука, 1978. — 115 с.

109. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

110. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании картины мира. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 3–15.

111. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике. // Структура и семантика художественного текста. — М.: СпортАкадемПресс, 1999. — С. 186–197.

112. Кудрявцева И.Г. Модальность как словообразовательная категория в системе префиксальных имен существительных: дис. ... канд. филол. наук — Вологда: 2008. — 255 с.
113. Кузьмина С.Е. О понятии языковой интерференции. // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Межвуз. сборник научных трудов. — Вып. X. — Владикавказ, 2008. — С. 36–38.
114. Куликова Э.Г., Светличная Н.О. Лингвопрагматика современного русского словообразования: аббревиация и дезаббревиация. Монография. — М: Наука-Флинта, 2015. — 130 с.
115. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. // Очерки по лингвистике. — М., 1962. — С. 57–70.
116. Кустова Г.И. Семантическая сеть предлога НА. // Труды Международного семинара «Диалог'2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. — М., 2001. — С. 141–150.
117. Кушнир О.Н. Актуализация лингвокультурных концептов, вербализованных заимствованными префиксами и префиксоидами. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2011. — №2. — С. 36–43.
118. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем: перевод с английского / Д. Лакофф, М. Джонсон; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
119. Левашов Е. А. Еще раз об аффиксоидах. // Русская речь. — 2008. — № 3. — С. 50–52.
120. Левашов Е. А. От редактора. // Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова. Отв. ред. Е.А. Левашов. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 3–8.
121. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. — М.: «Наука», 1977. — 316 с.

122. Малинович М.В. Количество. Качество. Причинность: взаимодействие лингвофилософских категорий. // Вестник ИГЛУ. — 2013. — №4 (25). — С. 227–233.

123. Маринова Е. В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в. // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. — С. 65–149.

124. Маринова Е.В. Иноязычное слово как компонент новых фразеологических единиц. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2008. — № 4. — С. 246—251.

125. Мартинкова А.А., Кудрявцева Е.Л. Интернационализация vs. национализация: тенденция национализации в эпоху глобализации (на материале чешского и русского языков) // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12–15 окт. 2015 г.): тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. — Т.2. — С. 186–188.

126. Матвеева Д. С. Полисемантика аффиксального способа словообразования в современном английском языке // Вестник ВУиТ. — 2010. — №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polisemantika-affiksalnogo-sposoba-slovoobrazovaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 16.04.2022).

127. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Пер. с фр. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. — 510 с.

128. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. — Л.: Ленинградский университет, 1987. — 206 с.

129. Молнар А. А. Особенности формирования терминосистемы информационных технологий. — 2011. — № 620. — С. 90–107.

130. Мусатов В.Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 360 с.

131. Мыслицкая Е. В., Середа О. В. Поликодовые тексты: понятие и виды. // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации: материалы круглого стола с международным участием, 15 ноября 2018 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. криминалистики; [редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) и др.]. — Минск: БГУ, 2018. — С. 87–90.

132. Мышак Е. А. Греко-латинские префиксы в англоязычной терминологии биотехнологии. // *Studia Humanitatis*. — 2018. — №2. — [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/greko-latinskie-prefiksy-v-angloyazychnoy-terminologii-biotehnologii> (дата обращения: 18.11.2022).

133. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола.— СПб.: Тип. И. Паульсона и Ко, 1865. — 320 с.

134. Немченко В. Н. Введение в языкознание: учебник для вузов. — М.: Дрофа, 2008. — 703 с.

135. Немченко В.Н. Словообразование. — М.: Высшая школа, 1984. — 255 с.

136. Никишина С. А. Слова с приставкой анти- в русском языке. // Нижневартковский филологический вестник. — 2017. — № 1. — С. 34–37.

137. Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию: учебное пособие. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. — 188 с.

138. Николина Н. А. Активные процессы в сфере сложения в современном русском языке // Вестник ННГУ. — 2013. — №6-2. — С. 171–173.

139. Николина Н. А., Рацибурская Л. В., Фатхутдинова В. Г. Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 5–19.

140. Николина Н.А. От морфемы к слову. // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. — М., Ставрополь, 2001. — С. 161–197.

141. Николина Н.А. Словообразование современного русского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 032900 (050301) — Русский язык и литература / Н. А. Николина, Е. А. Фролова, М. М. Литвинова. — М.: Academia, 2005. — 159 с.

142. Новодранова В. Ф. Латинские основы медицинской терминологии: именное словообразование: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. — М., 1990. — 49 с.

143. Новоселова В. А. Актуальные префиксы де- и ре- в лексике современного политического языка. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2018. — №1 (170). — С. 106–111.

144. Осадчий М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров): дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2007. — 285 с.

145. Панин Л. Г. О формах имени прилагательного в русском языке // Русский язык в школе. — 1993. — № 1. — С. 53–56.

146. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. — М.: Наука, Школа "Языки русской культуры", 1999. — 275 с.

147. Перовская Т.И. Vir: к истории проникновения аббревиатуры в русский язык // Политическая лингвистика. — 3 (41). — 2012. — С. 166–169.

148. Петрухина Е. В. Игры с реальностью: когнитивно-дискурсивный анализ неологизмов постреальность, гиперреальность, суперреальность, трансреальность. // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. — С. 100–106.

149. Петрухина Е. В. Ключевые для современной эпохи словообразовательные модели в русском языке. // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей III Международного симпозиума, в 2-х томах, Ялта, 08–12 июня

2019 года / Ответственный редактор Е.Я. Титаренко. Том 1. — Ялта: «Издательство Типография «Ариал», 2019. — С. 216–223.

150. Петрухина Е.В. Актуальные тенденции в русском словообразовании и глобализация. // Русский язык в поликультурном мире. I Международный симпозиум. Сборник научных статей. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. — Т. 1. — С. 179–186.

151. Петрухина Е.В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке. // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов». — М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. — С. 424–443. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/petrukhina_pfcwproc2010.pdf (дата обращения: 18.10.2022)

152. Петрухина Е.В. Словообразование в университетском курсе русского языка: дискуссионные вопросы. // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. — М.: Изд-во Моск. университета, 2001. — С. 416–431.

153. Петрухина, Е. В. Дискуссионные вопросы русского словообразования: К 70-летию Е.В. Клобукова / Е. В. Петрухина // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 4. — С. 7–24.

154. Плещинская А. И. Развитие префиксоидного словообразования в русском языке: На материале слов с элементами аудио-, видео-, кино-, радио-, теле-, фото-: автореф. дис. канд. филол. наук. — Казань, 2005. — 20 с.

155. Полюжин М.М. Диахронно-семантический аспект префиксального словообразования в английском языке: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.04. — Москва, 1992. — 45 с.

156. Попова Т.В., Перовская Т.И. О вершине словообразовательного гнезда, мотивированного заимствованной аббревиатурой VIP/ВИП. // Aktualne

problemy językoznawstwa słowiańskiego. Redakcja naukowa Elena Koriakowcewa, Janina Gardzińska. — Siedlce: Wydawnictwo UPH w Siedlcach, 2012. — S. 163–173.

157. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II: Глагол. — М.: Просвещение, 1977. — 408 с.

158. Прошина З. Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску). // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — № 2 — С. 6–9.

159. Радбиль Т. Б. Аналитизм vs синтетизм в активных процессах в грамматике современного русского языка. // МИРС. — 2020. — №1. — С. 7–12.

160. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект. // МИРС. — 2017. — №2. — С. 33–39.

161. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ясаи Л., Палоши И.В. Прагматика процессов неударения в русском языке последних десятилетий. // Вестник ННГУ. — 2022. — №1. — С. 149–153.

162. Радбиль, Рацибурская и др. 2018 — Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. — М.: Флинта: Наука, 2018. — 232 с.

163. Радченко М. В. Активные процессы в словообразовании современного русского и хорватского языков. // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. — 2014. — №11-12. — С. 74–79.

164. Рацибурская Л. В. Словообразовательные средства выражения субъективной модальности в современном медийном словотворчестве. // Модальность. Коммуникация. Текст : Сборник научных трудов международной научной конференции, Калининград, 29–30 сентября 2020 года. — Калининград:

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. — С. 152–158.

165. Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве. // Новые тенденции в русском языке начала XXI в. — М.: Флинта: Наука, 2014а. — 304 с.

166. Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В. Специфика современного медийного словотворчества. // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014б. — С. 150–229.

167. Рацибурская Л.В. Актуальные процессы в словообразовании русского и других славянских языков. // Acta Polono-Ruthenica 20. — Olsztyn, 2015. — С. 237–246.

168. Рацибурская Л.В. Динамические аспекты интернационализации в современном медийном словотворчестве. // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. — 2014а. — №5. — С. 25–31.

169. Рацибурская Л.В. Проявление интернационализации в современном медийном словотворчестве. // Вестник ТГГПУ. — 2014б. — №4 (38) — С. 170–174.

170. Рацибурская Л.В. Российская словообразовательная наука в XXI веке. // Русистика. — 2019. — Т. 17. — №3. — С. 276–299.

171. Рацибурская Л.В., Тимофеева А.А. Специфика «глобализации» в деривационных процессах русского и чешского языка. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского — 2010. — № 4 (2). — С. 687–689.

172. РГ-80 — Русская грамматика. Том I. — М.: Наука, 1980. — 792 с.

173. Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. — М.: Изд-во МГУ, 1969. — 156 с.

174. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.

175. Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). // Вопросы грамматического строя. — М.: Академия наук СССР, 1955. — С. 92–112.
176. Русакова О. В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. — Орёл, 2013. — 16 с.
177. Русакова О. В. О принципах выделения аффиксоидов в деривационной системе русского языка. // Вестник ВятГУ. — 2011. — №2-2. — С. 37–40.
178. Сандакова М. В. Прилагательное в атрибутивном словосочетании. // Ярославский педагогический вестник. — 2010. — Т. 1 (Гуманитарные науки). — № 4. — С. 202–207.
179. Сеницына Е.В. Тенденции развития глагольной префиксации в русском литературном языке. // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». — №1(2). — 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.grani.vspu.ru/files/publics/31_pub.pdf (дата обращения: 04.08.2022)
180. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. — 269 с.
181. Смирнов Л. Н. Введение. // Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках. Отв. ред. Л.Н. Смирнов. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. — С. 3–26.
182. Снегова Е.П. Сложные слова со "сложным" характером: дискуссионный статус номинативных единиц типа "фитнес-клуб". // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. —2017. — №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnye-slova-so-slozhnym-harakterom-diskussionnyy-status-nominativnyh-edinit-tipa-fitness-klub> (дата обращения: 15.08.2022).
183. Современный русский язык. Морфология. — М.: Издательство московского университета, 1952. — 519 с.

184. Сологуб О.П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке. // Наука. Университет. 2002. Материалы Третьей научной конференции. — Новосибирск, 2002. — С. 130–134.
185. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 696 с.
186. Страмной А. В. Газетный текст как источник неологизмов: на материале русской и французской прессы: автореф. дис. . канд. филол. наук. — Волгоград, 2007. — 23 с.
187. Субботина М.В. Тенденция к интернационализации и современные деривационные процессы. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 3 (1). — С. 349–355.
188. Табаченко Л. В. О комплексном подходе к исследованию динамики внутриглагольной префиксации. // Вестник ПСТГУ III: Филология 2011. — Вып. 2 (24). — С. 72–79.
189. Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. — 2010. — № 1. — С. 7–31.
190. Тихонов А.Н., Емельянова С.А. Антонимы и словообразование. // Вопросы русского и общего языкознания. Сборник научных трудов Ташкентского университета. — № 501. Ч. 1. — Ташкент, 1976. — С. 126–131.
191. Томчани Л.В. Словообразовательная характеристика качественных прилагательных русского языка. // Молодой ученый. — 2016. — №11. — С. 1716–1719.
192. Торопцев И. С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии. // Проблемы ономазиологии. — Орёл: Изд-во Курск. пед. ин-та, 1974. — Вып. 1. — С. 3–75.
193. Трубачев О. Н. Синхрония, диахрония -und kein Ende ... (маргиналии по русскому историческому словообразованию). // Исследования по русскому историческому словообразованию. — М.: Изд-во РАН, 1994. — С. 16–28.
194. Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2. — М.: Азбуковник, 2017. — 432 с.

195. Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1. — М.: азбуковник, 2015. — 330 с.
196. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. — Москва: Б. и., 1996. — 221 с.
197. Филатов Д.В. Основные способы словообразования в английском языке. // E-Scio. — 2020. — №4 (43). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-sposoby-slovoobrazovaniya-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 04.08.2022).
198. Царев П.В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 225 с.
199. Цирулев Р. Смерть аутентичности. Почему транскультурность — лучшая концепция для объяснения современного мира // НОЖ. — 2020. — [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/transculturality/> (дата обращения: 10.05.2022).
200. Шабалина А. Н. Пропозиционально-фреймовая организация фрагментов гнезд однокоренных слов, описывающих сферу торговли: дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2008. — 320с.
201. Шавель С. А. Перспективы развития социума. — Минск: Беларуская навука, — 2015. — 507 с.
202. Шадыко С. Аббревиатуры в русском языке (в сопоставлении с польским): дис.... д-ра филол. наук. — Варшава, 2000. — 320 с.
203. Шакар Р. Особенности реализации словообразовательного поля одушевлённости в русском языке начала XXI века. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — №9-2 (63). — С. 189–197.
204. Шанский Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка // Исследования по современному русскому языку. — М: Изд-во Москов. универ-та, 1970. — С. 250–260.
205. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. — М.: Издательство МГУ, 1968. — 336 с.

206. Шаповаленко Е. В. Особенности функционирования англоязычных заимствований топ-, ВИП- в современном русском языке. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2021а. — № 2. — С. 53–59.

207. Шаповаленко Е.В. Особенности функционирования англоязычных заимствований топ-, ВИП- в современном русском языке. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2021. — № 2. — С. 53–59.

208. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л.: Учпедгиз, 1941. — 624 с.

209. Шишикина А. А. Именная префиксация в современных деривационных процессах: структурно-семантический аспект анализа: на материале новообразований российской прессы начала XXI в.: автореф. дис. . канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2010. — 23 с.

210. Шишолоина А. О. Типология новейших композитов русского языка. // Вестник ОГУ. — 2016. — №4 (192). — С. 49–53.

211. Шкапенко Т. М., Шаповаленко Е. В. Семантико-прагматическая эволюция префикса латинского происхождения SUPER (по данным польского и английского языков). // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 161–177.

212. Шкапенко Т. М., Шаповаленко Е. В. Словообразовательные модели дериватов с префиксом транс- в современном русском языке. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2022. — № 4(75). — С. 85–94.

213. Шкапенко Т.М., Шаповаленко Е.В. Функционирование словообразовательных компонентов гомо- / гетеро- в русском языке. // Slavistica Vilnensis. — V. 66. — N. 2. — 2021. — P. 125–140.

214. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1994. — 47 с.

215. Щеколдина Л. В. Комплексный сопоставительный анализ английской и русской офтальмологической лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. — 36 с.

216. Щеникова Е. В. Неодериваты с префиксом супер- в системе интернет-дискурса (на материале форумов и блогов). // *Lingua Academica: актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Ульяновск, 01–05 февраля 2021 года* / Под редакцией Н. А. Крашенинниковой. — Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2021. — С. 126–134.

217. Эпштейн М. De'but de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века. // *Знамя*. — 5. — 2001. — [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/5/de-but-de-siesle-ili-ot-post-k-proto-manifest-novogo-veka.html> (дата обращения: 07.12.2022).

218. Эпштейн М. Транскультура: культурология в практическом измерении. // *Знак пробела: О будущем гуманитарных наук*. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — С. 622–634.

219. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. — М.: Индрик, 2001. — 503 с.

220. Янутик С.Я., Ааматов А.М. Словообразовательный потенциал префиксов латинского происхождения. // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. — 2017. — №14 (263). — С. 76–83.

221. Ярмашевич М. А. Универбация как разновидность аббревиации. // *Вестник ОГУ*. — 2003. — №5. — С. 4–8.

222. Яровой Г. Трансграничное сотрудничество России и Евросоюза между (де-)секьюритизацией и парадипломатией: в поисках новых подходов к cross-border governance. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. — 2021. — Т. 14. — Вып. 2. — С. 156–181.

223. Яцкевич Л.Г. Функциональная категория модальности имен существительных: когнитивные и типологические аспекты. // *Словообразовательные и*

грамматические категории в русском языке и речи: сб. науч. трудов / Федеративное агентство по образованию, ГОУ, ВПО «Вологодский государственный педагогический ин-т»; сост. Л. Г. Яцкевич. — Вологда: Русь, 2006. — С. 20–38.

224. Bogusławski A. Prefiksacja czasownikowa we współczesnym języku rosyjskim. — Wrocław-Warszawa-Kraków, 1963. — 141 s.

225. Chrisomalis S. Numerical Notation: A Comparative History. — Cambridge University Press, 2010. — [Электронный ресурс]. URL: <http://phrontistery.info/numbers.html> (дата обращения: 07.12.2021).

226. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. // Teorie odvozování slov. — Praha: Československé akademie věd, 1962. — S. 191–219.

227. Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. — Frankfurt am Main: Peter Lang-Verlag, 2011. — 328 p.

228. Gutschmidt K. Словообразовательные новации (преморфемные дериваты) в славянских языках с точки зрения когнитивной лингвистики. // Procesy innowacyjne w językach słowiańskich. Prace Slawistyczne 114 SOW. — Warszawa, 2003. — S. 63–76.

229. Hamawand Z. Prefixes of Degree in English: A Cognitive-Corpus Analysis. // Open Journal of Modern Linguistics 01(02). — 2011. — P. 13–23.

230. Koziol H. Handbuch der Englischen Wortbildungslehre. — Heidelberg: C. Winter, 1937. — 345 p.

231. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Volume 1. Theoretical prerequisites: Ronald W. Langacker. — Stanford California, CA: Stanford University Press, 1987. — 516 p.

232. Lehmann V. Sprachliche Entwicklung als Expansion und Reduktion. Anstatt A. (Hg.) — Entwicklungen in slavischen Sprachen. — München, 1999. — p. 169–254.

233. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation: A SynchronicDiachronic Approach. — Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1960. — 545 p.

234. Mustonen L. Латинские инкрустации в русской печатной речи новейшего времени // *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XIV. — Helsinki, 1997. — S. 90–120.

235. Ochmann D. Nowe wyrazy złożone o podstawie zdeintegrowanej w języku polskim. — Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. — 360 s.

236. Puzynina J. Jak pracować nad słowotwórstwem historycznym języka polskiego? // *Poradnik Językowy*. — 1975. — № 4. — S. 173–175.

237. Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2005. — 193 s.

2. Словари и энциклопедические издания

Академос — Орфографический академический ресурс «Академос». — Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук. — 2016–2023. — [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 07.12.2021).

АРЯ — Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова. Отв. ред. Е.А. Левашов. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 288 с.

Асланова Л. А. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка. — М.: Дом славянской книги, 2010. — 990 с.

Баранова Л. А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. — М.: Аст-Пресс Книга, 2009. — 320 с.

БЕ — Брокгауз Ф. А., Ефрон, И. А. Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Изд. 2-е, вновь перераб. и знач. доп. — Санкт-Петербург: Изд. Брокгауз-Ефрон. — 1907–1909. — [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (дата обращения: 10.09.2022).

БСЭ — Большая советская энциклопедия. в 30-ти т.. — 3-е изд.. — М.: Совет. энцикл., 1969–1986. ил., карт. — [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/130/index.htm> (дата обращения: 07.12.2022).

БТСРЯ — Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. — [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 10.11.2022).

Горбачевич К. С. Большой академический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. — М.: Наука, 2005. — 728 с.

ДРС — Древнегреческо-русский словарь: Ок. 70 000 слов (в обоих томах) / Составил И.Х. Дворецкий; Под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР С.И. Соболевского. С приложением грамматики, составленной С.И. Соболевским. — М.: ГИС, Т. 1 : А — Л. — 1958. — 1043 с. Т. 2 : М — Ω. — 1958. — 1905 с.

Лопатин В.В., Улукханов И.С. Русский язык. Энциклопедия. — М.: Наука, 1979. — 812 с.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В.Н. Ярцева] — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с. — [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 07.12.2022).

Мюллер В. К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений. — М.: Эксмо, 2013. — 1328 с.

НСЗ 60 — Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Под ред. Н. Э. Котеловой и Ю.С. Сорокина. Изд. 2-е, стереотип. — М.: «Сов. Энциклопедия», 1973. — 543 с.

НСЗ 70 — Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. / Е.А. Левашов, Т. Н. Поповцева, В.П. Фелицына и др.; Под ред. Н. З. Котеловой. — М.: Рус. яз., 1984. — 808 с.

НСЗ 80 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. / Под ред. Е.А. Левашова. — СПб.: «Дм. Буланин», 1997. — 903 с.

НСЗ 90-1 — Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. / [сост. Т. Н. Буцева, Е. Н.

Геккина, Ю. Ф. Денисенко, О. М. Карева, А. Ю. Кожевников, Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая, Е. П. Снегова, Н. Г. Стулова, Е. Н. Шагалова] ; под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова ; Ин-т лингвистических исследований РАН. — Т. 1 : А — К. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — 816 с.

НСЗ 90-2 — Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. / [сост. Т. Н. Буцева, Е. Н. Геккина, Ю. Ф. Денисенко, О. М. Карева, А. Ю. Кожевников, Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая, Е. П. Снегова, Н. Г. Стулова, Е. Н. Шагалова] ; под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова ; Ин-т лингвистических исследований РАН. — Т. 2 : Клиент-банк — Паркетный. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — 1392 с.

НСЗ 90-3 — Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. / [Т. Н. Буцева, Е. Н. Геккина, Ю. Ф. Денисенко, О. М. Карева, А. Ю. Кожевников, Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая, Е. П. Снегова, Н. Г. Стулова, Е. Н. Шагалова] ; под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. — Т. 3: Паркомат — Я. — СПб. : дмитрий Буланин, 2014. — 1360 с.

НСРЯ — Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 10.08.2022).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 стр.

Петроченков А.В. Business English for Special Purposes. Англо-русский словарь специальной деловой лексики. — М.: Хорошая книга, 2007. — 336 с.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1976. — 399 с. — [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 23.10.2022).

Русский язык 1979 — Русский язык. Энциклопедия. / Гл. ред. Ф. П. Филин; Редкол.: Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, Т. А. Ганиева (зам. гл. ред.), В. Я. Дерягин, В. В. Иванов (зам. гл. ред.), С. И. Котков, И. Ф. Протченко, А. В. Текучев, И. М. Терехов, Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелев. — М.: Советская энциклопедия, 1979. — 431 с.

СИСРЯ — Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. — М.: «Аделант», 2014. — 800 с.

Скляревская 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. — 700 с.

ССА — Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. — 812 с.

Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. — Москва: АСТ, 2014. — 639 с.

Ушаков 1938 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. — Т. 2. Л — Ояловеть. — 1040 стб.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. — 4-е изд., стереотип. — М.: Астрель — АСТ, 2007. — [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 07.12.2022).

Хацкевич Ю. Г. Новейший словарь иностранных слов и выражений. — М.: Современный литератор, 2003. — 967 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М.: Рус. яз., 1999а. — Т. 1: А — Пантомима. — 624 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М.: Рус. яз., 1999б. — Т. 2: Панцирь — Ящур. — 560 с.

Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI в.). — М.: АСТ, 2010. — 944 с.

Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Издательство Московского университета, 1980. — Т. II. Вып. 7. И. — 147 с.

Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: комплексное описание русской лексики и словообразования. — М.: АСТ; Астрель; Русские словари; ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 1022 с.

Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. — СПб.: Акад. наук, 1806. — Ч. 3: [От О до Я]. — 1806. — 1322 стб.

BD — The Britannica Dictionary. Encyclopædia Britannica, Inc. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 15.10.2022).

CD — Cambridge Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 18.01.2023).

CFOD — Collins Free Online Dictionary — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 15.02.2023).

COED 1912 — Fowler F. G. The concise Oxford dictionary of current English. — Oxford: The Clarendon Press, 1912. — 1044 p.

COED 1972 — Fowler F. G. The concise Oxford dictionary of current English. — Oxford: The Clarendon Press, 1972. — 1584 p.

COED 1990 — Allen R.E. The concise Oxford dictionary of current English. — Oxford: The Clarendon Press, Oxford University Press, 1990. — 1454 p.

ED — Vaan D. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. — Leiden: Brill, 2008. — 826 p.

FD — The Free Dictionary by Farlex. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 11.01.2023).

GEL — Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon with a Revised Supplement. Clarendon Press, 1996. — [Электронный ресурс]. URL: https://lsj.gr/wiki/Main_Page (дата обращения: 18.01.2023).

LD — Longman Dictionary of Contemporary English. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 15.02.2023).

MD — Macmillan Dictionary and Thesaurus. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 07.12.2022).

MWD — Merriam Webster Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 07.12.2022).

OD — English Oxford Living Dictionaries. — [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 10.08.2022).

OED — Online Etymology Dictionary. — [Электронный ресурс]. URL: www.etymonline.com (дата обращения: 10.08.2022).

OLD — Glare P.G.W. Oxford Latin dictionary. — Oxford [Oxfordshire]: Clarendon Press; New York : Oxford University Press, 1982. — 2126 p.

WE — WordExample — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wordexample.com/> (дата обращения: 01.08.2022).

3. Источники

МКБ-10 — Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) // МКБ-10 — Международная классификация болезней 10-го пересмотра. — [Электронный ресурс] URL: <https://mkb-10.com/> (дата обращения: 09.08.2021).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.02.2023).

COHA — The Corpus of Historical American English. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.english-corpora.org/coha/> (дата обращения: 10.02.2023).

Resolution 1960 — Resolution 12 of the 11th CGPM. Comptes Rendus de la 11e CGPM (1960), 1961, p. 87. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.bipm.org/en/CGPM/db/11/12/> (дата обращения: 09.08.2021).

wiki — Викисловарь. — [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 07.02.2023).